

ИСТОРИЯ РОССИИ

ВЪ РАСКАЗАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнить?
О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Жуковскій.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ
Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ 15 Февраля 1858 года.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

ИСТОРИЯ РОССИИ

ВЪ РАСКАЗАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА АННА ЛЕОПОЛЬДОВНА.

Опшъ 1740 до 1741 года.

(Періодъ 1 года.)

Давно уже не было такого веселья въ Петербургъ, какъ въ день, наступившій послѣ тревожной ночи, когда съ утра разнеслась по всѣмъ домамъ вѣсть, что страшный для всѣхъ Герцогъ Курляндскій уже не раздаетъ грозныхъ приказаній своихъ въ Лѣпнемъ дворцѣ Императорскомъ, но лишенный свободы, ожидаетъ наказанія за безчисленные

Часть V.

1

злодѣянїя свои. Сначала почти всѣ от-
казывались вѣрить такой новости, и
привыкнувъ къ коварному нраву прави-
теля, считали ее хитростью, выдуман-
ною имъ для погубленїя какихъ нибудь
новыхъ жертвъ. Но когда потомъ уви-
дѣли, что всѣ находившіеся въ столи-
лицѣ полки, сходились на площадь
дворцовую, а всѣ знатнѣйшіе вельможи
сѣзжались въ придворную церковь—
приносятъ присягу въ вѣрности импе-
ри Императора, какъ Великой Княгинѣ
и Правительницѣ государства—всѣ по-
вѣрили своему счастью и сдѣлались
такъ веселы, что нѣсколько дней ни-
чего не слышно было въ Петербургѣ,
кромѣ благодарственныхъ моленій въ
церквахъ, и шумныхъ пированій въ до-
махъ. Послѣ страха, который внушалъ
суровый видъ прежняго Регента, всѣ
съ восхищеніемъ смотрѣли на мо-
лодую Правительницу! Плѣнитель-
ная наружность и доброе сердце Ея,
казалось — такъ вѣрно обѣщали имъ
счастливую будущность! Они видѣли

исполненіе надеждъ своихъ въ милостяхъ, которыми она осыпала всѣхъ пострадавшихъ при Биронѣ; въ улучшеніяхъ, которыя дѣлала по разнымъ частямъ правленія, наконецъ, въ снисходительности, съ которою она каждую недѣлю принимала во дворецѣ просьбы всѣхъ, кто имѣлъ до нее какую либо нужду. Но все это счастливо продолжалось только до тѣхъ поръ, пока люди, окружавшіе престоль, еще не опомнясь отъ ужаса, въ какомъ держалъ ихъ спрашный Биронъ, думали только о своемъ счастливомъ освобожденіи отъ него, и неувѣренные еще въ безопасности своей, какъ будто боялись не быть добрыми. Но какъ скоро пишина и спокойствіе утвердились, дурныя склонности начали выходить наружу, и снова все заволовалось при дворѣ, такъ не надолго успокоенномъ! Главными лицами были тогда тамъ: Принцъ, супругъ Правительницы; Фельдмаршалъ Минихъ, которому она обязана была своимъ воз-

вышеніемъ и Графъ Остерманъ. Первый, къ несчастію, былъ человекъ вовсе неспособный къ правленію; послѣдніе два — враги между собою. Удивительно было это нерасположеніе другъ къ другу людей, одаренныхъ столь многими прекрасными качествами! Особенно удивителенъ былъ въ этомъ случаѣ Минихъ, котораго жизнь представляла такое множество дѣлъ славныхъ и благородныхъ! Какъ могло какое нибудь мелочное чувство помѣщаться въ этой героической, великой душѣ? Но я скажу вамъ причину этого, милые читатели мои. Минихъ былъ чрезвычайно честлюбивъ, а вмѣстѣ съ честлюбіемъ душа наша обыкновенно принимаетъ много дурнаго! И такъ хотя жаль мнѣ, разочаровать васъ нѣсколько въ любимца нашего, Фельдмаршалъ, — побѣдитель Турокъ и Поляковъ, но нечего дѣлать, надобно сказать вамъ, что множество прекрасныхъ свойствъ его померцало чрезмѣрнымъ честлюбіемъ. Увеличиваясь съ лѣтами, оно было въ

послѣдствіи , одною изъ главныхъ причинъ почти всѣхъ дѣйствій его. Вы видѣли , какъ для этого честолюбія; онъ помогаль возвышатся Бирону; какъ потомъ , для этого же честолюбія свергнулъ его; вы увидите теперь , какъ наконецъ , для этого честолюбія, онъ потеряетъ довѣренность молодой Родительницы Императора. Фельдмаршалу давно чрезвычайно хотѣлось получить самую важную изъ почестей военныхъ — чинъ *Генералиссимуса* войскъ. Показавъ такъ много усердія Аннѣ Леопольдовнѣ , онъ непременно ожидалъ отъ нея исполненія своего давнишняго желанія , но Правительница сдѣлала Генералиссимусомъ Рускихъ войскъ супруга своего , а въ упѣщеніе Фельдмаршалу , приказала только написать въ Указѣ слѣдующія слова : „Графъ Минихъ , пріобрѣвъ своими великими заслугами достоинство Генералиссимуса , уступаетъ оное Родителю Императора.“

Такое утѣшеніе не удовлетворило гордую душу Миниха, и оскорбило честолюбіе принца. Анна не думала о неудовольствіи супруга, котораго можно было скоро успокоить, но огорченіе освободителя ея отъ власти жестокаго Регента сильно превозжило Ея добрую душу, и она спѣшила придумать какое нибудь новое вознагражденіе. Она радовалась, когда ей пришла мысль сдѣлать его первымъ министромъ. Но это опять было неудачно: званіе перваго министра и вообще главное управленіе всѣми дѣлами государственнымъ, во все время царствованія Императора Іоанна, принадлежало Графу Остерману. Могъ ли теперь не оскорбиться сей знаменитѣйшій министръ своего времени, поступивъ вдругъ подъ начальство Миниха? Остерманъ оскорбленъ былъ до такой степени, что, забывъ всѣ великія заслуги, оказанныя Минихомъ Отечеству, началъ искать средствъ погубить его.

Такъ Анна Леопольдовна, не смо-

пря на всѣ старанія, не достигала успѣха. Это доказало еще разъ, что одного добраго сердца, недоспащично для того, кому опредѣлено судьбою управлять царствомъ. Здѣсь необходимы еще проицательность, твердость, величайшая дѣятельность, а всѣхъ этихъ качествъ недоспавало молодой Родительницѣ Иоанна. Особенно, послѣднее такъ было далеко отъ нее, что нерѣдко, когда министры приходили къ ней поутру съ докладами дѣль, она опккровенно говорила имъ: „Ахъ! если бы сынъ мой скорѣе дожилъ до тѣхъ лѣтъ, чтобы могъ самъ править государствомъ!“ Удивительно ли послѣ того, что эта принцесса, не умѣла съ пользою употребить людей, окружавшихъ ее, не умѣла согласить ихъ выгоды и попушить ихъ ссоръ, и потомъ вмѣстѣ съ ними погибла! Первый шагъ къ этой гибели, правительница сдѣлала въ то время, когда, слушая Остермана, уже замышлявшаго паденіе Миниха, она по-

вѣрила хитрымъ рассказамъ его о томъ, что честолюбіе Фельдмаршала не удовлетворится никакими почестями, что онъ будетъ стремиться все выше и выше. Искусный хитрецъ умѣлъ очень ксташи сказать ей и то, что Бироцъ, въ это время все еще судившійся въ Шлюсельбургской крѣпости, объявилъ въ показаніяхъ своихъ, что никогда и въ голову ему не пришла бы мысль быть Регентомъ, если бы Минихъ не умолялъ его объ этомъ самымъ убѣдительнымъ образомъ. Съ перваго же раза цѣль Остермана была достигнута: легковѣрная Правительница потеряла всю довѣренность къ Миниху, и начала сама думать о средствахъ, какъ бы удалить его не только отъ участія въ дѣлахъ государственныхъ, но даже и отъ двора. И судьба представила удобный къ тому случай.

Въ это время въ Европѣ началась война за наслѣдство Австрійскихъ владѣній. Въ числѣ государей, спорившихъ о томъ съ Императрицею Ма-

рією—Терезією, былъ также и ближай-
шій сосѣдъ Россіи, — Король Прусскій,
только что заключившій дружествен-
ный союзъ съ Рускими, слѣдовательно
не ожидавшій, чтобъ они вздумали по-
могать Австрійцамъ, тѣмъ болѣе,
что Шведы готовились въ то самое
время объявить войну опечеству на-
шему. Но Австрійская Императрица бы-
ла ближайшая родственница Принца
Антона, и Анна Леопольдовна хотѣла
помогать ей, не смотря на явныя не-
выгоды, какія могли произойти для
Рускихъ отъ сей помощи. Графъ Ос-
шерманъ утверждалъ въ этомъ намѣ-
реніи Великую Княгиню, потому что
зналъ совершенно пропивное мнѣніе
Фельдмаршала, и ожидалъ большой
пользы для себя отъ несогласія, какое
необходимо должно было произойти
отъ того между имъ и Правительни-
цею. Злое ожиданіе министра исполни-
лось: Минихъ, со всею откровеннос-
тію воина, сказалъ Великой Княгинѣ,
что сколько опасно, во время ожиданій

войны съ Швеціею—отправитъ много-численное войско на помощь чужому государству, столько и неблагородно измѣнитъ союзнику, положившемуся на слово наше. Правительница нашла такія слова дерзкими — и чтобъ наказать Миниха, исполнила намѣреніе свое и заключила союзъ съ Австріею, не спрашивая болѣе совѣтовъ его. Огорченный до глубины души, Минихъ не могъ перенести равнодушно такого оскорбленія и попросилъ себѣ отставку, тайно надѣясь, что она не будетъ дана ему. Но надежда и шутъ обманула его: Анна Леопольдовна не только тотчасъ же, съ внутреннимъ удовольствіемъ дала ему отставку, но съ нетерпѣніемъ каждый день спрашивала у окружающихъ ее, переѣхалъ ли Фельд-маршалъ изъ ближняго сосѣдства его со дворцемъ въ собственный домъ его на другой сторонѣ Невы. Робкая принцесса не даромъ справлялась объ этомъ: съ тѣхъ поръ, какъ Остерманъ напугалъ ее честолюбивыми замыслами.

Миниха, она не проводила спокойно ни одного часа; каждую ночь перемѣняла спальню, удвоила карауль во дворцѣ, и безпрестанно вспоминала о томъ, съ какимъ искусствомъ Фельдмаршалъ умѣлъ за нѣсколько мѣсяцовъ предъ шѣмъ схватить мугуцественнаго Регента. Боязливое сердце ея спрашилось такой же участи, пока Минихъ участвовалъ въ правленіи, или даже только жилъ подлѣ дворца! Но едва переѣхалъ онъ за Неву, и Великая Княгиня совершенно успокоилась, вовсе не воображая, что шеперь-то, съ удаленіемъ ревностнѣйшаго служителя и умнѣйшаго совѣтника, она сама приготовила величайшія для себя опасности, и лишила себя средствъ видѣть ихъ и избавиться отъ нихъ!

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА.

1 7 4 1 годъ.

Удивительно чинашь въ исторіи нашей, милья дѣши, что Русскіе отдали корону Царей своихъ—младенцу, сыну принца чужестраннаго и принцессы почти также чужестранной, въ то время, когда у престола ихъ разцвѣтала прекрасная опрасль Того, Кому сей престоль обязанъ былъ и Императорскимъ величіемъ своимъ, и своею чудною славою? Удивительно видѣть, что

они почитали наслѣдницею Его, рожденную въ чужой земль, принцессу-лютеранку, пошому только, что она была внука Царя, никогда не управлявшаго ими, и какъ будто забывали о Княжнѣ, соединенной съ ними одною вѣрою и отечествомъ, о Княжнѣ — родной дочери Великаго, безсмертнаго Петра ихъ! Такое ослѣпленіе, долго существовавшее, болѣе всего приписать должно крошкѣ сердцу Елисаветы Пепровны, всегда находившему болѣе удовольствій въ наслажденіяхъ тихой жизни и не помышлявшей о правахъ своихъ на пресполь незабвеннаго Родителя. Во время царствованія Анны Иоанновны и ужасныхъ дѣлъ жестокаго любимца Ея, Елисавета начала еще болѣе чуждаться опасностей, окружающихъ пресполь, и еще пверже рѣшилась никогда не искашь его. Можеть быть такая безпечность продолжалась бы во всю жизнь Елисаветы, но видя безпрестанныя ошибки въ правленіи Анны Леопольдовны, особен-

но со времени удаленія Миниха, Елисавета Пешировна замѣтила, что съ самымъ добрымъ сердцемъ и самыми хорошими намѣреніями, можно поступать дурно, и это привело Ее къ мысли: справедливо ли дѣлала Она, предоспаляя престоль, а съ нимъ и судьбу нѣсколькихъ милліоновъ людей, правленію слабой принцессы и отдаленному царствованію младенца - Императора? Правда, что эта мысль, слегка мелькнувшая, не развилась бы въ спокойномъ и нечестнолюбивомъ сердцѣ Ея, если бы не старались объ этомъ многочисленныя приверженцы Ея и всѣ пѣ люди, которые безриспратно смотрѣли на легкомысленныя поступки Правительницы. Ошибки Анны Леопольдовны сдѣлались еще непрощительнѣе, съ тѣхъ поръ, какъ она лишила довѣренности своей и втораго изъ умнѣйшихъ совѣтниковъ своихъ, Графа Остермана, и начала во всемъ слѣдовать наставленіемъ новаго любимца своего, Саксонскаго посланника, Графа Линара.

Такіе безпорядки не могли не встревожить людей, истинно преданных опечесиву. Къ нимъ присоединились еще нѣкоторые иностранцы, желавшіе для выгодъ государствъ своихъ перемѣны въ Рускомъ правительствѣ. Это были по большей части Французы и Шведы. Первымъ нужно было опклонить Россію отъ участія въ дѣлахъ Австрійцевъ, которыми отъ всей души хотѣла помогать Анна Леопольдовна; вторые, все еще не теряли надежды возвратить области, завоеванныя у Швеціи Петромъ Великимъ, и думали, что Елисавета, изъ благодарности къ усердію ихъ, исполнитъ эту надежду. Между ними главными дѣйствующими лицами были: Французскій посланникъ Маркизь *Де-ла-шетарди* и домашній докторъ Великой Княжны, *Лестокъ*. Они то болѣе всѣхъ старались о восшествіи Ея на престоль: первый, не только составлялъ планъ дѣйствій противъ Правительницы, но даже доставлялъ Елисаветѣ Пепровнѣ значитель-

ныя суммы денегъ, нужныя на расходъ въ такомъ случаѣ, а послѣдній, находясь безошлучно при Цесаревнѣ, ободрялъ Ее въ тѣ минуты, когда робость и нерѣшительность овладѣвали душой Ея. По общему совѣту обоихъ, прежде всего надобно было склонить на свою сторону гвардейскіе полки, и Елисаветѣ не трудно было сдѣлать это: солдаты любили въ ней дочь Петра, и каждый, кому открывали Ея намѣреніе принять правленіе, радовался, и готовъ былъ жертвовать жизнью за *матушку!* *) Двѣнадцать гренадеръ Преображенскаго полка, были первые, узнавшіе объ этой новости; они начали потомъ склонять своихъ товарищей и поступали въ этомъ случаѣ

*) *Матушка наша* — было имя, которымъ называли Великую Княжну — солдаты. Они восхищены были ласковостію Ея, особенно съ тѣхъ поръ, какъ слѣдуя наставленіямъ своихъ совѣтниковъ, Она еще увеличила простоту обхожденія своего съ ними, и иногда вмѣсто прогулки, прѣзжая въ казармы, позволяла солдатамъ говорить съ Нею о своихъ нуждахъ.

такъ неосторожно — что только одна непонятная безпечность Правительницы была причиной, что предпріятіе не открылось. Самъ Де-ла-шешарди и особенно Лестоковъ, были еще болѣе неосторожны нежели Преображенцы: послѣдній такъ открыто говорилъ вездѣ о своихъ замыслахъ, что въ скоромъ времени всѣ подробности его сдѣлались извѣстны Графу Остерману, который не смотря на то, что былъ уже въ немилости у Правительницы, и спрадалъ жестоко отъ болѣзни, принималъ еще живѣйшее участіе въ судьбѣ наследниковъ Анны Іоанновны, и испугавшись опасностей, какія угрожали имъ, приказалъ перенести себя на носилкахъ во дворецъ, и здѣсь съ большимъ страхомъ рассказалъ Аннѣ Леопольдовнѣ все, что готовилось для Нее. Но удивительно было невниманіе къ нему Великой Княгини! Можетъ быть, по волю Бога оно нужно было для того, чтобы передать престоль Россіи знаменитому поколѣнію генія, создавша-

го ее, въ ея новомъ, прекрасномъ образѣ; какъ бы то ни было, только, Анна Леопольдовна во все это время, пока говорилъ Остерманъ, занималась новымъ платьищемъ, сдѣланнымъ для малютки-Императора, и когда огорченный министръ кончилъ рѣчь свою, она вмѣсто отвѣта, съ восхищеніемъ показала ему это платьице, и не переставала хвалить цвѣтъ и покрой его. Съ такимъ же равнодушіемъ принимала она предостереженія и другихъ приверженцевъ своихъ, и всѣмъ имъ отвѣчала только то, что Она увѣрена въ добромъ расположеніи къ ней Великой Княжны, вовсе не помышляющей о престолахъ.

Между тѣмъ, у Цесаревны, которая одна лучше всѣхъ своихъ сообщниковъ, умѣла скрывать свои намѣренія—почти все уже было готово; недоставало только твердости и рѣшимости царствовать: Елисавета съ каждымъ днемъ откладывала, и только тогда рѣшилась исполнить свое намѣреніе,

когда уже опасно было медлить: намѣренія Ея сдѣлались извѣстны многимъ, и съ каждымъ днемъ, и сама Царевна и всѣ Ея приверженцы могли ожидать гибели. Но и путь надобно было много усилій, чтобы заставить Ее дѣйствовать. Кромѣ всего, что можно было сказать при этомъ случаѣ, Лестокъ употребилъ еще одно средство: онъ принесъ Великой Княжнѣ аллегорическую картинку, на которой съ одной стороны она представлена была въ коронѣ, а съ другой, въ покрывалѣ монахини, съ разными орудіями казни кругомъ. Подавая эту картинку Цесаревнѣ, усердный докторъ еще болѣе убѣдилъ Ее, сказавъ: „избирайте, Ваше Высочество! быть Императрицею, или спряться въ монастырскомъ заключеніе и видѣть гибель людей, Вамъ преданныхъ.“ Сія слова произвели свое дѣйствіе въ полной мѣрѣ: Елисавета ужаснулась и монастыря, и мысли, быть причиною несчастія своихъ усердныхъ приверженцевъ. Въ слѣдующую ночь

назначили произвестъ важный переворотъ, не сказывая ни слова Французскому посланнику. На это была важная причина: проницательная Елисавета узнала, что преданность его къ ней была не искренняя: онъ условился съ Шведами, что корабли ихъ подойдутъ къ Петербургу, заставявъ силою Анну Леопольдовну и сына ея опказаться отъ престола, возведутъ на него Елисавету, и тогда будутъ требовать отъ новой, возведенной ими Императрицы согласія на всѣ условія, какія вздумается имъ предложить для выгоды Государствъ своихъ. Къ счастью Россіи, эта хитрость была во время проникнута, и всѣ послѣднія дѣйствія Великой Княжны удачно скрыты отъ Де-ла-шетарди. Возвратимся же къ нашему рассказу. Назначенный для переворота день, былъ 24 ноября 1741 года. Чѣмъ болѣе приближалась рѣшительная минута, тѣмъ сильнѣе билось сердце крошкой Царевны. Чтобы успокоить себя, она начала молиться, и дол-

го, долго стояла передъ образомъ Богоматери, какъ будто испрашивая благословеніе Ея на правое дѣло свое, и на народъ, кошораго судьба должна была чрезъ нѣсколько часовъ свершиться. Успѣхъ, увѣнчавшій желаніи Елисаветы, не смотря на малыя средства Ея, на неосторожность дѣйствовавшихъ лицъ и происшедшую отъ того поспѣшность, съ которою надобно было дѣйствовать, доказываетъ, что молитвы доброй Княжны не были напрасны и святая Царица небесъ испослала ей могущественную помощь Свою. Когда всѣ уже во дворцѣ уснули глубокимъ сномъ, Лестокъ явился сказать о помъ Елисаветѣ. Поручая жребій свой Богу, она чувствовала необыкновенную бодрость въ душѣ своей. Лестокъ спѣшилъ воспользоваться такимъ расположеніемъ, и не медля ни минушы, уговорилъ Царевну ѣхать въ Преображенскій полкъ, гдѣ уже нетерпѣливо ожидали Ее приста человекъ приверженцевъ Ея изъ ниж-

нихъ чиновъ. Офицеровъ, еще не успѣли склонить на сторону будущей Императрицы, но Она нѣсколькими словами убѣдила нѣхъ изъ нихъ, копорыхъ нашла въ караульнѣ. Для того Ей стоило только сказать: *„Вы знаете, тѣя я догъ, идите за мною.“* — *„Готовы, матушка! —* было отвѣтомъ солдатъ. Офицеры изъявили такуюже готовность, и безъ малѣйшаго шума и кровопролитія въ туже ночь взяли подъ стражу: Правительницу со всѣмъ ея семействомъ, Фельдмаршала Графа Миниха, Графа Остермана, Оберъ Гофмаршала Графа Левенвольда, и Вице-канцлера Графа Головкина. Въ три часа утра Елисавета Петровна возвратясь во дворецъ Свой, въ разныхъ комнатахъ котораго сидѣли всѣ взятые подъ стражу, послала Камергера своего Графа Шувалова, объявить Французскому посланнику—объ этомъ счастливомъ окончаніи. Можно представить себѣ, какъ удивленъ и раздсадованъ былъ Де - ла - шепарди этою посѣшностію и

такимъ успѣхомъ! Онъ еще восхищался своимъ прекрасно успроеннымъ планомъ, а Цесаревна уже, какъ Государыня Россіи, принимала присягу новыхъ подданныхъ Своихъ, и имѣла упѣшеніе быть обязанною только имъ, а не иностранцамъ—за престолъ, такъ справедливо Ей возвращенный.

НЕПОСТОЯНСТВО СЧАСТІЯ.

Отъ 1741 до 1742 года.

(Пер. 1 года.)

Милыя дѣши! На землѣ нѣтъ ничего непостояннѣе счастія: вѣчность и ея безконечныя, чистыя радости ожидаютъ насъ тамъ, за гробомъ, у того милосердаго Спасителя, Который такъ божественно открылъ намъ ее; здѣсь же, все невѣрно, все перемѣняется не только съ каждымъ годомъ, но часто даже съ каждымъ днемъ. И такъ будемъ спокойны, когда намъ весело, будемъ спокойны и тогда, когда выѣ-

сто веселья случится намъ въ жизни проводить такіе дни, которые называются у насъ *герными*. Что такое спокойствіе возможно—въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія: во всѣ времена и во всякой землѣ бывали люди, доказавшіе это. Пріятно читать рассказы о судьбѣ такихъ людей, пріятно узнавать подробности жизни ихъ въ то время, когда лишены блеска, окружавшаго ихъ въ счастіи, они украшались другимъ, болѣе прекраснымъ, блескомъ истиннаго достоинства человека. Хотите ли вы, милыя дѣти, послушать, о такихъ истинно превосходныхъ людяхъ? Исторія наша представитъ вамъ пещеръ случай поговорить о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Слушайте же.

Читая въ послѣднемъ разсказѣ нашемъ о переворотѣ, возвратившемъ на престолъ Рускій, драгоценное поколѣніе величайшаго изъ Царей земныхъ, вы, — несмотря на радость свою объ этомъ счастливомъ для насъ происшествіи — вѣрно съ состраданіемъ подумаете.

мали о судьбѣ эпой — хопя слишкомъ безпечной, но доброй и кропкой Правительницы и ея маленькаго сына, такъ рано осчасливленнаго и такъ скоро лишеннаго счастья? Вы вѣрно подумали также и о знаменитыхъ людяхъ, поспрадавшихъ вмѣстѣ съ ними? На примѣръ объ эпомъ храбромъ, благородномъ Фельдмаршалѣ Минихѣ, объ эпомъ умномъ Графѣ Остерманѣ, объ эпомъ преданномъ и къ Императрицѣ Аннѣ, и къ племянницѣ Ея — Графѣ Левенвольдѣ? Всѣ они по необходимости, должны были раздѣлишь несчастье Принцессы, которую такъ усердно старались поддерживать на тронѣ, не принадлежавшемъ ей, и всѣ они, показали столько твердости, столько благородной покорности судьбѣ своей, что жизнь ихъ, съ того времени, можетъ быть полезнымъ урокомъ и для старшихъ и для младшихъ читателей моихъ. Начнемъ съ главнаго лица, съ Принцессы правительницы.

Несчастіе, поразивъ Анну Леопольдовну жестокою горестію, возвысило добрыя свойства души ея: она сдѣлалась самою заботливою матерью, самою мужественною утѣшительницею бѣднаго семейства своего. Супругъ ея не имѣлъ и половины ея твердости духа, ея покорности судьбѣ, и все время, пока она была жива, положеніе его не могло называться совершенно несчастнымъ, хотя нѣкоторымъ образомъ и сама она виновата была въ продолжительности своего заключенія: когда Императрица Елисавета Пешровна предложила ей ошказаться за сына опть короны Руской, она никакъ не согласилась на это предложеніе, и шѣмъ возбудила подозрѣніе, что надежда возвратить эту корону, еще живетъ въ душѣ ея. Съ этою надеждою она и скончалась въ 1746 году, оставивъ супругу своему: кромѣ бывшаго Императора, принца Іоанна, еще четверыхъ дѣшей, родившихся въ заключеніи: Принцевъ:

Петра и Алексія, и Принцессъ: Екатерину и Елисавету. Мѣсто заключенія ихъ перемѣнялось нѣсколько разъ: сначала содержались они въ Рижской крѣпости, потомъ въ Динаминдѣ, опшуда перевезены были въ Раніенбургъ, городъ Рязанской губерніи. Здѣсь Принцъ Иоаннъ Антоновичъ былъ разлученъ съ родственниками своими, которыхъ никогда не видѣлъ болѣе: его отвезли въ Шлюсельбургскую крѣпость; ихъ— въ небольшой городокъ Архангельской губерніи, Холмогоры, гдѣ и скончалась Анна Леопольдовна. Супругъ и дѣти ея провели въ этомъ городкѣ еще болѣе придцаши лѣтъ. Скучна и единообразна была жизнь ихъ, но они переносили свое несчастіе съ терпѣніемъ. Единственнымъ наставникомъ молодыхъ принцевъ и принцессъ былъ отецъ ихъ, кошорый, не имѣя самъ отличнаго образованія, могъ научить ихъ только чшенію и письму. Чшеніе церковныхъ книгъ доставляло имъ лучшее утѣшеніе. Не получивъ понятія ни о какихъ наукахъ

и искусствахъ, они часто не знали что дѣлать, и очень радовались, когда научились у отца, играть въ вистъ и ломберъ. Кромѣ картъ, имѣли они еще одно удовольствіе: у нихъ была шарая карета, въ которой позволялось имъ иногда ѣздить прогуливаться сажень на двѣсши отъ дома ихъ; но прогулка ихъ никогда не простиралась далѣе высокой стѣны, окружавшей мѣсто жилища ихъ. Вотъ какую жизнь вели дѣти принцессы, управлявшей обширнѣйшимъ въ свѣтѣ царствомъ; братья и сестры принца, названнаго Императоромъ еще въ колыбели. Какой полезный урокъ, какой прекрасный примѣръ, предсказавшій намъ эту жизнь! Особенно если сказать вамъ и то, что они были почти всегда спокойны и веселы! Какъ же стыдно должно быть намъ изъ насъ, друзья мои, которые, наслаждаясь свободою, счастьемъ и всеми удовольствіями жизни въ образованномъ обществѣ, вздумали бы скучать отъ какой

нибудь небольшой непріятности, опіъ
какого нибудь не сбывшагося желанія!
А вѣдь бывають у насъ такія слабыя
существа, не правдали? Вѣрно каждому
изъ васъ случалось видѣть ихъ, а мо-
жетъ быть случалось и самимъ испы-
тать эту слабосшь? И такъ, въ ша-
кіе скучные и можно сказать ненос-
ные часы, совѣщую вамъ, милые чи-
татели мои, вспомнить самимъ и на-
помнить другимъ о дѣтяхъ принца
Антонна Брауншвейгскаго: расскажите
имъ о той твердости, съ копорою они
переносили свое несчастіе. *) Расскажете
имъ также, что сею удивительною
твердостью, симъ счастливымъ рас-

*) Семейство Принца Антона Брауншвейгскаго не мо-
гло наслаждаться свободою, не смотря даже на же-
ланіе Императрицы Елисаветы и потомъ Екатери-
ны II-й доставить ему эту свободу: многіе злона-
мѣренныя люди пользовались именемъ Принца Иоан-
на и братьевъ его, чтобы заводить безпокой-
ства въ народъ, и въ 1764 году несчастный Иоаннъ
Антоновичъ сдѣлался жертвою заговора, зашьяннаго
нѣкоторымъ злоумышленниками, хотѣвшими самово-
льно освободить его.—

положеніемъ духа, они болѣе всего обязаны были тому рѣдкому согласію, которое всегда царствовало въ семействѣ ихъ, и той сильной привязанности, которую они всѣ чувствовали другъ къ другу. Находясь въ такомъ состояніи, они могли считать величайшимъ бѣдствіемъ только смерть отца своего, случившуюся въ 1776 году. *)

*) Однакожь судьба ихъ, съ тѣхъ поръ, начала улучшаться: Императрица Екатерина II посылала не одинъ разъ, приближенныхъ къ себѣ особъ узнавать о положеніи ихъ, приказывала имѣть о нихъ самыя усердныя попеченія, и наконецъ спустя четыре года послѣ смерти принца Антоиа, согласилась на просьбу тетки ихъ, Королевы Данской, отпустить ихъ въ Копенгагенъ. Великая Екатерина, со всею заботливостію доброй родственницы, отправляла дѣшей принца Брауншвейгскаго въ новое жилище ихъ: 200,000 рублей выдано было для покупки всѣхъ нужныхъ для нихъ вещей; путешествіе ихъ изъ Архангельска до Даніи совершилось на прекрасномъ фрегатѣ, со всеми удобствами, какія только можно было доставить путешественникамъ; во все время пребыванія ихъ въ Копенгагенѣ, они получали богатый пансіонъ отъ двора Рускаго. Но повѣрите ли вы, милыя дѣти что не смотря на все это видимое улучшеніе судьбы, дѣши Анны Леопольдовны не чувствовали себя

Такъ, милыя дѣти, и въ самомъ несчастіи можно заслужить славу и уваженіе людей; и въ самомъ несчастіи можно пользоваться пріятными минутами: наше душевное счастье зависитъ отъ насъ самихъ. Если для доказательства этой истины, вамъ недовольно будетъ того примѣра, какой представляеть семейство принца Брауншвейгскаго, то послушайте еще о другихъ, также знаменитыхъ людяхъ:

Вы знаете сколько славы и счастья окружало Графовъ Миниха и Остермана во время царствованія Императрицы Анны? Побѣды пернаго и государственный умъ втораго, восхищали

счастливые въ Даніи и даже скучали о разлукѣ со многими изъ ихъ людей, которые выросли вмѣстѣ съ ними въ Холмогорскомъ заключеніи ихъ; особенно скучала принцесса Екатерина; даже здоровье ея отъ того разстроилось и она черезъ полтора года скончалась. Жизнь братьевъ и сестеръ ея была также непродолжительна, но и въ короткое время, они успѣли привязать къ себѣ всѣхъ, кто зналъ ихъ въ Копенгагенѣ, и память о кротости и добротѣ ихъ, существуетъ и до сихъ поръ въ этомъ городѣ.

Русскихъ, удивляли иностранцевъ. Но въ правленіе Анны Леопольдовны счастье ихъ поколебалось оцъ вліянія любимцевъ ея: не смотря на всю преданность ихъ къ принцессѣ, — они не были любимы ею. Цесаревна также не могла быть хорошо расположена къ нимъ: они явно были на сторонѣ Правительницы, и ревностно подсперегали всѣ движенія Великой Княжны и приверженцевъ Ея, чптобы доносить о томъ принцессѣ. И за то вмѣстѣ съ судьбою ея рѣшилась и ихъ судьба: вы уже слышали что они въ ту же несчастную для нее ночь, были взяты подъ стражу. Поступки ихъ и другихъ значныхъ особъ, взятыхъ вмѣстѣ съ ними, приказано было разсмотрѣть въ особенной, нарочно назначенной для того слѣдственной комисіи, гдѣ главными членами были: Ушаковъ, генераль прокуроръ Левашовъ, оберъ—шпалмейстеръ Куракинъ и шайный совѣтникъ Нарышкинъ. Два мѣсяца съ половиной продолжалось разсмотрѣніе, и по окон-

чаніи его, найдены болѣе всѣхъ виновными въ дѣлѣ о наслѣдствѣ престола, Осперманъ и Минихъ. Кроме того что обвиняли ихъ въ пристрастіи къ Аннѣ Леопольдовнѣ и сыну ея, говорили даже, что Минихъ, въ ту ночь, когда схваченъ былъ Герцогъ Биронъ, дѣйствовалъ именемъ Елисаветы Петровны, и что только для Ея имени, солдаты въ караульняхъ дворцовыхъ рѣшились повиноваться ему. Такое увѣреніе объ участіи Цесаревны въ заговорѣ, и послѣ того объявленіе, что правительницею государства назначается не Она, но принцесса Анна, не могли не казаться важными преступленіями въ глазахъ новой Императрицы и всѣхъ приверженцевъ Ея, и слѣдственная коммисія приговорила къ смерти преступниковъ. Но казнь не была объявлена имъ до того самаго дня, когда назначено было ея исполненіе. День сей былъ — 18 января 1742 года. Ничего не зная о судьбѣ, ихъ ожидавшей, осужденные были выведены

изъ мѣста заключенія своего—Петро-
павловской крѣпости, и опведены на
площадь Васильевскаго острова, про-
тивъ дома Коллегій. Во время печаль-
но-поржесивеннаго шествія, только
одинъ больной въ сильной подагрѣ
Остерманъ, не шелъ пѣшкомъ: его ве-
зли въ носылахъ, худо предохраняв-
шихъ отъ стужи саняхъ. Но не смот-
ря на жестокія спраданія души и тѣла,
онъ былъ спокоенъ, точно также,
какъ и знаменитый поварихъ его не-
счастія, Минихъ, подходившій тверды-
ми шагами къ площади, посреди дру-
гихъ преступниковъ. Ужасный видъ
ожидалъ ихъ на этой площади: про-
тивъ Военной Коллегіи былъ постав-
ленъ эшафотъ, окруженный войскомъ.
Но и при этомъ видѣ, спокойная нару-
жность Фельдмаршала не измѣнилась:
онъ, съ обыкновенною привѣтливостію
своею, кланялся Офицерамъ и солда-
тамъ, которыхъ узнавалъ въ рядахъ
знакомыхъ полковъ, и которые съ го-
рестію смотрѣли на сѣрое платье пре-

спутника, покрывавшее прежняго знаменистаго начальника ихъ. Осперманъ первый взнесенъ былъ на эшафотъ. Больной несчастливецъ, съ непокрытою головою, выслушалъ приговоръ комисіи, осуждавшей его на казнь. Съ прежнимъ спокойствіемъ, онъ положилъ голову на плаху и уже ожидалъ смертельнаго удара, какъ вдругъ объявлена была милость Императрицы, перемѣнившей смертную казнь его, на ссылку въ Сибирь. Такая же милость объявлена была и Графу Миниху, и всѣмъ другимъ преступникамъ: Елисаветъ крошкой и набожной, всегда ужасна казалась мысль опмять жизнь у челоука и въ послѣдствіе времени, Она совсѣмъ опмѣнила смертную казнь въ опечесшвѣ нашемъ, и шѣмъ прекрасною чертою опличила его опъ всѣхъ другихъ государствъ Европы.

Помилованные преступники въ шопъ же день опправлены были въ мѣсша, назначенныя для ихъ жишельства: Осперманъ, въ шопъ же самый

Сибирскій городъ, *Березовъ*, куда сосланъ былъ Князь Меншиковъ; Минихъ въ мѣсто ссылки Герцога Бироца, городъ *Пельмъ*. *) Здѣсь, въ этомъ мѣстѣ изгнанія и горести, вы увидите, милья дѣти, нашего Миниха лучшимъ нежели гдѣнибудь. Казалось, несчастіе послужило къ усовершенствованію его хорошихъ качествъ и къ уничтоженію дурныхъ. Прежде, одинъ изъ главныхъ недостатковъ его было чрезвычайное честолюбіе, и если что нибудь оскорбляло въ немъ это чувство, онъ былъ совершенно несчастливъ, даже въ счастливомъ положеніи своемъ; былъ недоволенъ всѣми, окружавшими его людьми. Теперь, онъ жилъ въ томъ городѣ, куда по предложенію его сосланъ былъ прежде самый жестокій врагъ его, уже возвращенный опшуда; этого еще ма-

*) *Пельмъ*, находится недалеко отъ того мѣста, гдѣ рѣчка *Пельмъ* соединится съ *Тавдою*. Теперь это уже не городъ, но слобода *Тобольской губерніи*, *Туринскаго уѣзда*.

ло: онъ жилъ даже въ помъ самомъ домѣ, который построень былъ по собственному плану его для этого врага! Какое положеніе могло быть еще печальнѣе, еще униженнѣе? И при всемъ помъ, Минихъ не чувствовалъ и половины того нестерпимаго огорченія, какое испытывалъ въ дни славы своей опъ какой нибудь небольшой неудачи въ своихъ честолюбивыхъ планахъ. Нѣтъ! онъ былъ почти всегда спокоенъ, даже иногда веселъ; съ кропкою покорностию судьбѣ утѣшалъ онъ супругу свою, когда она скучала о разлукѣ съ единственнѣмъ сыномъ ихъ, оставшимся съ семействомъ въ Лифляндіи; съ опраднѣмъ благочестіемъ хриспіанина разговаривалъ о святыхъ истинахъ вѣры нашей съ другомъ, испосланнымъ ему самимъ Богомъ во время несчастія. Это былъ домашній священникъ его, пасторъ *Мартенсѣ*, желавшій сопровождать его въ мѣсто ссылки, и получившій на то позволеніе Государыни. Какое прекрасное до-

казательство дружелюбия! Какъ немногие друзья могутъ сравниться съ добрымъ Маршенсомъ! И сколько пользы, сколько утѣшенія приносилъ онъ бѣдному изгнаннику! Какъ умѣлъ онъ дѣлать съ нимъ всѣ заботы, всѣ огорченія, и также всѣ тихія радости, иногда залетавшія въ печальное жилище ихъ. Они вмѣстѣ работали въ маленькомъ огородѣ, разведенномъ подлѣ домика ихъ, вмѣстѣ занимались столь усладительнымъ для несчастныхъ, чтеніемъ Священнаго Писанія, вмѣстѣ утѣшали этимъ чтеніемъ домашнихъ. Пасторъ часто служилъ всю обѣдню, и два раза въ день собиралъ всѣхъ служителей для молитвы. Развлеченіемъ для изгнанниковъ были газетныя листки, копорыми обвертывали сѣмена для огорода и другія вещи, посылаемыя къ нимъ изъ Петербурга. Какъ любопытны казались имъ въ это время самыя запоздалыя извѣстія! Разсуждая о нихъ, друзья проводили

часто съ пріятностію нѣскольکو часовъ сряду. Такъ пропекли семь лѣтъ, и Богу угодно было еще разъ испытать швердосць Миниха : несравненный другъ его скончался ! Невозможно описать горести , которою поражено было бѣдное сердце страдальца ! но и пусть оно сохранило свое удивительное мужество, свою кропкую покорность волю Божіей ; и еще гораздо болѣе : съ сего времени набожный изгнанникъ считалъ долгомъ замѣнить для домашнихъ своихъ все то , чего лишились они въ благочестивомъ нашествіи. Онъ принялъ на себя всѣ обязанности его, и ревность съ которою онъ исполнялъ ихъ, въ самомъ дѣлѣ прекрасно напоминала имъ ангела — утѣшителя ихъ. Такъ благочестивыя занятія, ушверждая съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе душу Миниха въ ея святой покорности волю Господа, имѣли благодѣтельное вліяніе и на его здоровье, и вы удивитесь, милья дѣти, когда я

скажу вамъ, что чрезъ двадцать лѣтъ изгнанія, онъ, возвращенный изъ ссылки Императоромъ Петромъ III, снова явился при дворѣ въ славѣ и счастіи. Увѣренные въ это, мы спокойнѣе можемъ оставить его теперь въ Целымѣ, чтобъ сказать нѣсколько словъ о поварихѣ его, вмѣстѣ съ нимъ осужденномъ на изгнаніе.

Графъ Остерманъ, честолюбивый въ счастіи, хотя съ пѣвдоспїю покорился судьбѣ своей, но при болѣзненномъ положеніи своемъ прожилъ не болѣе пяти лѣтъ въ мѣстѣ изгнанія своего: въ 1747 году, онъ скончался на 61 году отъ рожденія.

Говоря объ этихъ знаменитыхъ несчастливцахъ нельзя не вспомнить о жестокомъ Герцогѣ, любимцѣ Императрицы Анны Іоанновны, хотя онъ менѣе всѣхъ заслуживаетъ состраданіе наше. Съ восшествіемъ на пресполъ Елисаветы Петровны, участь его облегчилась: ему позволено было оставить Целымѣ

и жить въ Ярославль, гдѣ выдавалась ему опъ казны, значительная сумма на содержаніе. *) Въ послѣдствіе времени, Императоръ Пётръ III, добрый и со-

*) Чтобы дать читателямъ монмъ небольшое понятіе о тогдашнемъ достаточномъ состояніи Бирона, не смотря на носное имъ имя изгнанника, я расскажу случай, который вѣрно покажется имъ любопытнымъ. Недалеко отъ Ярославля, гдѣ жилъ бывшій Герцогъ, было имѣніе одного богатаго помѣщика. Страстно любя охоту, Биронъ часто занимался ею, вмѣствъ съ сосѣдомъ своимъ, и такъ полюбилъ его, что даже вызвался крестить родившуюся у него тогда дочь. Милотка въ самомъ дѣлѣ окрещенная имъ, получила въ подарокъ отъ крестнаго отца своего, прекрасный изумрудный крестъ, стоившій въ то время около 500 рублей. Такой богатый подарокъ доказываетъ, что безчисленные сокровища его не всѣ были у него отняты съ перемѣною судьбы его.

Эта крестница Герцога Бирона еще и теперь радуется жизни своей многочисленное семейство свое. Всегда сострадательная и благочестивая, она и теперь еще съ радостію вспоминаетъ о томъ, что день крещенія ея случился въ самую распутицу, такъ что Биронъ, не смотря на все свое желаніе, не могъ прѣхать самъ, и мѣсто его заступалъ другой. „Благодарю Бога моего, съ кротостію говоритъ набожная старушка, — что такой жестокой человекъ не держалъ меня на рукахъ при купели!“

спрадательный простилъ совершенно вины его и позволилъ ему прѣхать въ Петербургъ, а Екатерина II возвратила ему даже и Герцогство Курляндское. Но онъ владѣлъ имъ не болѣе шести лѣтъ: въ 1769 году, онъ отказался отъ этого владѣнія, и передалъ всѣ свои права старшему сыну своему, который спустя двадцать пять лѣтъ также сложилъ съ себя достоинство Герцога, и Курляндія, при случившемся въ то время раздѣленіи Польши, присоединена къ Россіи. Это было въ 1795 году.

Но воображеніе наше, милья дѣши, всегда съ любопытствомъ желающее преждевременно проникнуть въ будущее и видѣть судьбу людей, такъ много опличавшихся отъ своихъ современниковъ, увлекаетъ насъ за собою къ годамъ, еще не наступившимъ для нашей исторіи: 1795 годъ, еще далеко отъ насъ, мы еще въ 1742 — при началѣ царствованія Елисаветы Петровны.

Возвратимся же ко двору Ея, друзья мои: тамъ ожидается насъ много новаго и прекраснаго.

НАСЛѢДНИКЪ ПРЕСТОЛА
И
ЕГО СУПРУГА.

Опшъ 1742 до 1745 года.

(Пер. 3 лѣтъ.)

Когда волненіе, сопровождавшее восшествіе на престоль Императрицы Елисаветы Петровны, упихло и всѣ лица, виновныя въ продолжительномъ удаленіи Ея опшъ наслѣдства, такъ справедливо принадлежавшаго Ей и по праву рожденія и по духовному завѣщанію Ея Родительницы — были на-

казаны, а приверженцы, показавшіе Ей столько усердія и преданности, награждены *) — новая Императрица обратила вниманіе и попеченіе свое на то, чтобы опиять у вельможъ возможность сдѣлать еще разъ такую же несправедливость, и назначеніемъ наследника престола утвердила будущее счастье и безопасность народа.

*) Главными изъ нихъ, кромѣ Лестока, получившаго при этомъ случаѣ чинъ Дѣйствиельнаго Тайнаго Совѣтника и должность перваго врача при Дворѣ, — были: Графы *Разумовскій* и *Воронцовъ*, два брата *Шуваловы* и Камеръ-юнкеръ *Билкъ*. Всѣ они награждены были чинами и почестями. Но отличную награду получили тѣ Преображенцы, которые усерднѣе всѣхъ помогали правому дѣлу Цесаревны. Рота ихъ названа была *Лейбъ компанією*; всѣ унтеръ-офицеры и рядовые въ ней, сдѣлались дворянами; тѣмъ же изъ нихъ, которые были уже дворяне, даны къ старымъ гербамъ — новые. — Званіе *Капитана* этой роты приняла на себя Сама Императрица, *Капитанъ-Поручикомъ* сдѣланъ былъ служившій въ Русской службѣ, генераломъ, Принцъ Гессенъ — Гомбургскій, *Поручиками*, Камергеры: *Разумовскій* и *Воронцевъ*, *Подпоручиками*, Камергеры: *Александръ* и *Петръ Ивановичи Шуваловы*.

Елисавета Петровна, имѣя несчастье съ смертію Принца Голштинскаго, Епископа Любскаго, лишилась жениха, любимаго Ею, и избраннаго Родительницею Ея, рѣшилась никогда не вступать въ супружество. И такъ, надобно было избрать лице ближайшее послѣ Нее къ великому Преобразователю Россіи, и это былъ родной сынъ старшей сестры Ея, Анны Петровны, Герцогъ Голштинскій, *Карлъ Петръ Ульрихъ*. Онъ былъ владѣтельнымъ Принцемъ Шлезвигъ - Голштинскаго Герцогства, но что значило оно въ сравненіи съ неизмѣримымъ царствомъ Россіи, гдѣ ожидало его высочайшее величіе и искренняя привязанность нѣжной шепки? Увѣренная, что онъ согласится оставить Германское владѣніе свое для престола Рускаго, Императрица поспѣшась по восшествіи на престолъ, отправила къ нему съ лестнымъ предложеніемъ своимъ, Барона *Корфа*. И Она не ошиблась: въ началѣ февраля мѣсяца 1742 года, Герцогъ, только что

достигшій въ это время четырнадцатилѣтняго возраста былъ уже въ Петербургѣ. Императрица приняла его съ восторгомъ. Каждый день Она искала средствъ показать ему любовь Свою: то жаловала его орденами, то ордена украшала брилліанпами, то возвышала его чинами: такъ черезъ пять дней послѣ пріѣзда своего, онъ былъ уже подполковникомъ Преображенскаго полка. Но упѣшаясь будущимъ наследникомъ Своимъ, Елисавета Петровна въ поже время думала и о томъ, чтобы окончивъ воспитаніе его такъ, какъ прилично было для наследника короны Руской, и почти съ первыхъ же дней пріѣзда его, назначены были къ нему при наставника: *Симеонъ Тодорскій*, бывшій потомъ Епископомъ Костромскимъ, *Исаакъ Веселовскій* и профессоръ *Штелинъ*. Первый училъ его закону Грекороссійскому, второй — языку Рускому, третій — исторіи и математикѣ. Такимъ образомъ большая часть времени принца посвящалась ученью; оно

прервано было на нѣсколько времени только путешествіемъ всего двора въ Москву на коронацію, и праздниками этой коронаціи, которая по словамъ историковъ—происходила съ пышностію, дотолѣ неизвѣстною въ Россіи. Увеселенія при дворѣ состояли въ великолѣпныхъ иллюминаціяхъ и фейерверкахъ, въ спектакляхъ Итальянской оперы и маскарадахъ, которые иногда продолжались нѣсколько вечеровъ сряду. Въ то время, когда вельможи и дворянство восхищались удовольствіями образованности, простой народъ не менѣе ихъ веселился на площадяхъ Московскихъ, гдѣ разспавлены были въ видѣ красивыхъ пирамидъ жареные быки, начиненные пшпцами и рыбами, окруженные грудами хлѣбовъ, калачей и пироговъ! Представьте еще при этомъ, милые читатели мои, фоншаны, которые были не водою, но виномъ краснымъ и бѣлымъ, и вы будете имѣть полное понятіе объ удовольствіи веселившихся. Радость двора и народа при тор-

жестпвенныхъ праздникахъ коронованія Елисаветы, еще не ушихла, какъ новыя причины подали случай къ новымъ веселостямъ: война, начатая Шведами въ правленіе Анны Леопольдовны за Выборгскую провинцію, хопя и оканчивалась на короткое время перемиріемъ при вступленіи на престоль Елисаветы Петровны, но вскорѣ потомъ опяты возобновилась опъ неумѣренныхъ претребованій Шведовъ и съ мая мѣсяца продолжалась съ самымъ блестящимъ успѣхомъ для Рускихъ. Императрица получала изъ Финляндіи, почти безпрестанно извѣстія о побѣдахъ Фельдмаршала Лассія надъ Генераломъ Левенгауптомъ. Правда, что сіи побѣды доставались не дорого нашему Фельдмаршалу: въ Шведскомъ правленіи былъ тогда величайшій безпорядокъ. Королева и сестра Карла XII, Ульрика-Элеонора, незадолго передъ тѣмъ скончалась, оставивъ на престоль своею супруга, спараго и слабаго Принца Гессенскаго, пользовавшагося поль-

во именемъ Короля. Дѣшей у нихъ не было, и пошому вельможи Королевства, послѣ смерти Государыни своей, занялись избраніемъ наслѣдника, который бы принялъ правленіе, послѣ кончины супруга ея. Обращивъ все свое вниманіе на это, важный выборъ, они дурно распорядились военными дѣйствіями противъ Россіи, и опнявъ полную власть надъ Главнокомандующаго войсками ихъ въ Финляндіи, Левенгаупта, они приказали ему составить военный совѣтъ, который бы разсматривалъ и рѣшалъ всѣ дѣла арміи. Въ этомъ совѣтѣ засѣдали даже всѣ полковники, находившіеся въ то время въ войскѣ. Многочисленность членовъ должна была по необходимости произвестъ несогласіе мнѣній, и медленность въ дѣлахъ, и это было главною причиною неудачъ Левенгаупта и счастливыхъ успѣховъ Фельдмаршала Лассія, успѣховъ, дошедшихъ наконецъ до того, что Швеція не только уже не требовала назадъ Выборга, но

уступила Россіи еще одну провинцію свою, и имянно: Кюменегардскую съ прѣмья, находившимися въ ней городами: *Нейшлотомъ, Вильманстрандомъ и Фридрихсгамомъ*. Такимъ образомъ рѣка Кюмень сдѣлалась границею между двумя государствами, и миръ заключенъ былъ въ городѣ Або, 16 іюня 1743 года.

Между тѣмъ верховные чины Швеціи, занимавшіеся избраніемъ наследника престола, послѣ продолжительныхъ разсужденій, оспановили единодушно желанія свои на томъ же самомъ принцѣ Голспинскомъ, котораго и Россія съ любонію приняла на престолъ свой. Шведы, хотя знали уже о пріѣздѣ его въ Россію, и о томъ восшоргѣ, съ которымъ Рускіе, по справедливости приняли внука великаго Государя своего, но все еще думали, что Нѣмецкій принцъ, не привыкшій къ нравамъ и обычаямъ Рускимъ, предпочтешъ престолъ въ землѣ, имѣющей болѣе сходства съ опечесивомъ его, и для того опправили къ нему пословъ сво-

ихъ, съ предложеніемъ короны Шведской. Эти послы, — которыми были Графъ *Бонде* и Бароны: *Гамильтонъ* и *Шаферъ*—пріѣхали въ Москву, гдѣ находился въ это время молодой Герцогъ. Онъ пронуть былъ леспною чesпью, ему оказанною, благодариль усердныхъ Шведовъ, но опказался опъ предложенія ихъ, какъ уже избранный наслѣдникъ престола Рускаго, готовившійся принять вѣру Греческую, и съ нею вмѣстѣ присягу въ вѣрности будущихъ подданныхъ своихъ. Все это въ самомъ дѣлѣ исполнилось въ ноябрѣ 1742 года, и послѣ крещенія принцъ уже назывался *Великимъ Княземъ Петроимъ Осодоровителмъ*.

Елисавета Петровна, всегда сильно привязанная къ Своему племяннику, полюбила его еще болѣе съ того времени, какъ послѣ принятія Греческой вѣры, онъ сдѣлался въ глазахъ Ея совершенно Рускимъ Княземъ. Съ нѣжностію заботясь о судьбѣ его, Она заранѣе желала устройшь его семей-

спвенное счастье , и потому прежде нежели ему исполнилось 16 лѣтъ, уже начала думать о той, которая со временемъ должна бытъ его супругою. Выборъ Ея остановился на принцессѣ Амаліи, сестрѣ одного изъ умнѣйшихъ Государей того времени, Прусскаго Короля, Фридерика II, но неизвѣстно по какимъ причинамъ онъ не могъ согласиться на этотъ союзъ и чрезъ посланника своего, Мардефельда, предложилъ другую невѣсту: родственницу свою, Принцессу Софію — Августу Ангальтъ-Цербтскую. Мать Ея, принцесса *Иоанна*, была родная сестра покойнаго принца, Епископа Любскаго, жениха Императрицы Елисаветы, и этого было довольно для чувствительнаго сердца Государыни, чтобы заочно согласиться назвать племянницею своею Принцессу Ангальтъ - Цербтскую, о достоинствахъ которой уже многіе говорили съ восхищеніемъ.

Все что красота имѣетъ величественно-привлекательнаго, составляло

наружность этой Принцессы: орлиный носъ, прелестные уста, голубые глаза, шо горделивые, шо чрезвычайно крошкіе, темныя брови и невыразимо-плъншельная улыбка. Если ростъ ея не принадлежалъ къ самымъ высокимъ, шо возвышался величіемъ чела и важностію поступи. Но эта важность исчезала въ необыкновенной прелести всѣхъ движеній, когда молодая Принцесса, живая, остроумная, игривая, шутила съ окружающими ея придворными, и часто мучила своими рѣзвостями старыхъ надзирательницъ своихъ. Шутки продолжались до тѣхъ поръ, пока она зайчала, что кошорая нибудь изъ нихъ начинала сердиться, и шогда рѣзвое дитя превращалось снова въ шо милое, крошкое существо, кошорого одна улыбка, одинъ взглядъ счашливили каждаго изъ приближенныхъ.

Такова была четырнадцатилѣтняя Принцесса Софія—Августа, когда въ началъ 1744 года привезена была своею

Родительницею въ Москву, какъ Невѣста Наслѣдника престола. Съ восхищеніемъ увидѣли Ее и Императрица, и будущій супругъ Ея, и весь дворъ. Это общее восхищеніе, удовлетворяя всѣ желанія дѣтскаго сердца Принцессы, придавало новую прелесть плѣнительной любезности, которою Она очаровала новое отечество свое. Любимая всѣми съ первыхъ дней своего появленія, Она сама также скоро полюбила всѣхъ, и невинная, веселая, наслаждалась съ безпечностію младенца всѣми удовольствіями, которыми Императрица старалась окружить пріѣзжихъ гостей Своихъ. Праздники и балы были такъ великолѣпны, что казалось должны были изумить четырнадцати-лѣтнюю принцессу одного изъ самыхъ бѣдныхъ дворовъ Германіи; но этого не чувствовала будущая Царица Россіи: такъ справедливо, что для души великой нѣтъ ничего необыкновеннаго. Она смотрѣла на все, какъ будто уже имѣя прежде понятіе о чудесахъ, Ею видѣн-

ныхъ; разговаривала безъ замѣшательства съ иностранными посланниками, и министрами, съ вельможами и полководцами; самый нравъ Ея — опкровенный и пылкій, недолго скрывался въ принужденности недавняго знакомства съ лицами Ея окружавшими, и вскорѣ явился предъ ними во всемъ своемъ блескѣ, во всей своей увлекательной прелести. Всѣ дамы, приспавленные къ Ней, были очарованы Ея привѣтливостію, и привыкнувъ къ важности обычаевъ придворныхъ, дивились простотѣ обхожденія и еще болѣе — рѣзвостямъ молодой Принцессы, которая часто пугала ихъ Своими шутками: напримѣръ, входя съ поспѣшностію на звонъ колокольчика въ Ея комнату, онѣ иногда не находили въ ней никого, и съ безпокойствомъ пробѣгая глазами всѣ мѣсна, гдѣ могли надѣяться увидѣть Ее, слышали снова обманчивый звонъ: онъ не переспавалъ раздаваться въ той самой комнатѣ. Когда уже удивленіе ихъ гошова было

обращишься въ досаду и ужась,—за звономъ колокольчика слѣдовалъ веселый, громкій смѣхъ, и прелестная головка Софіи-Августы показывалась изъ подъ пышной кровати Ея: шамъ рѣзвая Принцесса прыгала. чтобы пошутить надъ приспавницами Своими.

Казалось, такая рѣзвость, и живость нрава, должны бы отдалять Принцессу отъ занятій глубокомысленныхъ, но напротивъ того, въ семь-то согласіи противоположностей и заключалась главная прелестъ Ея: веселую и игривую въ часы отдохновеній, Ее видѣли въ высочайшей степени внимательною и прилежною во время уроковъ. *) Особенно желаніе знать Рускій языкъ было въ Ней такъ сильно, что часто, для занятія заданными Ей уроками, Она вставала по ночамъ и проводила нѣсколько часовъ за книгами въ то время, когда все около Нее погружено

*) Также какъ и Великій Князь, женихъ Ея, она училась закону Грекороссійскому у Симсона Тодорскаго, а Рускому языку у Василья Ададунова.

было въ глубокой сонъ. Это неумѣренное прилежаніе едва не сдѣлалось гибельно для Россіи: вставъ однажды ночью съ постели и безъ обуви пройдя до письменнаго стола, Принцесса опасно занемогла: двадцать-семь дней неимѣли надежды на Ея выздоровленіе. Португальскому доктору Саншесу, Она была обязана Своимъ спасеніемъ, а отечество наше,—счастіемъ.

Въ іюнь тогоже 1744 года, Софія-Августа уже такъ хорошо знала законъ Греческій, что могла принять крещеніе и миропомазаніе, послѣ копорыхъ уже называлась *Великою Княжною Екатериною Алексіевною*. На другой же день было обрученіе Ея съ Великимъ Княземъ; свадьба же совершилась не прежде, какъ 21 августа 1745 года. Будучи Невѣстою, Екатерина ѣздила съ женихомъ и Императрицею въ Кіевъ, котораго святыя мѣста высокоуважаемы были набожною Елисаветою Петровною. Возвращаясь ошпуда, Великій Князь занемогъ корью, и вскорѣ по

шомъ, оспою. Эта жестокая болѣзнь, еще не сдѣлавшаяся въ то время безопасною опъ прививанья, оставила на Немъ такіе сильные слѣды, что даже всѣ черты лица Его, прежде довольно привлекательныя, измѣнились, и составили разительную противоположность съ прелестнымъ лицомъ Его Невѣсты.

СОСТОЯНІЕ ЕВРОПЫ ВО ВРЕМЯ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ.

Отъ 1745 до 1756 года.

(Пер. 11 лѣтъ.)

Съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Великій пославилъ опечеснво наше на такое важное мѣсто между государсвами Европы, оно пріобрѣтало почши съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе вліянія на судьбу ихъ. При Елисаветѣ Пешровнѣ это вліяніе сдѣлалось еще сильнѣе и замѣшнѣе, и для того, чтобы

имѣть полное понятіе о происшествіяхъ Ея царствованія, надобно наизъ взглянуть на тогдашнее состояніе государствъ Европейскихъ.

Оно было самое смутное. Въ 1740 году умеръ Римскій Императоръ, Карлъ VI. *) Не имѣя сына, онъ духовнымъ завѣщаніемъ оставилъ престолъ дочери своей, Маріи-Терезіи, о которой вы уже слышали нѣсколько въ рассказъ нашемъ о правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ.

Богатое наслѣдство рѣдко достается безъ спора: принцесса Марія-Терезія еще не успѣла принять его, какъ со всѣхъ сторонъ явились искашели, изъ которыхъ иные объявили, что имѣли болѣе права на корону отца ея, нежели она сама; другіе требовали только отдѣленія нѣкоторыхъ областей отъ имперіи. Въ числѣ первыхъ находились дворы, соединенные род-

*) *Римскими* или *Нѣмецкими* Императорами называли въ то время цынѣшнихъ Австрійскихъ.

ствомъ съ Австрійскими Императорами : Баварскій, Саксонскій и Испанскій; въ числѣ послѣднихъ — опаснѣйшимъ былъ, знаменитый въ то время Король Прускій Фридерикъ II, о которомъ въ послѣдствіи мы будемъ говорить подробнѣе : эпохъ Государь названъ Исторіею *Великииъ*, и пошому заслуживаетъ особенное вниманіе наше. Управляя съ рѣдкимъ искусствомъ королевствомъ своимъ, онъ первый возвелъ Пруссію на ту высокую степень, которую съ тѣхъ поръ она занимаетъ между государствами Европейскими. Онъ почиталъ нужнымъ для безопасности владѣній своихъ, присоединить къ нимъ область Силезію, принадлежавшую наслѣдницѣ престола Нѣмецкаго. Фридерикъ II предложилъ Маріи - Терезіи самую дѣятельную помощь свою противъ всѣхъ враговъ, если только она согласится уступитьъ ему Силезію. Но Марія - Терезія была одарена твердостью необыкновенною: еще не почитая положенія своего без-

надежнымъ, она, не согласилась на предложеніе Фридерика, хотя въ это самое время число враговъ ея увеличилось и они уже опустошали войною прекрасныя области наслѣдницы Карла VI. Особенно опасень былъ для нее Король Французскій, который съ такимъ усердіемъ помогаль Баварскому Герцогу *Карлу*, что даже успѣлъ короновать его Нѣмецкимъ Императоромъ подъ именемъ *Карла VII*. Не смотря на все это, Марія-Терезія не хотѣла уступить Фридерикъ Силезіи, не хотѣла принять его вспомогапельнаго войска. Въ числѣ земель, принадлежавшихъ опцу ея, находилось также королевство Венгерское, издавно извѣстное вѣрноспію и усердіемъ къ Государямъ своимъ. Сюда-то удалилась дочь Карла VI искашь защитниковъ прошивъ многочисленныхъ враговъ своихъ, но прежде нежели они успѣли собраться, Фридерикъ II, уже вошелъ съ войскомъ въ Силезію, и вскорѣ завладѣлъ почти всею этою областію. Положе-

ніе Маріи-Терезіи было самое горестное: на сторонѣ ея была только Англія, но и шу Французы лишали всѣхъ средствъ помогати ей. Несчастливая Государыня рѣшилась прибѣгнутьъ къ Императрицѣ Руской. Англичане также съ своей стороны, просили Елисавету Петровну о помощи противъ Франціи, и какъ друзья, говорили за Марію-Терезію. Руская Императрица, глубоко-пронутая печальнымъ положеніемъ знаменишой Государыни не оказала ей въ помощи. Тридцать—шесть тысячъ войска подъ начальствомъ Князя Репнина, было отправлено на помощь къ ней, въ Германію, въ іюль 1748 года и уничтожило гордость всѣхъ враговъ ея: они поспѣшъ показали готовность мириться съ нею, и не далѣе, какъ въ октябрѣ того же года миръ былъ заключенъ въ городѣ Ахенѣ. Марія-Терезія получила наконецъ наслѣдство свое, потерявъ изъ него только завоеванную Фридрихомъ, Силезію. Въ то же время и су-

пругъ ея, Герцогъ Францъ избранъ былъ Императоромъ Нѣмецкимъ и шѣмъ съ большимъ единодушїемъ, что Карла VII уже не было на свѣтѣ. Такъ участие Россїи прекратило кровопролитный споръ почти всей Европы, но не на долго: не прошло и двухъ лѣтъ, какъ новая, жестокая война, извѣстная въ исторїи подъ именемъ *семилѣтней*, распространилась не только въ Европѣ, но даже и въ другихъ частяхъ свѣта.

Первая искра ея вспыхнула въ Америкѣ, между Французами и Англичанами за небольшое пространство необработанной земли. Вскорѣ потомъ Французы взяли островъ Минорку, принадлежавшій Англичанамъ и намѣрены были опяять у Англіи и другую принадлежавшую ей область — Ганноверъ. Пруссїя по просьбѣ Англійскаго короля, рѣшилась защищать это сосѣдственное съ ней владѣніе. Австрія, почитавшая себя обиженною Фридрихомъ за Силезію, стала помогать Франціи. Съ нею соединились Саксонія, Шве-

ція, многіе владѣтельные Германскіе Князья; и, наконецъ Россія, союзница Австріи. Такимъ образомъ, почти вся Европа увлечена была въ эту войну, и позабывъ, что первою причиною несогласія были Американскія земли шакъ далеко отъ нее лежавшія, видѣла главнаго врага своего въ Фридерикъ Прусскомъ. Здѣсь, милыя дѣти, я расскажу нѣсколько обѣщанныхъ вамъ подробностей объ этомъ знаменитомъ Государѣ. Онъ должны быть для насъ шѣмъ болѣе любопытны, что съ того времени, какъ Принцесса Прусская, теперъ добрая Императрица наша Александра Феодоровна — украсила Собою пронъ Россіи — сіи два государства соединены самымъ тѣснымъ союзомъ родства и дружбы. Къ тому же люди, возвышающіеся надъ другими своими необыкновенными достоинствами, принадлежатъ не одному своему народу. Не для однихъ Прусковъ нужно знать все, что дѣлалъ хорошаго Фридерикъ II и другіе народы

могутъ извлечь пользу изъ описанія славной жизни его.

Дѣтство Фридерика не было такъ счастливо и блистательно, какъ обыкновенно бываетъ дѣтство принца-наслѣдника престола. Отецъ его, Король Фридерикъ - Вильгельмъ, будучи еще природы весьма суроваго нрава, обходился съ нимъ, съ самаго малолѣтства, неласково, и даже явно показывалъ болѣе любви къ брату его, второму сыну своему, принцу Августу-Вильгельму. Не находя никогда удовольствія въ занятіи науками и даже чувствуя отвращеніе ко всему, что только походило на ученость, Король вовсе не считалъ нужнымъ дать отличное образованіе своимъ дѣтямъ и Фридерикъ обязанъ былъ самому себѣ всѣмъ тѣмъ, что сдѣлалъ онъ въ послѣдствіи какъ просвѣщеннѣйшій человекъ и знаменитый писатель своего вѣка.

Поставленный въ такія обстоятельства при самомъ началѣ жизни, Фридерикъ не могъ быть счастливымъ,

не могъ быть даже довольнымъ въ опечеспвѣ, и потому неудивительно, что желалъ отправиться въ путешествіе по чужимъ краямъ. Необыкновенный умъ и наблюдательность его оправдывали въ полной мѣрѣ это желаніе. Не соединяя съ симъ намѣреніемъ ни одной дурной мысли, онъ опкровенно сказалъ о немъ отцу и сдѣлалъ положеніе свое вдвое тягостнѣе: Королю не понравилось желаніе его и суровый отказъ былъ отвѣтомъ на просьбу сына. Когда же принцъ, увлеченный пылкимъ нравомъ своимъ, вздумалъ насмѣивать и говорилъ даже нѣкошорымъ изъ друзей своихъ, что онъ непременно поѣдетъ, Король заключилъ его въ крѣпость Киспринъ, гдѣ Фридерикъ пробылъ болѣе осьми мѣсяцевъ. Не подумайте однакожъ, милыя дѣши, чтобы онъ, находясь въ скучномъ затворничествѣ, ропсалъ на отца или на судьбу свою. Нѣтъ, напрошивъ того, онъ скоро почувствовалъ, что самъ былъ виноватъ, и вмѣсто того, что-

бы шерьтъ время въ напрасномъ огорченіи, онъ старался употребить его на то, чтобы вознагражить недоспашокъ воспитанія своего, которое до тѣхъ поръ было совершенно военное: Король, почиравшій званіе солдата выше всякаго другаго, пріучалъ его только къ перенесенію трудностей войны, и не заботился ни о чемъ другомъ. Фридерикъ не смотря на свое, довольно слабое сложеніе, былъ здоровъ и крѣпокъ, благодаря безпрестаннымъ тѣлеснымъ упражненіямъ, предписаннымъ ему родителемъ; любилъ починность и порядокъ во всемъ, ненавидѣлъ праздность и забавы, но не имѣлъ ни досуга, ни позволенія отъ Короля заниматься науками, спрочно имъ любимыми. Это позволеніе дано было ему только въ Киспринѣ, и принцъ позабылъ, что онъ въ заключеніи: съ восторгомъ предался онъ своимъ любимымъ склонностямъ, читалъ всѣхъ лучшихъ писателей того времени, сочинялъ самъ, и когда по окончаніи аре-

сша, возвратился въ Берлинъ, всѣ уди-
вились познаніямъ, пріобрѣщеннымъ имъ
въ такое короткое время. Образован-
ность ума внушила ему еще болѣе поч-
тительности къ опцу, и съ того
времени до самой кончины Короля, слу-
чившейся въ 1740 году, уже не было
между ними никакихъ неудовольствій.
На двадцать осьмомъ году своего воз-
раста, Фридерикъ II вступилъ на
престоль, стало бытъ рожденіе его
было въ 1712 году. А знаете ли, ми-
лые чипашели мои, чей крестникъ
былъ этотъ славный Король? Тѣ изъ
васъ, которые смѣливы и хорошо
помнятъ происшествія исторіи по
годамъ, въ которые онѣ случились,
вѣрно при словѣ 1712 годъ вспомнятъ,
кто предскапвлялъ въ это время одно
изъ важнѣйшихъ лицъ Европы, и безо-
шибочно скажутъ, что тогда никто
не могъ бытъ крестнымъ опцемъ сына
Прусскаго Короля, кромѣ Петра Вели-
каго, Государя, уважаемаго всею Евро-
пою и ближайшаго сосѣда къ Пруссіи.

Такъ, милыя дѣти, Петръ Великій точно былъ крестнымъ опцемъ Фридерика II-го, и зная это, тѣмъ досаднѣе слышатъ, что крестникъ сей жилъ всегда въ несогласіи съ Дочерью своего знаменитаго Воспріемника, которая въ 1756 году, съ удовольствіемъ присоединилась къ числу жесточайшихъ враговъ его, и даже поклялась никогда не мириться съ нимъ. Не обстоятельство постороння, и не старанія Австріи, навлекли на Фридерика такое сильное негодованіе Елисаветы Петровны. Нѣтъ! онъ самъ виноватъ былъ въ этомъ: увлекаемый острымъ умомъ своимъ и живоспію нрава, онъ часто имѣлъ привычку шутить и насмѣхаться, и даже описывать въ смѣшныхъ стихахъ тѣхъ людей, которые ему не нравились, или на кого онъ сердился. Такъ не одинъ разъ случалось, что въ минуту досады, онъ неосторожно говорилъ и писалъ о непріятельницахъ своихъ Императрицахъ: Руской и Австрійской. Слова и сочиненія его до-

ходили до нихъ и были первою причиною несогласій между тремя дворами. Это несогласіе въ послѣдствіи увеличилось еще болѣе между Россіей и Пруссіей и произвело войну, о подробностяхъ которой, вы, милыя дѣти, узнаете изъ слѣдующаго рассказа.

ВОЙНА СЪ ПРУССІЕЙ и КОНЧИНА ИМПЕРАТРИЦЫ.

Отъ 1756 до 1762 года.

(Пер. 6 лѣтъ)

Слава Короля Фридерика и храбрость, которою всегда отличалось войско, находившееся подъ его начальствомъ, представляли много опасностей для всякаго народа, начинавшаго съ нимъ войну, и потому Елисавета Петровна, отправляя въ Пруссію войско свое, долго размышляла о томъ,

кому поручить начальство надъ нимъ. Выборъ былъ тѣмъ труднѣе, что двое изъ опытнѣйшихъ полководцевъ Ея, Графъ Румянцевъ и Фельдмаршалъ Ласси за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ скончались. Между тѣмъ въ 1756 году четыре новые генерала удостоились получить званіе Фельдмаршаловъ. Это были : Князь *Трубецкій*, Графы : *Разумовскій* и *Бутурлинъ*, и *Апраксинъ*. Императрица избрала послѣдняго, и въ 1757 году война съ Пруссіею началась съ самымъ счастливымъ успѣхомъ: 19 августа одержалъ Апраксинъ при деревнѣ Гросъ - Егерсдорфъ блестящую побѣду надъ Прусаками, о славѣ кошорыхъ такъ много говорила въ то время вся Европа ! Русскіе, съ восторгомъ услышавшіе объ этой побѣдѣ, вскорѣ потомъ были чрезвычайно удивлены поступками Фельдмаршала : онъ не только не воспользовался своимъ успѣхомъ и не погнался за бѣжавшимъ отъ него непріятелемъ, но даже вышелъ изъ завоеванныхъ областей Пруссіи, оспа-

*

вивъ за собою только одну крѣпость Мемель! Ни Русскіе, ни Прусаки, не понимали сначала, что это значило, и только чрезъ нѣсколько времени узнали о причинахъ, по которымъ Апраксинъ поступалъ такъ странно. Вотъ онъ:

Великій Князь Пётръ Теодоровичъ не всѣми былъ любимъ при дворѣ: многіе вельможи, не смотря на давно принятую имъ вѣру Греческую, не считали его совершенно Рускимъ Княземъ, и все еще видѣли въ немъ иностраннаго принца, особливо въ то время, когда онъ слишкомъ явно показывалъ пристрастіе свое ко всему, что только имѣло какое нибудь отношеніе къ Королю Фридрику II-му. Надобно сказать читателямъ моимъ, что Пётръ Теодоровичъ чувствовалъ такое чрезвычайное уваженіе къ достоинствамъ сего Государя что не только восхищался каждымъ поступкомъ его, но даже открыто говорилъ о своемъ желаніи подражать ему во всемъ. Это не могло нравиться

ся Рускимъ , привыкшимъ въ продолженіе всего царствованія Елисаветы Петровны видѣть въ Фридерикъ , непріятеля отеческіа ихъ. Но Великій Князь не обращалъ вниманія на ропотъ недовольныхъ, не думалъ даже о томъ, что сама Императрица болѣе всѣхъ ненавидѣла Фридерика , и продолжалъ неоспорожною откровенностію своею увеличивать число враговъ своихъ. Сильнѣйшимъ между ними былъ Канцлеръ , Графъ Безстужевъ , который такъ не любилъ Великаго Князя, что доносилъ на него Императрицѣ и даже старался о томъ, чтобы онъ удаленъ былъ отъ престола. Но прежде нежели Безстужевъ успѣлъ въ своихъ дерзкихъ намѣреніяхъ Императрица вдругъ занемогла. Болѣзнь Ея вскорѣ сдѣлалась такъ опасною, что не оставалось никакой надежды на выздоровленіе. Всѣ придворъ погружены были въ глубокую горестъ, но болѣе всѣхъ, Канцлеръ. Судьба угрожала ему не только потерею Государыни — благодѣтели-

цы, но и гнѣвомъ Наслѣдника Ея, такъ жестоко оскорбленнаго имъ. Въ то время, какъ онъ печально размышлялъ о запруднительномъ положеніи своемъ, получаеиша извѣстіе о побѣдѣ Апраксина при Гросъ - Егерсдорфѣ. Апраксинъ былъ другъ и повѣренный его. Отправляясь въ походъ, онъ получилъ отъ Канцлера повелѣніе Государыни, стараясь всѣми силами побѣдить Фридерика. Удачное начало восхищало Фельдмаршала, и потому съ радостію спѣшилъ онъ увѣдомить друга и покровителя своего о побѣдѣ. Но мысли Графа Безспужева были теперь совсѣмъ другія : не придумавъ еще никакого средства, загладишь вины свои предъ Наслѣдникомъ, онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ воспользоваться первымъ случаемъ, чтобъ угодить ему, и въ тотъ же день отправлено было Графу Апраксину приказаніе, переменить расположеніе свое къ Фридерку и не только не нападать болѣе на его владѣнія, но даже оставить и завоеванныя уже

области. И такъ, милые чинатели мои, пещерь вы знаете причины, по кошорымъ такъ спраино дѣйствовалъ Апраксинъ въ Пруссіи. Но какъ жестоко ошибся въ расчетъ своемъ Канцлеръ! Здоровье Императрицы, прошивъ ожиданія всѣхъ, поправилось. Негодование Ея было чрезвычайно, когда Она узнала о томъ что сдѣлалъ Фельдмаршалъ. Вовсе не подозрѣвая чтобы въ этомъ дѣлѣ виновенъ былъ и Канцлеръ, пользовавшійся величайшею довѣренностію при дворѣ, Государыня сначала наказала только одного Апраксина, но чрезъ полгода потомъ, когда комиссія, производившая слѣдствіе надъ Фельдмаршаломъ, открыла всѣ подробности дѣла и Графъ Безстужевъ подвергся сстроному наказанію: онъ лишенъ былъ всѣхъ чиновъ, должностей и орденовъ, и сосланъ навсегда въ одну изъ деревень своихъ.

Между тѣмъ мѣсто Апраксина въ арміи, заступилъ генералъ Ферморъ. Онъ не имѣлъ значительныхъ успѣховъ

въ сраженіяхъ съ Фридерикомъ , хотя въ началѣ своего вступленія въ должность Главнокомандующаго и взялъ городъ Кенигсбергъ и крѣпость Кистпринъ. Но за то принявшій послѣ него начальство надъ Рускими войсками, Фельдмаршалъ , Графъ Салтыковъ и начальникъ союзнаго Австрійскаго войска Баронъ Лаудонъ, своими искусными распоряженіями и храбросцію довели знаменишаго Короля Прускаго до того, что въ сраженіи при Куннерсдорфѣ, въ іюль 1759 года, онъ съ опчаніемъ смотря на свою разбишую и бѣжавшую армію , восклицалъ : *Не ужели ни одно ядро не поразило меня !* И говоря это, онъ нарочно бросался въ мѣста, самыя опасныя, до тѣхъ поръ, пока адъютанты его, замѣпивъ Рускій сильный отрядъ, скакавшій прямо на него, не рѣшились взять за поводъ лошадей его, и увлечь его съ поля сраженія. Эта битва, гдѣ Рускіе показали самымъ блистательнымъ образомъ свою храбросць, надолго оставалась въ памяти ихъ и

Пруссаковъ и можетъ быть рѣшило бы тогда же судьбу войны, еслибы Австрійцы, съ прежнимъ жаромъ продолжали участвовати въ ней; но неизвѣстно по какимъ причинамъ, Графъ Салпыковъ, видѣвъ въ Главнокомандующемъ ихъ, съ каждымъ днемъ менѣе и менѣе усердія. Можетъ быть это происходило отъ неудовольствія, какое не могли не чувствовать Австрійцы, видя что во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходили они вмѣстѣ съ Русскими войсками, жители отдавали преимущество симъ послѣднимъ не только въ отношеніи славы ихъ, но даже и въ отношеніи поступковъ ихъ съ городами завоеванными. Напримѣръ, при взятіи въ 1760 году Берлина, всѣ жаловались на поведеніе Австрійскихъ солдатъ, которые не смотря на запрещеніе своего начальника, грабили безъ всякой жалости несчастную столицу Пруссаковъ, въ то время когда Рускіе, не только отличались великодушіемъ и покорностію къ своимъ начальникамъ, но даже по

просьбѣ Берлинцевъ, получили приказаніе отъ своего Фельдмаршала, основаніемъ своевольства союзниковъ. При этомъ случаѣ одинъ изъ Русскихъ генераловъ, защищавшій отъ дерзкихъ нападеній Потсдамъ, сохранилъ отъ разграбленія сокровища этого прекраснаго загороднаго дворца Королей Прусскихъ. За то иностранные писатели того времени съ удивленіемъ и благодарностію говорили, что имя *варваровъ свера*, которымъ тогда еще называли Русскихъ, совершенно несправедливо приписывается народу добродушному и великодушному.

Несогласія между главнокомандующими: Рускимъ и Австрійскимъ, продолжались и тогда, когда уже Графъ Салтыковъ, по причинѣ болѣзни своей, сдалъ начальство надъ арміею, Фельдмаршалу, Графу Бутурлину. Но сихъ несогласій недовольно было, чтобъ доставить побѣду Фридриху, потому что если отъ нихъ перялись успѣхъ той части союзнаго войска, которою

распоряжались оба предводителя, за то другая часть его, состоявшая изъ однихъ Русскихъ и ввѣренная начальству Графа Румянцова, опличалась чудесами храбрости въ Помераніи, гдѣ ей поручено было взять крѣпость Кольбергъ. Здѣсь-то въ первый разъ является свѣту имя знаменитѣйшаго изъ воиновъ Русскихъ, *Суворова*, о которомъ вы, милые чипапели мои, услышите въ послѣдствіи много прекраснаго и чрезвычайнаго. Въ это время онъ былъ еще только подполковникомъ, но дѣла его уже въ полной мѣрѣ показывали, какого великаго полководца посылало въ немъ небо, своей любимицѣ, Россіи.

Крѣпость Кольбергъ не могла долго противиться и 4 декабря 1761 года, сдалась. Рускіе вмѣстѣ съ нею получили 2903 человекъ плѣнныхъ, и 146 пушекъ. Такая важная побѣда обѣщала имъ, новые блестящіе успѣхи въ войнѣ съ Пруссіей, какъ вдругъ все перемѣнилось: въ арміи получено было извѣстіе о кончинѣ Императрицы Елисавете-

ты Петровны и съ шѣмъ вмѣстѣ повелѣніе новаго Императора прекра-
щишь всѣ непріятельскія дѣйствія
прошивъ Короля Прусскаго ! 25 декаб-
ря, въ самой день Рождества Христо-
ва, скончалась эта Государыня, опъ
жестокыхъ припадковъ падучей болѣзни,
усилившихся съ лѣта 1761 года. Мно-
гіе изъ современниковъ Императрицы
полагали, что война съ Пруссіей имѣ-
ла сильное вліяніе на ея здоровье. Та-
кое мнѣніе очень вѣроятно, пошому
что набожная Государыня часшо по-
среди жестокыхъ спраданій своихъ въ
послѣднее время, съ горесшію сознава-
лась, что мысль о Прусской войнѣ,
споившей Россіи въ печеніе нѣсколь-
кихъ лѣтъ около 300,000 человекъ,
превожила Ея сердце. Исполненная са-
мыми благочесшивыми чувсшвованіями,
Она переносила съ удивительною швер-
досшію мучительную болѣзнь свою.

Рускіе называли царсшвованіе Ели-
саветы Петровны счастливымъ, еще
болѣе, называли его *золотыми днями*

Россіи. И это было справедливо: Она царствовала послѣ ужасныхъ лѣтъ владычества Бирона, и царствовала съ материнскою любовію къ подданнымъ. Кромѣ того, царствованіе Ея можно было по справедливости назвать счастливымъ и по тому блистательному успѣху, которымъ всегда окончивались не только дѣла, но даже намѣренія и желанія Ея. Удачное исполненіе важнѣйшихъ изъ нихъ, уже извѣстно читателямъ моимъ, изъ всѣхъ рассказовъ нашихъ о Ея царствованіи, но сколько было еще такихъ, которые не будучи важными, имѣли также много вліянія на тогдашнее состояніе Рускихъ. Напримерь, Она любила науки и изящныя искусства, и желала чтобы подданные Ея занимались ими, чтобы у нихъ были люди, которые поощряли бы ихъ къ этимъ занятіямъ, подавали бы имъ примѣръ, какъ преодолевать трудности, соединенныя съ ними, и, при Ней явился гений, которому определено показывать путь ко всему изящному умамъ обыкновеннымъ, при Ней—явил-

ся поэшь. Это былъ первый, великій поэшь Россіи, *Ломоносовъ*. Блестящее явленіе было шакъ удивительно, и имѣло шакія важныя послѣдствія для ученаго и литературнаго міра Россіи, что маленькіе друзья мои, вѣрно не будутъ досадовать, если мы сдѣлаемъ небольшое опступленіе отъ описанія царственнѣй жизни Елисаветы, и расскажем нѣсколько подробностей о судьбѣ этого необыкновеннаго человека. Впрочемъ это почти не будетъ опступленіемъ: мы говорили о намѣреніяхъ и желаніяхъ Императрицы, а многія изъ нихъ были приведены въ исполненіе Ломоносовымъ.

Деревнѣ Денисовской, лежащей въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Холмогоръ, маленькаго городка Архангельской губерніи, принадлежитъ честь быть мѣстомъ рожденія перваго поэта Рускаго. Отець его, былъ простой кресстьянинъ, занимавшійся рыбнымъ промысломъ, *Василій Ломоносовъ*. Правду скажемъ, Василій былъ умнѣе другихъ

рыбаковъ, своихъ поварищей: однажды, онъ вздумалъ поспроить галионъ, т. е. родъ небольшого корабля, о постройкѣ котораго земляки его вовсе не имѣли понятія и сдѣлалъ это такъ удачно, что съ того времени началъ ѣздить для промысла своего, даже до морей: Бѣлаго и Сѣвернаго. Эти поѣздки, съ каждымъ годомъ подавали ему болѣе и болѣе надежды нажить современемъ порядочное состояніе. Въ такихъ обстоятельствахъ былъ умный и дѣятельный Василій въ 1711 году, когда у него родился сынъ, *Михаилъ*. Добрый рыбакъ радовался рожденію его, думая видѣть въ немъ наследника будущаго, небольшого богатства своего, но ошибся: маленькой сынъ его росъ совсѣмъ не наследникомъ ему, и когда десятилѣтняго, отецъ взялъ его съ собою въ одну изъ поѣздокъ своихъ на ловлю, Михайло не по дѣтски, не по крестьянски любовался прекраснымъ, необозримымъ видомъ моря и небесъ, которыя казались такъ обыкновенны и опцу

его, и всѣмъ спутникамъ ихъ. Многіе изъ нихъ, даже смѣялись надъ мальчикомъ, когда онъ, молча смотрѣлъ почти по цѣлымъ часамъ, на тихую поверхность воды, на отражавшіяся въ ней облака, на лучи солнца, съ такимъ блескомъ игравшіе въ ней. Но малюшка еще болѣе любилъ то время, когда прелестная картина спокойствія моря перемѣнялась и по гладкой равнинѣ его начинала разыгрываться буря. Какъ радовался Миша, что увидитъ теперь и бѣлыя волны на морѣ, и свѣплую молнію въ темныхъ пучахъ; что услышитъ свистъ вѣтра, перекашты грома! И въ ударахъ грома, и въ свистѣ вѣтра и въ шумѣ волнъ, ему слышалось что-то особенное, что-то такое, чего онъ не понималъ дѣтскимъ, необразованнымъ умомъ своимъ, но что какъ будто чувствовалъ душою. Это чувство, развиваясь въ немъ съ каждымъ годомъ болѣе, обратилось наконецъ въ непреодолимое желаніе узнать ближе чудеса природы, восхищавшія его на дикой его

родинѣ, узнать причины и этого, вѣчно спройнаго движенія солнца, и этой неподражаемой красоты небесъ, возвышаемой въ странахъ холодныхъ прекрасными, сѣверными сіянїями, и великолѣпной необозримости морей, наконецъ узнать лучше и совершеннѣе то могущественное Существо, которое съ такимъ величіемъ образовало всѣ созданныя Имъ творенія. Никто въ деревнѣ Деяисовской и даже въ городѣ Холмогорахъ не могъ удовлетворить это необыкновенное въ быту крестьянскомъ желаніе пламеннаго сердца молодого Михайла. Напрасно спрашивалъ онъ людей грамотныхъ: одинъ изъ нихъ, приходскій дячокъ, научилъ его только читать, но съ однимъ чтеніемъ многоули научишься, особливо въ такомъ мѣстѣ, гдѣ и читать нечего? Михайло вскорѣ сдѣлался лучшимъ чтецомъ за обѣднями и заупреженїями, прочитавъ въ досужные часы, всѣ книги, какія были въ церкви, но все не былъ доволенъ своею ученостью и просилъ

у учишеля своего какихъ нибудь другихъ, свѣшскихъ книгъ, но къ величайшему сожалѣнію своему узналъ, что на Рускомъ языкѣ трудно найти другія книги, кромѣ духовныхъ и что на Латинскомъ есть всякія книги, а этому языку можно научиться только въ Москвѣ, Кіевѣ и Петербургѣ, гдѣ заведены для того училища.

Грустно было Михайлѣ слышать это! И Москва, и Кіевъ, и Петербургъ, далеко, очень далеко отъ Холмогоръ. А ему хотъ бы взглянуть только на рѣдкія книги! Судьба на этомъ разѣ была очень благосклонна къ нему: въ домѣ одного богатаго Холмогорскаго жишеля, Христофора Дудина, онъ увидѣлъ—не духовныя, но граждацкія книги, и восторгъ его былъ неописанъ! Но какъ бы вы думали, милыя, дѣши, какія были эти книги?—Старинная Славянская грамматика и ариѳметика, напечатанная еще при Петрѣ Великомъ, для морскихъ учениковъ! При всемъ томъ, они показались молодому Ломо-

носову такъ занимательны, что онъ выпросилъ ихъ себѣ у Дудина, какъ драгоценность, и съ тѣхъ поръ, читалъ ихъ безпреспадно, и съ такимъ вниманіемъ, что въ скоромъ времени выучилъ наизусть каждую страницу. Но могли ли и эти книги удовольствовать его страсть къ ученью? Нѣтъ, напрошивъ того, малыя понятія, какія онъ получилъ изъ нихъ, воспламенили еще болѣе, и еще сильнѣе возбуждали въ немъ желаніе узнать прославляемый учителемъ его Лапинскій языкъ, на которомъ писались всякія книги! Какъ сладкая мечта мелькала иногда въ головѣ будущаго поэта, мысль увидѣть счастливую Москву, гдѣ были Лапинскія училища! Но какъ сдѣлать это? нельзя было и думать, чтобы отецъ-крестьянинъ согласился отпустить единственнаго сына своего въ такую даль и за такимъ дѣломъ, которое не могло казаться ему иначе, какъ ненужнымъ и даже пустымъ. И безъ того доброму Василью не нравилось вѣчное занятіе

сына съ книгами Дудина, особливо, когда вторая жена его, уже мачиха Михайлы, съ досадою нашептывала ему, что изъ молодаго пасынка ея не будетъ пупи, что онъ за книгами, часто забываетъ нужную работу. Послѣ того, какъ прислушивъ къ отцу съ просьбою, которой онъ вовсе не могъ ожидать? Но непреодолимая сила придала мужество молодому человѣку: онъ рѣшился хотя намекнуть о путешествіи своемъ, и съ перваго же слова отца, потерялъ всю надежду на успѣхъ. Въ этой безнадежности прожилъ онъ до семнадцатилѣтняго возраста своего. Тупъ перифніе его истощилось, жизнь сдѣлалась еще грустнѣе отъ увеличившейся ненависти мачихи, и доведенный до крайности, но болѣе нежели прежде, увѣренный въ силы своихъ, онъ рѣшился бѣжать изъ дома родительскаго, и пѣшкомъ дойти до Москвы. Но съ какими трудностями соединялся этотъ побѣгъ! Надобно было найти товарищей, которые бы

знали и дорогу въ Москву и самую Москву, пошому что Михайло зналъ все это также мало, какъ пяти-лѣтній ребенокъ. Къ счастью, къ отцу его каждую зиму пріѣзжали Московскіе торговцы, за покупкой рыбы. На нихъ-то надѣялся онъ! Ихъ-то съ неперпнѣніемъ ожидалъ цѣлое лѣто и цѣлую осень 1728 года. Наконецъ настала зима, Московцы пріѣхали, закупили все, что для нихъ было нужно, и уже собрались ѣхать домой. Вотъ они и уѣхали, и спустя день послѣ ихъ отъѣзда, въ зимнюю холодную ночь, пустился за ними и молодой Ломоносовъ. Горько было ему оставить добраго отца, и оставить какъ преступнику, безъ его согласія, безъ его благословенія. Но онъ надѣялся возвратиться къ нему со временемъ, съ честью, надѣялся утѣшить старость его своими успѣхами въ ученѣмъ свѣтѣ, и эта надежда помогла ему перенести тяжкую мину разлуки!

О! если бы вы знали, милыя дѣти сколько прудовъ, сколько испытаній ожидали молодаго бѣглеца съ первымъ шагомъ его изъ дома родительскаго! Началось съ того, что едва черезъ цѣлыя сутки не ходьбы, но почти бѣга, нагналъ онъ обозъ Московскій, уже въ семидесяти верстахъ отъ Холмогоръ, пошомъ едва умолилъ главнаго прикащика, взять его съ собою, наконецъ вышелъ изъ дома безъ куска хлѣба, безъ копѣйки денегъ, съ однимъ богатствомъ своимъ — двумя книгами Дудина—онъ едва не умеръ отъ голода, и всю дорогу до Москвы ѣлъ то, чѣмъ изъ милосердія кормили его обозные извозчики, и неслишкомъ щедрый хозяинъ ихъ! А сколько непріятностей ожидало его въ самой Москвѣ! Какъ часто, даже и тогда, когда уже онъ, по старанію одного добраго монаха помещенъ былъ ученикомъ въ Заиконоспаскую академію, терпѣлъ онъ голодъ и всякую нужду! Казенный воспитанникъ получалъ въ то время алшынъ,

ш. е. при копѣйки въ день. Изъ этой малой суммы, Ломоносовъ, употреблялъ денежку на хлѣбъ, денежку на квасъ, а остальное на бумагу и всѣ нужныя для него вещи. Даже и плащя не давалось отъ казны, а всѣ ученики получали его отъ своихъ родственниковъ; у Ломоносова же ихъ не было, и такъ, онъ часто ходилъ въ лохмотьяхъ. Но онъ не замѣчалъ ихъ, онъ немало смотрѣлъ даже и на великолѣпіе Москвы, во все время своего ученья тамъ: классы и книги соспавляли для него міръ, въ которомъ онъ блаженствовалъ. И за то, какъ быспры, какъ велики были успѣхи его, не смотря на все снѣсеніе, какимъ тогдашній способъ ученья ограничивалъ эти успѣхи. Чтобы вы имѣли понятіе объ этомъ, милые читатели мои, споишь только рассказать вамъ одинъ случай. Ломоносовъ, будучи въ грамматическомъ классѣ, скоро выучилъ всѣ правила этимологіи, и просилъ позволенія учишь синтаксисъ. Учитель его, Гермонахъ Конашевскій, сдѣлалъ

ему выговоръ за неперпѣніе и приказалъ ему занимашься одною эпимологіей. Необыкновенный ученикъ повиновался по наружности, но въ поже время, тайно, и безъ всякой посторонней помощи училъ синшаксисъ, и зналъ его безошибочно къ первому экзамену. Но чшожь? Когда онъ просилъ экзаменовать его въ эпюмъ предметъ, его, не только не спросили, но даже наказали за неперпѣливость и непослушаніе: онъ просидѣлъ двои супокъ въ *телицой* комнатѣ, и съ тѣхъ поръ скрывалъ опъ неумолимыхъ учителей своихъ то, что зналъ лишняго противъ приказаній ихъ.

Въ шесть лѣтъ такого медленнаго ученья, онъ изучилъ все что знали его наставники, и особенно языки: Латинскій и Греческій пакъ хорошо, что даже иногда писалъ на нихъ стихи. Въ 1755 году, въ Шешербургскую Академію наукъ требовали изъ Законо-спаской нѣскольکو отличныхъ семинаристовъ, для продолженія курса

физики и математика у Петербургскихъ профессоровъ. Первый выборъ, безъ всякаго сомнѣнія, палъ на Ломоносова, — и кто опишетъ восторгъ его, когда онъ узналъ о томъ? Курсы ученья въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, и въ Кіевскомъ духовномъ училищѣ, были уже давно имъ кончены, и посреди этой мучительной для генія бездѣйственности, онъ вдругъ по собственнымъ заслугамъ своимъ, удостоивался чести учиться у людей умнѣйшихъ во всей Россіи!

Тоже неупомимое прилежаніе, которымъ славился онъ въ академіи Московской, оплечало его и въ Петербургской, и до такой степени, что чрезъ нѣсколько времени, онъ посланъ былъ на казенный счетъ въ Германію усовершенствоваться въ философіи, химіи, и горномъ дѣлѣ: эти три науки были его любимыми предметами! Въ городѣ Марбургѣ, у знаменитаго профессора Вольфа, началось новое образованіе перваго Рускаго ученаго, котораго великія способности вскорѣ сдѣлались извѣст-

ны Нѣмецкимъ профессорамъ. Онъ про-
велъ въ Германіи нѣсколько лѣтъ, и
здѣсь то, въ 1738 году, открылось въ
въ полной мѣрѣ поэтическое дарованіе
его: онъ написалъ Рускіе стихи на
славную побѣду Графа Миниха, при Хо-
шинѣ, во время продолжавшейся тогда
войны съ Турціей. Надобно сказать
вамъ, милые читатели мои, что напи-
сать въ то время стихи значило
совсѣмъ не то, что значить теперь на-
писать ихъ: тогда Рускій языкъ еще
не былъ такъ обработанъ, чтобъ мог-
ли быть введены въ него разные мѣры
стихосложенія, и если кто нибудь изъ
людей ученыхъ отваживался быть по-
этомъ, то стихи его были просто-
набранныя строки, безъ всякаго пра-
вильнаго размѣра слоговъ и рифмъ,
совершенно необходимаго при всякомъ
стихотвореніи. Ломоносовъ, первый
показалъ соотечественникамъ своимъ
то и другое, и его стихи на взятіе
Хошина были удивительнымъ, неслы-
ханнымъ произведеніемъ того времени.

За то сколько и шума сдѣлали они не только между учеными и литераторами, но даже и при дворѣ. Императрица Анна Иоанновна получила ихъ отъ прѣзидента академіи наукъ, Барона Корфа, съ гордостію представлявшаго Государынѣ, удивительное произведеніе ученика академіи. Императрица восхищалась ими, приказала оппечатать нѣсколько экземпляровъ и раздала ихъ самымъ приближеннымъ къ себѣ особамъ, на одномъ изъ пышныхъ собраній Двора. — Но поэтъ ничего не зналъ о торжествѣ своемъ: онъ жилъ въ это время въ Германіи, и уже не въ прежнемъ, счастливомъ однѣми науками положеніи, но жилъ въ бѣдности, которую навлекъ на себя знакомствомъ съ нѣкоторыми изъ Нѣмецкихъ студентовъ, и раннею женидъбою, на молодой, хотя очень доброй и умной, но не имѣвшей никакого состоянія — дѣвушкѣ. Бѣдность его вскорѣ дошла до того, что онъ долженъ былъ оставить въ Германіи и всѣ ученныя заня-

тіл свои и жену свою, и бѣжашь опть
долговъ въ Россію. Дорогою, онъ едва
не завербованъ былъ въ число Прус-
скихъ гусарь, *) но успѣлъ счастливо
убѣжашь опть нихъ и достигъ наконецъ
до Пешербурга, въ первый годъ цар-
ствованія Императрицы Елисаветы.
Наконецъ, только эша Госудзрыня,

*) Большая часть читателей моихъ вѣрно не знаетъ
слова: *вербовать*? Вошь что значить оно: въ
Пруссіи не набирали въ то время рекрутъ шакъ
какъ набирають ихъ у насъ, но дѣлали это слѣдую-
щимъ образомъ: выбирали нѣсколько бойкихъ человекъ
солдашъ и отпраляяли ихъ съ старшимъ вахмис-
промъ или уншеръ офицеромъ, ходишь по деревнямъ
и городкамъ, и стараться замавивашь ласками и
обѣщаніямъ, а чаще обманомъ и деңгамъ, молодыхъ
людей въ службу королевскую. Такъ попался къ
нимъ и нашъ Ломоносовъ. Убѣжавъ изъ Марбурга,
онъ два дня ходилъ по лѣсамъ, безъ всякой пищи и
наконецъ въ одномъ посплюломъ дворѣ встрѣтился
съ отрядомъ вербовщиковъ, не имѣя о нихъ никакого
поняпія. Они угостили его и когда бѣдный молодой
человѣкъ заснулъ, нашили ему красный воротникъ
на кафшанъ, положили въ карманъ нѣсколько серебря-
ныхъ денегъ и проснувшася поздравляи солдашомъ
Его Величества, короля Прусскаго. Счастье, что
Ломоносовъ, нашель средсво убѣжашь опть нихъ.

отличавшаяся просвѣщеннымъ умомъ, и тонкимъ прекраснымъ вкусомъ, оцѣнила въ полной мѣрѣ геній великаго подданнаго Своего, и устроила его колебавшуюся, такъ долго ненадежную судьбу. Но здѣсь надобно опдаться справедливости и тѣмъ достойнымъ лицамъ въ исторіи нашей, которыя представили Императрицѣ и молодаго поэта, и жалкое положеніе его. Это были вельможи, всегда отличавшіеся любовью къ наукамъ и искусствамъ, это были *Шуваловы*. Покровительству ихъ обязанъ былъ Ломоносовъ, и тѣмъ, что необыкновенный умъ, и обширная ученость его были узнаны и признаны, и тѣмъ, что легкіе проступки его молодости были забыты, и тѣмъ, что враги его, эти неизбежные спутники отличныхъ дарованій — начали менѣе вредить ему: однимъ словомъ, обязанъ былъ совершенно новою жизнью. Получивъ мѣсто адъюнкта, потомъ профессора академіи, онъ имѣлъ уже достапо- чное жалованье, чтобы существовать

безъ нужды, не только одному, но даже и съ женою, вскорѣ призванною имъ изъ Германіи. Кромѣ того, онъ получалъ часто богатые подарки за прекрасные стихи, которые писалъ на разные случаи, чаще всего, по просьбѣ благодѣтелей своихъ, Шуваловыхъ. Вы вѣрно прочтете друзья мои, эти стихи, достойно восхищавшіе въ то время Рускихъ, такъ точно, какъ восхищаются они теперь стихами Пушкина. Между ними есть такіе, которые и до сихъ поръ, еще читаются съ наслажденіемъ, не смотря на восемьдесятъ лѣтъ послѣ нихъ пропекшія, и на быстрые успѣхи языка нашего. Вы узнаете это, прочитавъ оду его *къ Іову*.

Но продолжительность опсшупленія нашего напоминаетъ, что пора намъ расстаться съ первымъ поэтомъ нашимъ. Однакожь, прежде нежели мы сдѣлаемъ это, надобно рассказать вамъ, милыя дѣти, одинъ изъ прекраснѣйшихъ дней его жизни. Это былъ день представленія его Императрицѣ Ели-

савешъ, которая желала видѣть поэта, чтобы лично поблагодарить за одно изъ лучшихъ сочиненій его.— *Похвальное слово* Ей, сказанное въ торжественномъ собраніи Академіи 1749 года.

Въ первую минуту, когда Шуваловъ объявилъ Ломоносову объ этомъ милосердіемъ желаніи, сердце его затрепетало отъ радости: оно такъ давно было исполнено живѣйшею благодарностію къ высокой Покровительницѣ, давно мечтало о счастіи излить лично предъ Нею, эту пламенную благодарность. Невозможно описать, что чувствовалъ онъ, сидя въ каретѣ вмѣстѣ съ добрымъ Шуваловымъ, и несясь, по дорогѣ къ Царскому-Селу, гдѣ Государыня проводила въ этотъ годъ лѣто. Какъ ни блистательно сіяла золотая кровля новаго дворца Царскосельскаго, недавно построеннаго Императрицею, какъ ни великолѣпно было все окружающее это истинно царское жилище Елисаветы, но Ломоносовъ не могъ ничѣмъ восхищаться, ни о чемъ думать, но

весь погруженъ былъ въ одно чувство: въ счастіе представиться Государынѣ. Столько же мало впечатлѣній произвели на него и безчисленные богатства, украшавшія пышныя комнаты, по которымъ онъ шелъ до той, гдѣ наконецъ увидѣлъ Царицу Сѣвера. Прекрасна и величественна явилась Она поэтѣ! Съ благоговѣніемъ успремилъ онъ восхищенные взоры свои на это прелестное лице Дочери могущественнаго, великаго генія Россіи. Пораженный какъ будто какимъ-то очарованіемъ, Ломоносовъ стоялъ безмолвенъ, неподвиженъ, а между тѣмъ, Императрица, уже оставила работу, кою занималась и съ привлекательною любезностію, составлявшею опличительнѣйшее свойство Ея, сказала: „Я въ долгу у васъ Г. Ломоносовъ. Вы такъ хорошо умѣете хвалить Меня, а я еще ни разу не поблагодарила васъ за это. Примите же теперь Мое благоволеніе.“ И съ этими словами, привѣтливая Государыня подала ему руку.

Ломоносовъ, въ неизъяснимомъ восторгѣ упалъ на колѣни, и едва могъ выразить свою глубокую благодарность: сердце его было слишкомъ полно, а это всегда мѣшаетъ быть краснорѣчивымъ. Елисавета понимала чувства его, и продолжая милостиво разговаривать съ нимъ, съ участіемъ спрашивала о женѣ и дочери его, и незабвенный для поэта нашего разговоръ, кончился такою Царскою милостію, о какой онъ не могъ и вообразить: Государыня подарила ему помѣстье близъ Петербурга, на берегу Финскаго залива. Оно называлось Коровалдай.

Осчастливленный такимъ лестнымъ благоволеніемъ, Ломоносовъ съ этого времени, съ новымъ жаромъ принялся за многочисленные труды свои и по Академіи, и по нѣмъ порученіямъ, какія часто дѣлалъ ему знаменитый покровитель наукъ и художествъ, Шуваловъ. Такъ въ 1754 году, онъ просилъ его сдѣлать планъ для университета въ Москвѣ, и въ 1755 — это

высшее учебное заведеніе, эпошъ памятникъ просвѣщенной Государыни и двухъ главныхъ участниковъ его учрежденія — Шувалова и Ломоносова, уже было открыто. Это открытіе—споль важное для будущаго просвѣщенія Россіи—восхишило радостію сердце поэта.

Но не смотря на все счастье, копорымъ, казалось, наслаждался Ломоносовъ, у него было много дней, самыхъ горестныхъ, самыхъ тяжелыхъ для сердца! Это были тѣ дни, въ которые онъ терпѣлъ опъ злобы людей, ненавидѣвшихъ его за дарованіе, такъ много выщавшее его надъ ними. Къ числу такихъ, по несчастію, принадлежали даже нѣкоторые изъ членовъ Академіи, и всѣхъ болѣе, секретарь ея, *Тредіаковскій*. Воображая себя также поэтомъ, онъ писалъ самые дурные стихи того времени, но все таки ихъ читали и даже иногда находили хорошими, какъ вдругъ явился Ломоносовъ съ своею правильною, звучною поэзіей, и на стихи Тредіаковскаго посыпались насмѣшки.

Послѣ этого, могъ ли онъ не возненавидѣшь новаго поэта? И эта ненависть дѣлала много вреда Ломоносову, потому что Тредіаковскій, будучи секретаремъ Академіи, имѣлъ вліяніе на членовъ ея и не рѣдко располагалъ ихъ противъ Ломоносова.

Но величайшее зло состояло въ томъ, что пламенное сердце поэта было слишкомъ чувствительно къ незаслуженнымъ оскорбленіямъ и къ непріятнымъ слѣдствіямъ несогласія между Академиками, которое чрезвычайно вредило распространенію просвѣщенія въ Россіи, просвѣщенія, столь драгоценнаго для Ломоносова. Досадуя на это, онъ чувствовалъ такое огорченіе, въ которомъ не могли утѣшить его благородные защитники его, Шуваловы. Какъ часто съ истинною печалью, онъ говорилъ имъ: „ахъ! какъ много могъ бы я сдѣлать въ моемъ званіи профессора и члена Академіи, и какъ мало мои товарища даютъ мнѣ воли дѣлать?“, Знаменитые покровители утѣшали

его, сколько могли, и иногда помогали его непріятнымъ обстоятельствомъ, а когда нельзя было помочь, совѣщывали имѣшь болѣе терпѣнья, и ждашь всего опшъ времени.

Кромѣ обширныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ по всѣмъ частямъ наукъ эшимъ необыкновеннымъ человекомъ, царствованіе Елисаветы Пепровны опличалось счастливымъ спеченіемъ обстоятельствомъ и въ другихъ опношеніяхъ.

При Ней, образовался первый, истинно Рускій театръ: нѣсколько человекъ изъ самаго просшаго званія, но съ рѣдкими дарованіями, сошлись въ Ярославль, и безъ всякаго ученья, по одной собственной охотѣ, играли между собою разныя пьесы. Удачныя представленія подали мысль одному изъ нихъ, купеческому сыну, Федору Волкову, сдѣлать домашній театръ ихъ пообширнѣе и пускашь труда за деньги всѣхъ жителей Ярославля. Такъ начался первый, вольный театръ Рускій:

слухъ о дарованіяхъ новыхъ актеровъ вскорѣ дошелъ до Императрицы, и Она пожелала видѣть ихъ. Вся труппа привезена была въ Петербургъ, и до того восхишила представленіями своими высшую Покровительницу изящныхъ искусствъ, что въ 1756 году, составленъ былъ придворный Рускій театръ и счастливые Ярославцы заняли въ немъ мѣста лучшихъ актеровъ. Изъ нихъ, въ послѣдствіи, особенно прославился знаменитый трагикъ *Дмитревскій*. Директоромъ этого театра былъ *Александръ Петровичъ Сумароковъ*, сочинившій первыя трагедіи и комедіи Рускія. Дѣлая во всемъ быстрые успѣхи, соотечественники наши имѣли уже въ это время и повременное изданіе или журналъ. Онъ назывался *Ежемесячныя сочиненія* и издавался академикомъ *Миллеромъ*.

Къ счастливейшимъ же происшествіямъ царствованія Елисаветы принадлежитъ увеличеніе отечества нашего цѣлою новою областью, извѣстною до сихъ поръ, подъ названіемъ *Новороссійской*.

Вошь какъ она соспавилась на югъ опещства нашего: въ грозное правленіе Императрицы Анны и Герцога Бирона, множество Русскихъ семействъ бѣжало за границу. При Елисаветѣ же, крошкой и милосердой не только они всѣ возвращались, но вслѣдъ за ними перешли въ Россію и многіе иностранцы, въ особености Сербы, народъ, происходящій также какъ и Русскіе, опъ Славянскаго племени. Правительствво наше поселило ихъ въ степяхъ южной Россіи и навало Новороссіянами.

Такъ все блистало счастіемъ, все увѣнчано было успѣхомъ въ двадцатилѣтнее царствованіе Елисаветы. Въ то время какъ генералы Ея удачно побѣждали героя-Фридерика, почитаемаго всѣми непобѣдимымъ, Она украшала съверную столица Свою съ царскимъ великолѣпіемъ, всегда любимымъ Ею. Вы можете и теперь видѣть, милыя дѣти, памятники прекраснаго и пышнаго вкуса Ея: это дворцы, Зимній и Царскосельскій, чудесная церковь въ послѣднемъ, морской соборъ

Св. Николая въ той части Петербурга, копорья называется Коломною, Воскресенскій Дѣвичій монастырь на берегахъ Невы. Маленькіе чашпашели мои не найдутъ Воскресенскаго монастыря теперь, подъ эшимъ названіемъ, пошому что мы называемъ его *Смольнымъ*. Онъ недостроился при Елисаветѣ Петровнѣ, и примѣчашеленъ былъ въ то время, только по той причинѣ, которая подала Государынѣ мысль поспроить его: это было намѣреніе Ея передать правленіе Великому Князю Петру Теодоровичу и окончить дни Свои въ монастырь, намѣреніе, о копоромъ говорила Она чрезъ четыре года послѣ вступленія Своего на престоль, и которое пошомъ перемѣнилось.

Богапство двора при Императрицѣ Елисаветѣ и пышные праздники Ея, приводяшъ въ удивленіе всѣхъ, кто знаетъ придворныя записки того времени. Кромѣ собраній у Императрицы по воскресеньямъ, во дворцѣ Ея давались два раза въ недѣлю маскарады.

Одинъ изъ этихъ маскарадовъ былъ для придворныхъ и другихъ знатныхъ особъ, которыхъ число простиралось выше двухъ сотъ человекъ. На другомъ же маскарадѣ, гдѣ позволялось быть всѣмъ, число гостей часто доходило до осьми-сотъ человекъ. Однажды Государыня, любившей веселыя шутки, вздумалось чѣобы на одномъ изъ придворныхъ маскарадовъ, всѣ мужчины, были одѣшны въ женскіе, а всѣ женщины, въ мужскія плашья. И въ этомъ странномъ переодеваньи, Она сама была прелестнѣе всѣхъ: мужской нарядъ шелъ чрезвычайно къ Ея величественному росту. Она часто надѣвала также охотничье плашье, потому что любила охоту и искусно стрѣляла изъ ружья. Это увеселеніе нравилось многимъ изъ Государынь нашихъ. Императрица Анна Иоанновна была также очень искусна въ стрѣляньи, и въ лѣто 1740 года, во время пребыванія Своего въ Пешергофѣ, Она застрѣлила множество дикихъ козъ, зайцевъ и утокъ. Даже Великая Княгиня Екашерина

Алексіевна любила охоту и часто занималась ею въ первые годы пребыванія Ея въ Россіи. Но Она дѣлала это просто, отправляясь въ Ораніенбаумскій лѣсъ съ однимъ старымъ егеремъ и охотничьею собакою. Императрица же Елисавета Петровна соединяла и съ этимъ увеселеніемъ пышность, вездѣ сопровождавшую Ее, и изъ записокъ того времени можно видѣть, что дни, проведенные Ею на охотѣ, походили на великолѣпные праздники. Особенно примѣчательенъ изъ нихъ былъ 4 октября 1751 года, когда охота происходила въ Красномъ—Селѣ, и одни охотничьи плашня для особъ, участвовавшихъ въ ней, стоили болѣе 20,000 рублей.

Но не смотря на сію склонность къ веселостямъ и блеску, Елисавета Петровна отличалась рѣдкимъ благочестіемъ. Празднованіе всякаго счастливаго происшествія Ея царствованія, начиналось всегда приношеніемъ благодарственныхъ молитвъ Богу, и

иногда въ церквахъ оставались даже памятники, этой благодарности: такъ изъ серебра въ первый разъ полученнаго при Ней изъ рудниковъ Рускихъ, была сдѣлана рака, въ которой почиваютъ мощи Св. Александра Невскаго. И въ числѣ благословеній, всегда ниспосылаемыхъ Богомъ душамъ благочестивымъ, было одно, исполнившее величайшею радостію не только сердце набожной Государыни, но и всѣхъ Ея подданныхъ, это было: открытіе въ 1756 году, мощей новаго чудотворца, Св. *Димитрія Ростовскаго*, жившаго во время Петра Великаго.

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ III.

1 7 6 2 годъ.

Чрезвычайна была перемѣна, происшедшая въ Россіи съ возшествіемъ на престолъ Петра III-го: новый Императоръ, казалось, былъ во всемъ различнаго мнѣнія съ покойною Императрицею. Чишпатели мои уже слышали о мирѣ его съ жестокимъ врагомъ Елисаветы, Фридрихомъ II. Но это было не все; вслѣдъ за извѣстіемъ о мирѣ, которое еще не могло назваться дурнымъ, но напротивъ того, могло обрадовать многихъ — Рускіе услышали вѣсти вовсе нерадостныя: всѣ рассказывали другъ другу, что Государь хва

лишь и награждаетъ только иностранцевъ, что недовѣряя подданнымъ своимъ, Онъ окружилъ себя вмѣсто гвардіи, отрядомъ Голштинцевъ, выписанныхъ изъ опечесства Его *) наконецъ что весь народъ Рускій сдѣлался какъ будто подвласнымъ Королю Прусскому, потому что Петръ Теодоровичъ такъ преданъ ему, что малѣйшія желанія его почишаютъ священными. Сначала такіе слухи считали несправедливыми, считали выдумками враговъ Императора, но вскорѣ должны были повѣрить имъ. Да и кто бы не повѣрилъ? Все доказывало справедливость рассказиковъ: и Рускіе солдаты одѣтые

*) Корпусъ Голштинцевъ, состоявшій изъ 3000 человекъ выписанъ былъ изъ Германіи, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ пріѣзда Принца. Это было любимое войско Петра III-го. Оно всегда стояло на квартирахъ тамъ, гдѣ Великій Князь проводилъ большую часть своего времени: въ Ораніенбаумѣ, одномъ изъ увеселительныхъ дворцовъ Государей нашихъ, лежащемъ на берегу морскомъ и сослѣвляющемъ теперь собственность Государя Великаго Князя Михаила Павловича.

по приказанію Императора въ новые мундиры, почто такіе, какіе были у солдатъ Прусскихъ; и удовольствіе, съ которымъ Императоръ вводилъ всѣ эти перемѣны, и радость Его при полученіи отъ Фридерика, чина генераль-лейтенанта его службы, и наконецъ торжественное объявленіе о томъ, что недавно заключенный миръ уже нарушенъ, и войско Русское, сражающееся въ Германіи противъ Фридерика, должно было иппи теперь на враговъ его. Вмѣстѣ съ печальною вѣстью объ этой новой войнѣ, Пётръ Теодоровичъ объявлялъ подданнымъ Своимъ, и о томъ, что Онъ самъ будетъ предводительствовать Своею арміею, что Самъ отправится къ ней въ Германію, прежде нежели будетъ короноваться. Последнее извѣстіе огорчило Русскихъ болѣе всего: по набожности своей, они находили въ одномъ этомъ случаѣ столько причинъ къ обвиненію Императора, что въ сердцахъ ихъ истребилась послѣдняя искра привязанности къ наслед-

нику Елисаветы. Съ тѣхъ поръ они начали даже забывать то добро, которое Онъ сдѣлалъ для нихъ въ первые дни своего восшествія на пресполю и которое состояло въ большихъ преимуществвахъ данныхъ дворянству, и въ уничтоженіи страшной для всѣхъ *Тайной канцеляріи*, такого присущаго мѣсна, гдѣ разсмапривались дѣла по разнымъ доносамъ, и въ особенності по шѣмъ, которые извѣстны были подъ названіемъ *Слово и дѣло!* *)

*) Читателямъ монѣ вѣрно прудио понять, что значатъ эти слова. Они значили встарину очень много. Всякаго, кто произнесетъ ихъ, гдѣ бы по ни было, полицейскіе чиновники брали, какъ такого чловѣка, который, знаенъ какое нѣбудъ важное дѣло, и желаетъ объявить его только Государю или высшимъ чиновникамъ его, засѣдавшимъ въ Тайной канцеляріи. Съ величайшею поспѣшностію его предспавляли шуда, и шуть-но начинались распросы и слѣдствіе надъ шѣми людьми, на которыхъ доносилъ закричавшій: *слово и дѣло!* При такомъ случаѣ не дѣлали исключеній ни для кого, и самыя важныя лица подвергались такому же спрогому суду, и часто даже пыткамъ, какъ и самыя ничтожныя. Вы можете

Это были два важныя благодѣянiя Петра Θεодоровича народу Его, но ихъ не оцѣнили тогда въ полной мѣрѣ, — шакъ велико было общее неудовольствiе! Вскорѣ оно достигло высочайшей степени: всѣ узнали, что Пётръ, не отдавалъ справедливости прекраснымъ качествамъ Супруги Своей, что Она спрaдала опъ Его невниманiя, опъ оскорбленiй, какiя причиняла Ей дерзость приближенныхъ къ Императору. Приверженцы Екатерины узнали даже и то, что Пётръ Θεодоровичъ имѣетъ тайное намѣренiе развестись съ Нею, узнали и то, что свѣтны монашескiя навѣки должны будутъ скрыть всѣ

представитъ себѣ, какъ часто злые люди пользовались такимъ правомъ доносителя, и объявляли вещи небывалыя, чтобы избавиться самимъ отъ какихъ нибудь непрiятностей. Особливо, сколько разъ кровопосынные люди, недовольные господами своими, доносили на невинныхъ, и этими доносами губили ихъ, подъ тяжкимъ судомъ Тайной канцелярiи. Петру III-му обязапы мы уничтоженiемъ сего жестокаго судилища.

прекрасныя надежды, такъ давно слышныя въ сердцахъ Рускихъ съ именемъ **ЕКАТЕРИНЫ!** Такія ужасныя извѣстія вспревожили все, что умѣло чувствовашь въ опечесствѣ нашемъ; холодность же Императора къ единственному сыну и наслѣднику Его, осьмилѣтнему Великому Князю, Павлу Петровичу—довела до крайности опасенія приверженцевъ **ЕКАТЕРИНЫ**, и заставила ихъ рѣшиться на всѣ пожертвованія, чтобы спасти Ее. Рѣшительность сія казалась имъ необходима, потому что уже все было готово къ перевороту и даже назначенъ день для исполненія его. Это было 28 іюня, ровно черезъ полгода послѣ кончины Елисаветы. Но наканунѣ дня, которой могъ бытъ такъ пагубенъ для счастья Рускихъ, преданнѣйшіе изъ подданныхъ **ЕКАТЕРИНЫ** и Сына Ее, произвели перемену, совершенно противоположную той, какую намѣревался сдѣлать Императоръ: **ЕКАТЕРИНА** возведена была на престоль Супруга Своего.

Неожиданность этого происшествія, поспѣшность, съ которою, оно должно было совершиться по причинѣ того переворота, какой назначался Императоромъ, увѣренность въ бѣдствіи своемъ, все это вмѣстѣ, заставило ЕКАТЕРИНУ не колебаться въ выборѣ. и дать Свое согласіе на желаніе народа, не смотря на кротость, съ которою Она до сихъ поръ переносила Свой спаданіа: Она должна была дать Свое согласіе, потому что этотъ народъ только отъ Нее одной могъ ожидать своего счастья, и потому что Сынъ Ея былъ еще слишкомъ молодъ, чтобъ замѣнить Ее.

Въ то время, какъ въ Пешербургѣ, всѣ, съ единодушнымъ восторгомъ присягали Императрицѣ, — Петръ Теодоровичъ, ничего не зная о томъ, находился по обыкновенію, въ своемъ любимомъ загородномъ дворцѣ, Ораніенбаумѣ, и размышлялъ о томъ важномъ

происшествіи, которое по назначенію Его должно было совершиться на другой день. Вдругъ узнаеть Онъ новостъ, совершенно прошивную! Не имѣя особенной смѣлости въ характерѣ, Онъ выслушалъ всѣ подробности о ней съ чрезвычайнымъ расстройствомъ духа и не только не изъявилъ желанія прошивиться тому, что уже произошло въ Петербургѣ, но на другой день Самъ написалъ письмо къ Императрицѣ, въ которомъ отказался навсегда отъ престола Рускаго, изъявляя желаніе уѣхать въ свое Голштинское Герцогство. Вѣроятно это желаніе было бы исполнено, но Петръ III вскорѣ, потомъ 6 іюля 1762 года, — скончался.

Т А Б Л И Ц А XLV.

Семейство Императора Петра III-го.

Супруга: Принцесса-Ангальтъ-Цербт-

ская *Софія-Августа*, при св.

мвропомазаніи нареченная Ека-

ТЕРИНОЮ АЛЕКСІЕВНОЮ,

родилась 21 апрѣля 1728,

вспушила на престоль Все-

россійскій 28 іюня 1762,

скончалась 6 ноября 1796

года.

Сынъ Ихъ:

Великій Князь Павелъ Петровичъ,

родился 20 сентября 1754,

вспушилъ на престоль Все-

россійскій 6 ноября 1796 го-

да.

**ПЕРВЫЯ ПЯТЬ ЛѢТЪ
ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ ІІ.**

Отъ 1762 до 1767 года.

Уже имѣя понятіе объ ЕКАТЕРИНѢ четырнадцати-лѣтней, вы, милыя дѣти, вѣрно съ большимъ любопытствомъ ожидали описанія того времени, когда Она сдѣлалась Обладательницею обширнаго опечества нашего. Точно, это время столько же драгоцѣнно для памяти Рускихъ, какъ и славная, на вѣки незабвенная эпоха царствованія ПЕТРА І. Можно сказать даже, что время ЕКАТЕРИНЫ, довершило начинанія ПЕТРА:

при Немъ, Россія, принимая Европейскую образованность, еще походила только на очеркъ будущей прекрасной картины; при Ней — эта картина получила всѣ краски свои; при Ней — заблестала во всѣхъ опдѣльныхъ частяхъ своихъ, и въ свѣтомъ, который вѣроятно назначалъ имъ безсмертный Начертатель ихъ. Угадашь намѣренія генія, окончить въ совершенствѣ начатое имъ, не могло быть дѣломъ Государя обыкновеннаго, и — небо послало — Рускимъ великую ЕКАТЕРИНУ ихъ.

Все, что вы услышите теперь, подтвердитъ вамъ это, милые читатели мои. Съ восшествіемъ на престоль ЕКАТЕРИНЫ II-й отечество наше озарилось новымъ блескомъ счастья и славы. Вы будете удивляться дѣламъ этой Государыни, какъ удивлялись некогда дѣти Грековъ и Римлянъ, слушая рассказы о знаменитыхъ подвигахъ боговъ и героевъ своихъ. Да, въ тѣ баснословныя времена, ЕКАТЕРИНА вѣрно была

бы названа богинею. Послушайте, что сдѣлала Она въ первое пятилѣтіе Своего правленія: это можетъ служить для васъ нѣкоторымъ образомъ мѣрою того, что совершилось у насъ въ продолженіе Ея тридцати-четырехлѣтняго царствованія.

Одно изъ первыхъ Императорскихъ повелѣній Екатерины, было подтвержденіе о томъ, что уже сдѣлалъ Супругъ Ея, подтвержденіе объ уничтоженіи Тайной Канцеляріи. Крошкая душа Ея приходила въ ужасъ при мысли о спраданіяхъ, какимъ могли подвергаться и невиные и виновные въ такомъ судилищѣ, гдѣ все предоспавлено было на волю судей, которые часто могли быть или жестоки, или пристрастны.

Показавъ согласіемъ съ благодушельною волею Петра III-го, сострадательностію сердца Своего и любовь Свою къ правосудію, Екатерина спѣшила обратишь главное вниманіе Свое на сіе послѣднее, и Сенапъ, образованный Петромъ Великимъ, какъ верхов-

ное мѣсто для ошправленія правосудія, получилъ новое, улучшенное преобразованіе: Екашерина раздѣлила его на департаменты и спаралась внушить каждому Сенатору, что первою обязанностію его — есть сохраненіе непоколебимаго правосудія. Такія же подпвержденія, вмѣстѣ съ особеннымъ наславленіемъ, разосланы были отъ Государины ко всѣмъ Начальникамъ областей.

Успокоивъ себя такимъ образомъ въ отношеніи, драгоцѣннѣйшемъ для того, кому назначено небомъ управлять судьбою народовъ, Императрица начала помышлять о важномъ Государственномъ дѣлѣ, о дѣлѣ, къ совершенію котораго еще не могъ приступить Петръ I-й, хотя также, какъ и Екашерина, видѣлъ необходимость его.

Оно состояло вопъ въ чемъ, милья дѣли: вамъ извѣстно изъ рассказовъ нашихъ какъ всегда набожны были Рускіе, какъ велико было усердіе ихъ къ Богу; вамъ извѣстно также и то, что это усердіе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, приходи-

ло даже до суевѣрія. Въ числѣ такихъ случаевъ, былъ одинъ особенно вредный для государства : многіе изъ богатыхъ бояръ и помѣщиковъ, а въ древнѣйшія времена, и сами Великіе Князья, считали непремѣннымъ долгомъ христіанина, оставяя при смерти своей большія суммы денегъ монастырямъ на поминове-ніе души своей. Владѣтели крестьянъ и земель назначали не рѣдко на этошъ предметъ не только доходы съ цѣлыхъ деревень, но даже самыя эти деревни, со всѣми живущими въ нихъ людьми, отдавали въ вѣчное владѣніе церквамъ и монастырямъ. Такимъ образомъ, монастыри съ каждымъ годомъ, или лучше сказать со смертію cadaго богатшаго челоуѣка получали новыя пріобрѣ-щенія и наконецъ богатства, принадлежавшія имъ, сдѣлались шакъ велики, что однихъ крестьянъ монастырскихъ считалось болѣе 900,000 душъ. Правда что нѣкоторыя обители употребляли сокровища свои на помощь опечеству въ бѣдствєнныя времена его, но говоря

вообще, къ чему были богатства для людей, отказавшихся отъ всякаго излишества? Екатерина умѣла съ такимъ сильнымъ краснорѣчіемъ представить эпошъ вопросъ монашеству, что всѣ члены его убѣждены были въ необходимости пожертвовать опечесству имѣніями церковными, и съ готовностію, дѣлающею честь усердію и безкорыстнымъ чувствомъ ихъ, согласились на эту жертву. Такимъ образомъ, всѣ монастырскіе крестьяне сдѣлались вдругъ принадлежащими государству, и увеличили доходы его нѣсколькими милліонами рублей. *) Большую часть этихъ денегъ, Государыня употребила на заведеніе домовъ инвалидов, богадѣленъ, больницъ и на улучшеніе и новое устройство духовныхъ училищъ.

Вскорѣ Екатерина нашла новое

*) Эти крестьяне поступили въ управленіе нарочно-учрежденной для нихъ *Коллегіи Экономіи*, и были названы отъ того *Экономическими*.

средство и увеличипь доходы государства и улучшить состояніе многихъ областей его. Вы знаете, какъ обширны эти области, сколько почти каждая имѣеть земель незаселенныхъ, необработанныхъ, ожидающихъ только старательныхъ жителей, чтобы сдѣлаться плодоносными. И вотъ Государыня предлагаетъ нѣкоторымъ изъ трудолюбивыхъ обитателей Германіи, такія выгодныя условія, въ случаѣ переселенія ихъ въ Россію, что они соглашаются оставить отечество. Имъ отводятся обширныя пространства земли въ разныхъ губерніяхъ нашихъ, особенно въ южныхъ, и чрезъ нѣсколько лѣтъ, необитаемыя, дикія пустыни превращаются въ богатныя селенія, гдѣ зеленѣютъ сады и возвышаются каменные зданія, гдѣ цвѣтутъ искусства, ремесла, промышленность, торговля. Счастливое состояніе этихъ селеній вызываетъ изъ земли Нѣмецкой, новыхъ охотниковъ ѣхать въ Россію, и они уже посылаютъ депута-

шовъ къ Императрицѣ съ просьбою о принятіи ихъ въ число Ея подданныхъ. Къ такимъ поселенцамъ принадлежатъ *Гернеутеры* или общесиво Евангелическихъ Братъевъ, получившее опъ ЕКАТЕРИНЫ во владѣніе свое прекрасную снень въ Сарановской губерніи, на берегу Волги, недалеко опъ города Царицына. Они назвали свое селеніе *Сарептою*. Оно существуетъ и теперь подъ тѣмъ же именемъ, и также какъ при ЕКАТЕРИНѣ, славится и плодоносными полями своими и чистыми, добрыми нравами жителей. Нѣсколько колоній поселено было и около Петербурга.

Благодѣтельствуя такимъ образомъ Своему собственному народу и чужестранцамъ, имѣя безпрестанною мыслию—счастіе подданныхъ своихъ, ЕКАТЕРИНА, въ 1766 году, не болѣе какъ чрезъ четыре года послѣ своего восшествія на престоль, удивила не только Россію, но даже и Европу дѣломъ,

которое одно могло обезсмертить ея драгоценное для насъ имя.

Императрица, часто и долго размышляла о важности назначенія Своего управлять судьбою миллионовъ людей, и о томъ, какъ бы лучше исполнить священныя обязанности Свой. Слѣдствіемъ такихъ размышленій была мысль о новыхъ законахъ для управленія государственнымъ, о законахъ такихъ, которые бы согласны были съ духомъ, нравами и обычаями cadaго изъ разнородныхъ племенъ, живущихъ въ обширномъ царствѣ Ея. Какъ скоро эта высокая, можно сказать, божественная мысль блеснула въ умъ Екатерины, чистѣйшая радость наполнила сердце Ея и тѣмъ сладостнѣе, что живость нрава не дозволяла Ей въ первую минуту предвидѣть всѣхъ трудностей, соединенныхъ съ Ея прекраснымъ намѣреніемъ. Оно казалось Ей легко, возможно; въ гениальной головѣ Ея пошчасъ образовался планъ для исполненія: отъ cadaго народа, или лучше ска-

зашь , опть каждаго племени народовъ
населяющихъ Россію , соберутся депу-
шаты въ Москву ; каждый изъ нихъ
привезеть съ собою подробное свѣде-
ніе о нуждахъ страны своей , о сред-
ствахъ , какъ лучше управляшь ею ;
изъ многочисленнаго собранія энихъ
Депушатовъ сославится коммиссія , ко-
торой всѣ члены будутъ вмѣстѣ раз-
сужданъ о приведеніи въ лучшее ис-
полненіе благодѣштельнаго намѣренія
Государыни. Для наставленія ихъ въ
этомъ важномъ разсужденіи , Екате-
рина написала книгу , удивившую Ев-
ропу , написала *Наказъ* , названный пи-
сателями чужеспранными и нашими—
безсмертныиъ и *божественныиъ*. Въ
этомъ сочиненіи , Она говоритъ къ под-
даннымъ Своимъ , какъ нѣжная мать
къ дѣшямъ , о счасшіи , и о средствахъ
достигнуть его , о разныхъ образахъ
правленія и въ особенностіи о монар-
хическомъ , какъ о самомъ близкомъ къ
ошечеству ихъ ; представляеть имъ
Государя самодержавнаго , какъ испин-

наго отца многочисленнаго семейства и доказываешь эту истину прекрасным примѣромъ Своимъ. О! съ какимъ удовольствіемъ прочитаешь ты эту книгу Наказъ, милый дѣти, тогда, когда въ состояніи будешь понимать все высокое достоинство его! съ какими утѣшительными мыслями остановишься на крошечныхъ словахъ, которыми Государыня повелѣваетъ депюшатамъ: смягчить строгость уголовныхъ законовъ, опмѣнить пытки, не наказывать преступленій недоказанныхъ. *Лучше простишь десять виновныхъ, нежели накажешь одного невиннаго*, — вотъ слова Ея въ этомъ прекрасномъ мѣстѣ Наказа! Наконецъ, сдѣлавъ наставленія комиссіи по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, Екатерина оканчиваетъ книгу Свою слѣдующими словами: *„Сохрани Боже, чтобы по совершеніи сего законодательства, какой нибудь народъ былъ счастливѣе Рускаго!“*

Въ исторіи всѣхъ временъ свѣта нѣтъ примѣра, чтобы какой нибудь

Правитель народа, съ такою заботливостію, съ такимъ мудрымъ предвидѣніемъ всѣхъ случаевъ, наконецъ съ такимъ снисходительнымъ вниманіемъ къ подданнымъ, сдѣлалъ планъ для начертанія законовъ. ЕКАТЕРИНА сдѣлала еще болѣе: когда съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ Россіи депутаты, не удовлетворили въ полной мѣрѣ желаніямъ Ея, и въ теченіе семи лѣтъ трудовъ и разсужденій, не могли согласиться между собою о томъ важномъ предметѣ, который былъ порученъ имъ, Государыня увидѣла необходимость приспунить Самой къ составленію законовъ и рѣшилась исполнить это. Все, что написано Ею въ семъ отношеніи, было такъ превосходно, что Фридерикъ II — эротъ умнѣйшій Государь своего времени, написалъ о Ней, слѣдующія строки къ одному Французскому писателю: „Aucune femme n'avait encore été législatrice, cette gloire

était réservée à l'impératrice Cathérine, qui la merite bien.“ *)

Таковы были дѣла новой Государыни Рускихъ внутри царства Ея; посмотришь теперь въ какомъ отношеніи была Она къ другимъ государствамъ Европейскимъ. Большая часть ихъ, при вступленіи Екатерины на престолъ, была еще занята войною съ Пруссіей. Особенно Австрія, Франція и Саксонія не хотѣли слышать о мирѣ, хотя Фридерикъ II почти безпрестанно одерживалъ надъ ними побѣды. Всѣ непріятели этого воинственнаго короля ожидали, что также и Екатерина возобновитъ съ нимъ войну, прекращенную Супругомъ Ея, но проницательная Государыня понимала лучше другихъ Фридерика, и прошивъ ожиданій всѣхъ, вмѣсто войны, заключила съ нимъ дружественный союзъ. Такая

*) *Еще ни одной женщины не было законодательницею, Императрица Екатерина принадлежит эта слава, въ полной мѣрѣ Ею заслуженная.*

развязка удивила всѣхъ, и доставила покойшвіе странамъ опустошеннымъ продолжительною войною: непріятели Пруссіи начали смотрѣть на нее другими глазами съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась союзницею сильной Россіи, и скорѣе нежели можно было ожидать, согласились на миръ, заключенный въ Губертсбургъ.

Между тѣмъ какъ государства, не по доброй волѣ, но изъ одного благоразумія помирившіяся съ Фридрихомъ, съ зависію смотрѣли на возраспающее могущество Россіи, — ЕКАТЕРИНА обратила особенное вниманіе Свое на сосѣднюю съ нею Польшу.

Ужасное разстройство этого жалкаго Государства не поправлялось. Поляки, съ шумомъ избирая королей своихъ, не успокоивались во время царствованія ихъ. Это несчастное право избирательства, данное имъ королемъ Сигизмундомъ II, было причиною всѣхъ безпорядковъ. Съ каждымъ царствованиемъ, Поляки менѣе и менѣе уважали

избираемыхъ государей своихъ; съ каждымъ царствованіемъ, вельможи, условіями своими, спѣсняли власнь королевскую и распроспраняли свою собственную, такъ что наконецъ правленіе Польши сдѣлалось почти республиканскимъ, или лучше сказать, такимъ, гдѣ всякой дѣлалъ, что хотѣлъ. Такое состояніе, предвѣщая близкое паденіе государства, могло нарушить спокойствіе и другихъ, сосѣдственныхъ съ нимъ земель. Смернь Августа III-го увеличила опасноснь положенія Польши: избраніе новаго короля происходило на эпошь разъ съ безпорядками, доселѣ небывалыми. Поляки поступали, какъ насюящіе мятежники, и тѣмъ заставили иностранныхъ Государей вмѣшаться въ ссоры ихъ, доходившія уже до кровопролитія.

Франція, болѣе всѣхъ недовольная вліяніемъ Екатерины на дѣла Европейскія, спѣшила показатъ свою древнюю значительноснь въ Европѣ, и готовилась прежде всѣхъ, принятъ учас-

тіе въ происшествіяхъ Польскихъ, но Екатерина и Фридерикъ предупредили искусныхъ политиковъ и остановили всѣ намѣренія ихъ: зная, что участіе Франціи навлечетъ непременно новую войну на Польшу, и можетъ бытъ, и на сосѣдей ея, — они заключили оборонительный союзъ ш. е. условились помогать другъ другу въ случаѣ войны и кромѣ того, король Прусскій предоставилъ Россіи — какъ государству, бывшему всегда въ ближайшихъ сношеніяхъ съ одноплеменною ему Польшею — принять главное участіе въ настоящемъ несчастномъ положеніи ея. Франція, слабая противъ этихъ двухъ могущественныхъ союзниковъ, принуждена была оставить гордое намѣреніе свое, усмирить Поляковъ и съ новою досадою уступить эту честь Императрицѣ Русской.

Екатерина, чувствуя важность дѣла, предоставленнаго Ей, обратила на него все Свое вниманіе, и долго размышляя о положеніи Польши, рѣшила,

что лучшимъ средствомъ для успокоенія ея, было бы избраніе королемъ природнаго Поляка, а не кого либо изъ иностранныхъ принцевъ, какъ было то прежде. Мудрая Государыня предложила мысль Свою, Польскому сейму. Своевольное собраніе сначала оскорбилось этимъ предложеніемъ, называло его нарушеніемъ ихъ народной свободы, но потомъ, получивъ извѣстіе о приближеніи войскъ Русскихъ, согласилось съ справедливымъ мнѣніемъ Екатерины, и присягнуло въ вѣрности тому, кого Она Сама признала достойнымъ короны Польской — отличнѣйшему изъ Поляковъ того времени по образованію и душевнымъ качествамъ — *Станиславу Августу, Графу Понятовскому.*

Ни одно изъ иностранныхъ государствъ не спорило съ волею Екатерины, и молчаніе главнѣйшихъ изъ нихъ: Австріи, Франціи, Турціи и Англій подтвердило избраніе Станислава. Это избраніе вѣроятно возвратило бы Польшѣ прежнее счастье ея, потому что

Спаниславъ имѣлъ всѣ достоинства Государя добраго, справедливаго и попечительнаго о нуждахъ народа, но безпокойный, упрямый духъ Поляковъ увлекалъ ихъ къ гибели: новый порядокъ въ опечествѣ ихъ, не нравился имъ, потому что былъ учреждень Росією; общее неудовольствіе увеличилось отъ споровъ, происшедшихъ тогда въ этомъ несчастномъ государствѣ между католиками и людьми, принадлежавшими къ другимъ исповѣданіямъ, и Сеймъ, радуясь случаю затѣявъ новыя безпорядки, объявилъ повелѣніе преслѣдовать и лишати чести и жизни гражданской всѣхъ несогласныхъ въ чемъ нибудь съ правилами вѣры католической. Подумайте, милыя дѣти, сколько новыхъ бѣдствій должно было произвестись такое повелѣніе и какой ужасной участи могли подвергнуться тѣ несчастные, которыхъ велѣли преслѣдовать! Поляки называли ихъ *диссидентами*. Они состояли изъ людей разныхъ исповѣданій, и въ особенності — изъ Христіанъ

греческихъ; это и было главною причиною нападеній на нихъ: Поляки думали досадить шѣмъ Императрицѣ Русской. Но и на эпошъ разъ судьба принудила ихъ покориться Той, Которой власти они давно шакъ желали избѣгнущъ: диссиденты прибѣгли къ покровительству Екатерины, и Она вступилась за обиженныхъ.

Но убѣдишь упрямыхъ Поляковъ всегда было дѣло шрудное: они отвѣчали опказомъ на всѣ кроткія и миролюбивыя убѣжденія Екатерины, возвращающъ диссидентамъ права ихъ, и только тогда уже согласились на требованія Ея, когда и диссиденты и защищавшій ихъ Спаниславъ, вышли изъ терпѣнія, и надѣясь на помощь Россіи, рѣшились оружіемъ остановить несправедливость, а войско Русское получило приказаніе Государыни идти къ границамъ Польши.

Такимъ образомъ Екатерина во второй разъ утвердила Спанислава на престолѣ Польскомъ, во второй разъ

заставила Поляковъ повиноваться Себѣ; во второй разъ возбудила Своимъ могуществомъ сильное неудовольствіе Франціи, привыкшей распоряжаться дѣлами Польскими, и принужденной уступить теперь власть свою въ этомъ отношеніи новой, такъ быстро возвысившейся Имперіи.

Вотъ, милыя дѣти, дѣла Екатерины въ первыя пять лѣтъ Ея царствованія. Слава, которую онѣ предвѣщали счастливой Россіи, заставляла досадовать не одну Францію: и другія государства Европейскія начали опасаться новаго могущества, начали стараться о томъ, чтобы ослабить его. На слѣдующихъ страницахъ вы увидите, какъ были слабы эти усилія и какъ блистательны побѣды Царицы съверной надъ замыслами враговъ Ея!

ЕКАТЕРИНА И ВРАГИ ЕЯ.

Опшъ 1767 до 1772 года.

(Пер. 5 лѣтъ.)

Турція, прежде всѣхъ показала свое неудовольствіе Екатеринѣ, хотя и нельзя было ожидать опшъ нее этого. Правда, Сулшанъ Мустафа III, не самъ вздумалъ о шомъ; нѣшъ, такая смѣлая мысль не явилась бы въ умѣ его, если бы не внушенія Франціи: не имѣя силъ дѣйствовать противъ Россіи прямо, она старалась тайно вооружать противъ нее Государей другихъ земель. Мустафа, первый склонился на ея хипи-

рыя убѣжденія, и объявилъ Екатеринѣ, что онъ намѣренъ защищать Поляковъ, и пребудетъ чпобы Русскіе вывели свои войска изъ Польши, и не вмѣшивались въ дѣла ея. Такое требованіе отъ государства, нѣсколько разъ испытавшаго могущество Россіи, было очень дерзко; чтобъ чувствительнѣе наказати Султана, Екатерина не обратила ни малѣйшаго вниманія на слова его и продолжала дѣйствовать по прежнему въ Польшѣ, гдѣ непокойные Поляки сдѣлались еще своевольнѣе съ тѣхъ поръ, какъ узнали о заступленіи за нихъ Турціи. Въ одномъ изъ городовъ ихъ, *Барѣ*, даже явно составила сильная партія мятежниковъ, назвавшая себя *Конфедераціею*, отъ слова *Confédération* союзъ — и сговорившаяся дѣйствовать противъ Россіи и избраннаго ею короля Станислава. Ужасно было состояніе Польши въ это время! *Конфедераты*, — т. е. члены конфедерации, были по большей части, люди самые пылкіе, необузданные, можно сказать даже оп-

чаянные, рѣшившіеся дѣйствовать противъ силъ могущественной Государыни и власни короля своего. Они поступали такъ несправедливо и такъ жестоко съ диссидентами и со всѣми приверженцами законной власни Спанислава, что великодушная Екатерина считала долгомъ своимъ покровительствовать этимъ несчастливцамъ. Войска Ея защищали ихъ даже и тогда, когда собственное государство Ея имѣло нужду въ защитѣ ихъ: Турецкій Султанъ, покоряясь болѣе и болѣе вліянію Франціи, исполнилъ угрозы свои и объявилъ рѣшительно войну Россіи. Это объявленіе сопровождалось поступкомъ, испинно-турецкимъ: Рускій Посланникъ въ Константинополѣ, *Обрѣзковъ*, былъ заключенъ въ тамошнюю государственную темницу, извѣстную подъ названіемъ *Семибашеннаго Залка*. Кроме того, по приказанію Султана, распущены были между чернью Константинопольскою разные прошивъ Рускихъ слухи, до того взволновавшіе

ее, что она бросилась на всѣхъ Христіанъ, и не только грабила, но даже умерщвляла ихъ, а Крымскіе Татары въ тоже время и также по внушенію Турокъ, сдѣлали набѣгъ на нашу Новороссійскую область.

Сполько оскорбленій возбудили въ полной мѣрѣ негодованіе ЕКАТЕРИНЫ и заспавили Ее—не смотря на все отвращеніе къ пролитію крови — начашъ войну, на которую, можно сказать, Ее вызвали. Приготовляясь къ этой войнѣ, Императрица предвидѣла всѣ трудности вести ее въ то время, когда часть войскъ должна была сражаться въ Польшѣ, съ Конфедератами. Все, въ такомъ важномъ случаѣ, зависѣло отъ искуснаго выбора Главнокомандующихъ — и взоры ЕКАТЕРИНЫ остановились на двухъ генералахъ: Князѣ *Александрѣ Михайловичѣ Голицынѣ* и Графѣ *Петрѣ Александровичѣ Румянцовѣ*. Зная о дѣлахъ ихъ во время прошедшей войны съ Пруссіей, проницательная Государыня:

какъ будто предугадывала счастливые успѣхи, ожидавшіе въ Турціи ея войско, и уже думала какъ награждать храбрыхъ. Поспигая въ совершенствѣ малѣйшія чувства и впечатлѣнія сердца человѣческаго, Она умѣла дѣйствовать на него съ неподражаемымъ искусствомъ. Ко многимъ случаямъ, очевидно доказавшимъ это, надобно причислить также и учрежденіе ордена Св. Великомученика Георгія: оно сдѣлано было передъ самымъ выступленіемъ войска въ походъ. Высокое уваженіе и лестныя почести, соединенныя съ новымъ орденомъ, внушали пылкое желаніе заслужить его, но онъ назначался наградою только тѣмъ воинамъ, которые отличатся самою безстрашною храбростію на полѣ сраженія. Сколько новыхъ героевъ, могла прибавить въ рядахъ Русскихъ, мысль получить отъ Государыни, безпредѣльно-любимой, отличіе знаменитое, и еще не сдѣлавшееся обыкновеннымъ! Судя по чудесамъ храбрости, какія оказаны были Рус-

скими во время этой войны съ Турками, можно было сказать, что они всѣ опъ главнокомандующихъ до послѣдняго солдата, желали получить орденъ Св. Георгія. Послушайте, друзья мои, о дѣлахъ ихъ.

Начальникъ первой арміи, Князь Голицынъ, началъ свои дѣйствія въ Молдавіи шѣмъ, что взялъ города Турецкіе: *Хотинъ* и *Яссы*, но вскорѣ потомъ, опозванъ былъ для совѣшовъ ко двору, и мѣсто его занялъ главнокомандующій второю арміею, Графъ *Румянцовъ*.

Опъ чего вы, милые чипапели мои, такъ значипельно взглядываете другъ на друга при имени Румянцова? Вѣрно вы припоминаете, что гдѣ-то видѣли это имя? И не ошибаетесь! на высокой колоннѣ, такъ стройно и красиво возвышающейся на площади Васильевскаго острова, между Академіею художествъ и первымъ Кадет-

скимъ Корпусомъ *) есть точно имя Румянцова, и къ удовольствію вашему скажу — того самаго Румянцова, о которомъ мы собираемся говорить. Если вы внимательно разсматривали эту колонну — какъ должно разсматривать каждую примѣчательную вещь, то вѣрно видѣли, что золотыя буквы ея составляютъ только два, небольшія слова: *Румянцова побѣда*. Но какъ много значатъ эти два слова! Сколько славы заключается въ нихъ! Не имѣя возможности описать въ краткихъ рассказахъ нашихъ, всю знаменитую жизнь Румянцова, взглянемъ хотя на главнѣйшія побѣды этого славнаго полководца, на побѣды, сдѣлавшія имя его бессмертнымъ. Ихъ было двѣ, и обѣ происходили въ окрестностяхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ нѣкогда Петръ вытерпѣлъ жестокой ударъ судьбы, въ день Прусскаго мира. Здѣсь Румянцевъ явился какъ будто мстителемъ за славу Великаго: казалось

*) Въ этомъ корпусѣ воспитывался Графъ П. А. Румянцевъ.

геній Петра помогаль ему, пошому чшо побѣды его были неслыханны! Первая, при рѣчкѣ *Ларги*, 8 іюля 1770 года, послѣ осьми часовъ сраженія съ войскомъ, гораздо многочисленнѣйшимъ Рускихъ и находившимся подъ начальствомъ прехъ пашей и Хана Крымскаго, доставила Румянцову весь Турецкій лагерь, оставленный убѣжавшимъ непріятелемъ, тридцать-три мѣдныхъ пушки, множество пльнниковъ, знаменъ, припасовъ и военныхъ снарядовъ. Здѣсь, орденъ Св. Георгія, въ первый разъ украсилъ собою грудь безстрашныхъ воиновъ Екатерины. Съ непрерывнѣемъ они ожидали его, съ горделивою радостію, надѣли. Они имѣли полное право гордиться: побѣда ихъ удивила Европу, и при всемъ томъ она была только предвѣстіемъ другой знаменитѣйшей, одержанной Румянцовымъ чрезъ двѣ недѣли потомъ, 21 іюля, при рѣчкѣ *Кагуль*. Если бы она случилась не въ новѣйшія времена и не подшверждалась вѣрнѣйшими доказапельства-

ми—всѣ считали бы ее баснею, далекою отъ истины! Вообразите, милыя дѣти, что здѣсь семнадцать тысячъ Рускихъ побѣдили сто пятьдесятъ тысячъ Турокъ и сто тысячъ Татаръ, зашедшихъ къ нимъ въ тылъ! Генералы, раздѣлившіе съ Румянцовымъ честь этой битвы, были тѣже, которые участвовали въ сраженіи при Ларгѣ: Принцъ Брауншвейгскій, Князь Рѣпкинъ, Боуръ, Потемкинъ, Гудовицъ, Племянниковъ и Олицъ, но лучшая слава ея, но минута побѣды принадлежала одному Румянцову, и вотъ какимъ образомъ: когда къ концу сраженія, главный начальникъ Турецкой арміи, послалъ 10,000 янычаръ подкрѣпить слабѣющихъ съ каждою минутою Турокъ, и эти необузданные, жестокіе воины, выскочивъ вдругъ изъ закрывавшей ихъ долины, бросились съ страшнымъ крикомъ, съ саблями и кинжалами на Русское войско—оно смѣшалось и при полка побѣжали. . . Увидѣвъ это, Румянцевъ говорилъ окружающимъ его офицерамъ:

„Теперь дошло дѣло до насъ!“ и съ быспроптою молніи бросается на встрѣчу бѣгуцимъ. Одно восклицаніе героя остановило ихъ: „*Стой, ребята!*“ сказалъ Румянцевъ, и полки остановились, какъ будто по какой-то волшебной силѣ, и воины вспомнили долгъ свой! Въ ту же минуту они снова обратились на непріятелей, и угрызения совѣсти, желаніе смыть стыдъ своего бѣгства въ глазахъ любимаго начальника, довели храбрость ихъ до усилій невѣроятныхъ: они разбили корпусъ янычаръ, и главный начальникъ Турокъ, Виаиръ, увидѣвъ лучшихъ защитниковъ своихъ почти уничтоженными, обратился въ бѣгство, а за нимъ и вся армія. Рускіе долго гнались за ними, и несчастные Турки, не успѣвавшіе спастись опъ шпыковъ, погибали въ Дунаѣ, черезъ который должны были переплывать. Весь лагерь съ драгоценностями Визиря, сто-сорокъ пушекъ, шестьдесятъ знаменъ, двѣ тысячи плѣнныхъ, были наградою побѣдителей, прежде нежели

они получили награду сладостнѣйшую, благоволеніе Императрицы и тѣ безчисленные отличія, копорыми Она любила осыпать заслуги и преданность къ отечеству.

Побѣда Кагульская открыла за собою Русскимъ, цѣлый рядъ другихъ побѣдъ. Вскорѣ послѣ донесенія Румянцева о знаменитомъ дѣлѣ его, Государыня получала безпрестанно новыя извѣстія, изъ копорыхъ каждое увеличивало справедливое торжество Ея надъ врагами, старавшимися вредить Россіи. Въ слѣдующемъ Августѣ мѣсяцѣ генераль *Вейсманъ* овладѣлъ Турецкою крѣпостію *Исактею*; Графъ *Панинъ* взялъ знаменитый городъ *Бендеры*; генераль *Тотлебенъ* на Кавказѣ — крѣпости *Мершоль* и *Баедадъ*. Кроме того, Грузинскій Царь *Ираклій*, бывшій данникомъ Турокъ, отказался отъ нихъ и перешелъ со всѣмъ войскомъ своимъ на сторону Русскихъ. Другая область Кавказская *Имеретія* также просила о покровительствѣ Россію. Однимъ сло-

вомъ, судьба, казалось нарочно собира-
ла случаи, чтобы показать могуще-
ство Екатерины и слабосиъ Турокъ;
но ни одна изъ побѣдъ, одержанныхъ
Русскими, не произвела такого силь-
наго впечатлѣнія на Турокъ, какъ слу-
чившееся въ то же время, чудесное, и,
если можно, еще—болѣе удивительное
дѣло Русскихъ, нежели побѣда Кагуль-
ская! Оно заслуживаетъ подробнѣйшаго
рассказа:

Екатерина отправляя при нача-
лѣ войны съ Турціей, сухопутное вой-
ско Свое къ сѣвернымъ границамъ не-
пріятели, отправила въ то же время
и къ южнымъ морскія силы Свой изъ
Кронштадта и Архангельска. Соединен-
ный флотъ двухъ портовъ сдѣлалъ то-
гда въ первый разъ важное путеше-
ствіе отъ морей Бѣлаго и Балтійскаго,
до моря Средиземнаго. Торжественно
прошелъ онъ мимо коварной Франціи,
еще торжественнѣе вступилъ въ воды
Архипелага: тамъ ожидали воиновъ Рус-
скихъ, какъ спасителей своихъ, слабые

потомки могущественныхъ Грековъ, проводившіе несчастную жизнь подъ жестокою властію покорителей своихъ и много ожидавшіе отъ эпои войны Турокъ съ единовѣрцами ихъ. Нѣсколь-ко городовъ и крѣпостей, знаменитыхъ теперь только именами древней Греціи, вскорѣ покорены были моряками Русскими, копорыхъ главнымъ начальникомъ — кромѣ двухъ адмираловъ: *Спиридова* и *Эльфингстона*, былъ одинъ изъ первыхъ Генераловъ Екатерины, Графъ *Алексій Григорьевичъ Орловъ*. Наводя страхъ на всѣ мѣста, имъ проходимыя, Графъ, съ эскадрою своею, скоро достигъ острова Сціо, и въ узкомъ проливѣ, отдѣляющемъ его отъ Анаполіи, встрѣтился съ флотомъ Турецкимъ. Турки имѣли два преимущества передъ Русскими: превосходство силъ ихъ флота; и выгодное положеніе мѣста, гдѣ стояли корабли ихъ; но храбрый Орловъ не обратилъ на это вниманія и адмиралъ Спиридовъ получилъ повелѣніе напасть на самый большой изъ кораблей Турецкихъ

на девяносто-пушечную *Султанію*. Жаркое сраженіе началось, и въ то время, когда огненные ядра лешали съ одного корабля на другой — Турецкій загорѣлся, зажегъ потомъ и Русскій, *Св. Евстафій* и оба взлещѣли на воздухъ. Едва начальники ихъ и нѣсколько человекъ спаслись отъ смерти. Турки, испуганные такимъ ужаснымъ происшествіемъ, спѣшили удалиться отъ кораблей Русскихъ, и завели весь флотъ свой въ небольшой заливъ, омывавшій берега мѣстечка *Чесьльы*. Безразсудные, въ страхъ своемъ не подумали, что можешь случиться съ ними въ этомъ заливѣ, и — радовались, что успѣли запереться въ немъ.

Графъ Орловъ также радовался этому, но совсѣмъ съ другою цѣлью! Какъ скоро оробѣвшіе Турки немного успокоились, и можешь быть многіе, изъ нихъ, забыли въ сладкомъ снѣ, неудачи минувшаго дня, Графъ, напропивъ того, объявилъ своимъ войнамъ, что они не будутъ спать въ эту ночь

и ровно въ 12 часовъ — 26 іюня 1770 года, приказалъ открыть сраженіе. Въ то самое время, какъ началось оно, Рускій Офицеръ *Ильинъ* и Англичанинъ *Дюгдаль*, презирая всѣми опасностями, какія угрожали имъ, не примѣшно ввели въ средину Турецкаго флота, четыре зажигательныя судна, которыя пошчасъ исполнили свое дѣло: зажгли корабли непріятельскія! Едва ли какое нибудь другое зрѣлище могло сравниться ужасомъ своимъ съ этимъ разрушительнымъ пожаромъ! Корабли, обыкновенно запасавшіеся порохомъ, взлетали на воздухъ со взрывами, потрясавшими землю на разстояніи осьмидесяти верстъ! Обломки ихъ, огромныя, обвитыя пламенемъ, снова лепѣлись сквозь густо-клубившійся дымъ въ море, и только пѣна, подъ волнами, покрашенными отъ крови убитыхъ и тонувшихъ тѣлъ, утихалъ грозный свистъ ихъ, и они выплывали на поверхность воды почернѣвшими бревнами. Пять часовъ губительное пламя

переходило съ одного судна на другое, и когда, наконецъ, уничтоживъ послѣднее, попухло — на мѣстѣ, гдѣ было шестнадцать кораблей и около ста другихъ судовъ грозной Турціи, сдѣлалось все тихо и пусто!... Вволнованное море перестало пѣнииться, и вскорѣ на поверхности его не осталось даже и слѣдовъ спрашнаго разрушенія: вода была такъ спокойна, какъ будто не скрывалось подъ нею ничего ужаснаго. А между тѣмъ, тамъ было поглощено около 20,000 несчастныхъ Турокъ, погибшихъ вмѣстѣ съ кораблями своими! Немногіе спаслись, и принесли извѣстіе Султану о неслыханномъ бѣдствіи флота его. Тогда-то Мустафа III пожалѣлъ оцъ всей души, что послушалъ совѣтовъ хитрой Франціи! Спрахъ, наведенный на него Графомъ Орловымъ, былъ такъ великъ, что онъ потчасъ далъ повелѣніе укрѣплять Константинополь и въ поже время сдѣлать Екатеринѣ предложеніе о мирѣ. Переговоры открылись въ

городъ *Фокшанахъ*, и пока они продолжаютъ, посмопиримъ, что дѣлается въ Польшѣ.

Со времени войны Россіи съ Турціей, дерзкіе поступки конфедератовъ дошли до такой степени, что они рѣшились лишитъ Станислава короны, и—даже умертвить его. Это безбожное намѣреніе едва не удалось: одинъ Богъ спасъ короля.

Такія происшествія Поляковъ привели въ сильное негодованіе сосѣдственныхъ съ ними государствъ: Россію, Австрію и Пруссію. Екатерина отправила для усмиренія мятежниковъ, новый опрядъ войска подъ начальствомъ уже давноизвѣснаго въ то время военною славою — Суворова. Побѣды, всегда сопровождавшія этого генерала, были неразлучны съ нимъ и въ Польшѣ: города Минскъ, Слонимъ, Краковъ и многіе другіе были скоро покорены имъ. Конфедераты въ страхѣ бѣжали изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ появлялся онъ, и умоляли о пособіи Французовъ,

какъ вѣрныхъ помощниковъ во всѣхъ дерзкихъ покушеніяхъ своихъ прошивъ Россіи и Станислава. Но посланное изъ Франціи вспомогапельное войско узнало также искусство распоряженій и храбрость Суворова. Въспѣ съ побѣдою, одержанною надъ Французами, и со взятіемъ Рускими крѣпости *Ченстоховской*, исчезли всѣ надежды мяшежниковъ Польскихъ: они снова покорились ЕКАТЕРИНѢ и власти короля, Ею даннаго имъ; но ни Она, ни союзники Ея: Императрица Австрійская Марія-Терезія и король Прусскій, не хотѣли оставить Поляковъ ненаказанными, и чтобы предупредить новыя безпорядки, какихъ можно было ожидать въ государствѣ, гдѣ власть короля и самая особа его перестали почищаться священными — рѣшились ослабить силы Польши, отдѣливъ отъ нее нѣсколько областей. Первая мысль о такомъ отдѣленіи принадлежала Императрицѣ Австрійской и королю Прусскому, которые, усмиряя мяшежниковъ,

заняли войсками нѣсколько округовъ Польши и уже не хотѣли возвращать ихъ назадъ. Они почитали себя справедливыми, во *первыхъ* потому, что эти округи первоначально принадлежали имъ и были только завоеваны Поляками; во *вторыхъ* потому, что убытки, причиненные Австріи и Пруссіи усмирениемъ мятежниковъ Польскихъ, требовали вознагражденій. Однакожъ, ни Австрія и ни Пруссія не могли исполнить такого важнаго намѣренія безъ согласія Россіи. Екатерина была очень удивлена получивъ о томъ первое извѣстіе: если Польша владѣла землями, ей не принадлежавшими, то что очевидное всего доказывало это несправедливое владѣніе какъ не Бѣлоруссія и области, отнятыя у Россіи Гедиминомъ и Стефаномъ Баторіемъ? Если должно было взыскать съ Поляковъ вознагражденіе за убытки, то кто имѣлъ болѣе правъ на это вознагражденіе, какъ не Екатерина, которой войско не оставляло Польши во все время

мяшежей ея? И такъ, чтобъ получить согласіе Екатерины, надобно было предложить и Ей участіе въ раздѣлѣ Польши. Марія-Терезія и Фридерикъ такъ и сдѣлали. Екатерину оставалось только согласиться на исполненіе намѣренія, придуманнаго вовсе не Ею и когда Она дала это согласіе, и въ сентябрѣ 1772 года, получила во владѣніе свое давно-принадлежавшую Россіи—Бѣлоруссію *)—враги Ея сказали, что раздѣленіе Польши было дѣломъ Императрицы Руской, и обвинили Екатерину въ несправедливости, въ то вре-

*) *Бѣлоруссія* заключалась въ это время въ семи провинціяхъ Польскихъ: *Двинской, Полоцкой, Витебской, Могилевской, Оршанской, Мстиславской, Рогачевской*; пространство ихъ заключало въ себѣ 3440 квадр. миль, жителей было 1,360,000 человекъ.

Австрія получила лучшую часть, и именно всѣ земли, лежащія по лѣвому берегу Вислы, простиравшіяся на 2700 квадр. миль и имѣвшія 1,930,000 жителей.

Пруссія — досталась вся западная часть Польши, кромѣ городовъ: Данцига и Торна—заключавшая въ себѣ 900 миль и 960,000 жителей.

мя когда Она имѣла гораздо справедливейшія права, нежели союзники Ея, на новопріобрѣтенныя области. Но Государыня, въ спокойствіи совѣсти, ничѣмъ не упрекавшей Ее въ семь случаевъ, не обращала вниманія на неправильныя сужденія, и даже клеветы, которыми враги старались помрачить Ея имя. Она могла прощать ихъ: послѣ знаменитыхъ побѣдъ Ея, это было единственное средство, которымъ завистники могли опмщатъ за великую славу Ея и счастье Россіи. Но мы дошли теперь, до такихъ происшествій, которыя на нѣсколько времени поколебали это счастье, до такихъ происшествій, которыя были единственными бѣдствіями опечества нашего во все продолженіе блистательнаго царствованія Екатерины. Пройдемъ же скорѣе этотъ печальный періодъ времени, чтобы опдохнуть пономъ на страницахъ новаго величія этой несравненной Государыни.

МОРОВАЯ ЯЗВА и ПУГАЧЕВЪ.

Отъ 1772 до 1775 года.

(Пер. 3 лѣтъ.)

Вы знаете, милые читатели мои, что есть болѣзни страшно заразительныя, т. е. такія, которыя сообщаются отъ одного человѣка другому при одномъ прикосновеніи къ зараженному. Благодаря милосердіе и мудрость Творца нашего, такое ужасное бѣдствіе не случается въ мірѣ часто, и не въ каждой странѣ можешь случаться: оно свой-

ственно очень жаркимъ климатамъ. Горестно бываетъ положеніе страны, гдѣ оно появится! Окруженные смертію, люди забываютъ тамъ не только всѣ обязанности жизни общественной, но даже всѣ связи родства и дружбы, и думая только о собственномъ сохраненіи, съ отвращеніемъ и страхомъ смотрятъ на умирающихъ, еще такъ недавно любимыхъ ими. Вы все это знаете, потому что вѣрно помните тотъ рассказъ нашъ, гдѣ описывается одна изъ подобныхъ болѣзней, свирѣпствовавшая въ Москвѣ въ 1352 году, при Великомъ Князѣ Симеонѣ, сынѣ Іоанна Калишы, и извѣстная тогда подъ именемъ *Черной Смерти*.

Въ 1771 году, Москва снова испытала это несчастіе: Турція — въ то время воевавшая съ Русскими, какъ будто въ отмщеніе за частыя пораженія, сообщила имъ свою ужасную заразительную болѣзнь, свою *морovou язву* или *гулу*, быспро распространившуюся отъ южныхъ областей Россіи,

до древней столицы ея. Несчастія, сопровождавшія эту болѣзнь, были безчисленны: сначала люди гибли, потому что не понимали ее, и не брали шѣхъ предосторожностей, которыя необходимы въ такомъ случаѣ; потомъ, когда отъ правительства уже объявлено было о заразительности появившейся болѣзни, и приняты всѣ мѣры, нужныя для прекращенія ея, нашлись люди безразсудные, недовольные строгостію этихъ мѣръ, или можетъ быть, думавшіе при общемъ безпорядкѣ поправить свое собственное состояніе — нашлись люди, которые распускали въ народѣ слухи, что показавшаяся въ народѣ болѣзнь не чума, но только *горячка съ пятнами*, и что доктора напрасно морятъ больныхъ въ карантинахъ. *) Какъ скоро такая глу-

*) *Карантиномъ* (отъ Французскаго слова *сорокъ одинъ день* называется время, которое больные и выздоравливающіе отъ заразной болѣзни, должны провести отдѣльно отъ здоровыхъ, чтобы не заразить ихъ.

пая сказка распространилась по городу, весь порядокъ разрушился. Больные перестали слушаться врачей своихъ; родственники перестали думать объ осторожности, и уже не отсылали зараженныхъ въ учрежденныя для того больницы, но прятали ихъ въ домахъ своихъ, и сами ходили за ними. Разумѣется, что ужасная болѣзнь усиливалась, и безразсудный народъ, не понимая, что самъ былъ виною того, приходилъ въ отчаяніе. Въ горести своей, онъ искалъ спасенія въ благочестивыхъ молитвахъ. Читатели мои слышали уже о чудотворномъ образѣ Богородицы Боголюбской, такъ много уважаемомъ Рускими. Этотъ образъ висѣлъ въ то время у воровъ Варварскихъ. Набожные Москвитяне, съ полною вѣрою къ чудесамъ его, начали при-

Каравтину подвергаются и здоровые люди, если они ѣдутъ или идутъ изъ какого мѣста, гдѣ свирѣпствуетъ чума, и сія-та мѣра всѣхъ досаднѣе была для безразсудныхъ, не понимавшихъ ея спасительныхъ дѣйствій.

ходитъ къ нему съ молитвами о прекращеніи своихъ бѣдствій и попомъ, по обыкновенію прикладывались къ священному изображенію небесной Защищницы, не одинъ разъ спасавшей ихъ. Толпы молельщиковъ съ каждымъ днемъ увеличивались: между ними были и выздоравливавшіе и начинавшіе чувствовать болѣзнь. И зараза распространилась опъ того. Съ ужасомъ увидѣлъ это, добродѣтельный и умный Архіепископъ Московскій, Амвросій. Сей благочестивый пастырь могъ назваться въ то время, настоящимъ ангеломъ, хранителемъ Москвы. Съ первыхъ дней появленія язвы, онъ посвятилъ себя спасенію ближнихъ, и не было средства, которое бы онъ не употребилъ, чтобы предупредить распространеніе болѣзни; особливо съ тѣхъ поръ, какъ многіе изъ высшихъ чиновниковъ и вельможъ Московскихъ, спасая себя отъ общаго бѣдствія, разѣхались изъ Москвы, и несчастная столица осталась на попеченіи почти одного Амвросія.

Вы можете понять теперь, милыя дѣти, какъ велико было огорченіе его, когда онъ увидѣлъ толпы, сходившіяся у воротъ Варварскихъ. Онъ чувствовалъ, что не только трудно, но даже опасно будетъ остановить спеченіе народа въ одно мѣсто, однакожь рѣшился сдѣлать это. Сначала онъ представлялъ имъ всѣ опасности, какимъ подвергались они, сходясь толпами, но потомъ, когда никакія убѣжденія не подѣйствовали, приказалъ снятъ образъ со стѣны. Боже мой! сколько бѣдъ произошло отъ этого приказанія! Народъ пришелъ въ бѣшенство, забылъ о болѣзни, и съ звѣрскими криками бросился къ Чудову монастырю, гдѣ думалъ найти архіепископа. Друзья несчастнаго скрыли его въ монастырь Донскомъ, но не надолго: убійцы нашли его и шамъ, и безжалостно умертвили въ то самое время, какъ онъ молился за враговъ своихъ! Это было 16 сентября 1771 года. Совершивъ такое злодѣяніе, бессмысленная толпа буйныхъ

безумцевъ съ кровожаднымъ звѣрствомъ: два дня не переспавала грабинь и убивать, и шѣмъ удобнѣе, что усмиришь ихъ было некому: большая часть войскъ была въ Турціи и Польнѣ; изъ Полицейской же команды, многіе умерли отъ язвы; число другихъ было недоспапно для удержанія мяпежниковъ. Положеніе Москвы дѣлалось опасно. Великая Государыня, Которой одно слово могло бы привести все въ порядокъ, была далеко отъ нея, и прежде нежели дошло бы до слуха Ея важное извѣстіе о происшествіяхъ Московскихъ, безчисленные несчастія могли совершиться.

Но во всѣ времена опасностей Россіи, являлись люди, готовые жертвовать собою для спасенія отечества. Такъ было и въ этотъ разъ. Въ Москвѣ жилъ тогда Генераль *Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ*. Въ царствованіе Елисаветы, онъ извѣстенъ былъ своими военными заслугами; въ это же время,

по слабости здоровья, занимался дѣлами гражданскими въ званіи Сенатора; спало бытъ не имѣлъ особенной обязанности заботиться объ усмирении мятежниковъ, но чувство любви къ отечеству громко говорило ему объ обязанности каждаго человѣка заботиться о счастіи своихъ согражданъ. Покорный сему священному голосу, благородный Еропкинь рѣшился на дѣло, избавившее Москвитянъ отъ явной гибели: онъ набралъ около двухъ-сотъ человѣкъ служащихъ и опіставныхъ солдатъ, и съ этимъ слабымъ—по числу, но сильнымъ—преданностію, опрядомъ, бросился на многочисленныя и яростныя толпы бунтовщиковъ. Рѣшительностію нападенія, и еще болѣе — нѣскольکو пушекъ, къ которымъ по необходимости, храбрый генералъ долженъ былъ прибѣгнуть, скоро усмирили безумцевъ и возвратили спокойствіе встревоженной столицѣ, прежде нежели успѣлъ пріѣхать туда посланный для сего усмире-

ніа отъ Государыни, Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ.

Князь Орловъ пользовался особенною довѣренностію Императрицы, не только потому, что былъ братомъ знаменитаго героя Чесмы: онъ пріобрѣлъ собственными достоинствами и эту довѣренность и всѣ милости, которыми Екатерина осыпала его. Онъ заслужилъ ихъ еще болѣе въ несчастное время моровой язвы въ Москвѣ. Слѣдуя прекрасному примѣру Еропкина, Князь Орловъ сдѣлался вторымъ благодѣтелемъ Москвитянъ: неусыпныя попеченія и благо-разумныя распоряженія его, соединенныя часто съ опасностію собственной жизни, облегчали съ каждымъ днемъ болѣе, несчастное состояніе столицы. Гибельное распространеніе болѣзни начало уменьшаться, и наконецъ черезъ годъ, она совершенно прекратилась. Москвитяне отдохнули, но съ ужасомъ увидѣли, что между ними недоставало болѣе 100,000 человекъ! Съ того вре-

мени многолюдство старшей столицы нашей, значительно уменьшилось, и не могло уже въ послѣдствіи дойти до прежней степени.

Государыня, съ величайшею щедростію наградила великодушныхъ спасителей Москвы: Еропкинь — кромѣ большихъ денежныхъ суммъ, въ копорыхъ нуждался по небогатому состоянію своему, — получилъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго, не смотря на чинъ его *), еще не дававшій ему права на столь важное опличіе; Князь Орловъ — уже украшенный всѣми орденами — золотую медаль съ самымъ лучшимъ изображеніемъ его готовности жертвовать собственною жизнію для пользы ближнихъ, и кромѣ того, еще драгоцѣннѣйшая награда ожидала его въ Царскомъ-селѣ: тамъ онъ долженъ былъ въѣхать въ пріумфальныя ворота съ надписью: *Орловымъ*

*) Еропкинь былъ Генераль-порутчикомъ въ это время.

отъ бѣды избавлена Москва. Какія жертвы не были бы вознаграждены такими высокими почестями? Какой подданный, насладившись до такой степени благодарностію Государыни, не рѣшился бы на новое самоопроверженіе? Такъ Екатерина умѣла владѣтьъ сердцами, умѣла возбуждать ихъ къ новымъ подвигамъ, какою-то особенностію наградъ Своихъ. Воздвигая триумфальныя ворота Князю Орлову, она необыкновенно опличила и брата его, Графа Алексія: онъ названъ былъ Орловымъ-Тесленскимъ. Соединивъ такимъ образомъ имя героя съ именемъ того мѣста, гдѣ пріобрѣлъ онъ громкую славу свою, Екатерина — однимъ словомъ передала потомству исторію лучшей эпохи его жизни. Съ того времени, это опличіе вошло въ обыквеніе, и въ послѣдствіи, милыя дѣти, вы увидите его соединеннымъ со многими знаменитыми именами.

Новое названіе Графа Орлова, должно напомнить вамъ, друзья мои, вой-

ну Турціи съ Россіей, оставленную нами въ разсказѣ происшествій 1772 года, почти оконченною. Всѣ, принимавшіе участіе въ ея окончаніи, ошиблись, также какъ и мы: мирныя переговоры въ Фокшанахъ не имѣли никакого успѣха, попому что Франція усерднѣе, нежели когда нибудь, продолжала вредить Россіи. Въ это время, она уже склонила на свою сторону и Англію, и вмѣстѣ съ нею такъ сильно дѣйствовала на Турокъ, что уполномоченные министры, съѣхавшіеся въ Фокшаны для разсужденій о мирѣ, скоро разъѣхались съ пѣмъ, чтобы опять возобновили непріяшельскія дѣйствія.

Такая неожиданная смѣлость Турокъ послѣ величайшаго унынія ихъ, покажется для васъ, не такъ удивительною, когда я скажу вамъ, что кромѣ внушеній Франціи и Англіи, было еще одно обстоятельство, которое ободряло побѣжденную Турцію къ новымъ нападеніямъ на ея побѣдителей: это былъ слухъ, распространившійся

по всей Европѣ о затруднительномъ, и даже опасномъ положеніи Россіи: Турки спѣшили воспользоваться имъ.

Но прежде, нежели мы увидимъ, чѣмъ кончатся новыя надежды враговъ Екатерины, для чипапалей моихъ вѣрно любопытно узнать, ошъ чего распространился такой невыгодный для опечесива нашего слухъ. О! были важныя причины для того, и — вошъ въ чемъ состояли онѣ:

Едва жители Москвы и окружающіхъ ее губерній, начали приходишь въ себя ошъ миновавшихъ ужасовъ моровой язвы, какъ неожиданное никѣмъ происшествіе поразило новымъ страхомъ еще неуспокоенные умы ихъ: получено было извѣстіе ошъ Оренбургскаго Губернатора, что между казаками, живущими въ окрестностяхъ его Губерніи, вспыхнуло возмущеніе, и что начальникъ мяшежниковъ называетъ себя *Императоромъ Петроомъ III*, и пользуясь эшимъ именемъ быстро покоряетъ всѣ мѣста, мимо копорыхъ про-

ходишь, и уже грозить гибелью самому Оренбургу.

Такое дерзкое намерение и успехъ, сопровождавшій его, не могли не испугать всякаго, кто имѣлъ понятіе о временахъ прежнихъ самозванцевъ и о многочисленности и духъ казаковъ — сосѣдей Оренбурга. Чтobъ и вы, могли получить такое же понятіе, надобно рассказать вамъ объ этихъ казакахъ.

Ихъ называютъ теперь казаками *Уральскими*, но въ то время они назывались *Яицкими*, по имени рѣки *Яика*, нынѣшняго *Урала*. Трудно рѣшить, откуда пришли первые поселенцы ихъ на берега этой рѣки, однакожь, судя по собственнымъ преданіямъ ихъ и по словамъ достовѣрнѣйшихъ писателей — первые казаки *Яицкіе* были выходцы съ *Дона*. Они — какъ и всѣ казаки — жили сначала разбоями, проводили весну и лѣто до глубокой осени въ разъѣздахъ по широкому *Яику* и даже по морю *Каспійскому*, грабили суда, проходившія тамъ, и на зиму съѣзжались

въ бѣдныя селенія свои около нынѣшняго Уральска. Разбои, бывшіе ремесломъ новыхъ поселенцовъ Яицкихъ береговъ, заставляли ихъ иногда бояться сосѣдей, обитавшихъ по обѣимъ сторонамъ этого же Яика. Взглянувъ на карту Россіи, милые чипаптели мои, вы увидите на правой сторонѣ его обширную степь Волжскую, по которой кочевали въ то время осипапки ордъ Таттарскихъ; на лѣвой — земли Киргизъ-Кайсаковъ: пѣ и другіе были иногда опасны для казаковъ Яицкихъ. Чтобы имѣть сильное покровительство, они просили Царя Михаила Ѳеодоровича принять ихъ подъ свою высокую руку. Заселеніе береговъ Яика, людьми подвластными Россіи, было очень выгодно для нее: они могли оберегать отъ непріятелей границы ея. И такъ, Царь принялъ благосклонно новыхъ подданныхъ, пожаловалъ имъ грамоту на рѣку Яикъ, т. е. подарилъ имъ ее, и позволилъ набирать къ себѣ на житье вольныхъ людей.

Съ этого времени число Яикскихъ казаковъ безпрестанно умножалось, но къ несчастію, понятія ихъ о гражданской жизни не улучшались: они все также разбойничали, и даже еще болѣе: теперь уже выѣзжая на Каспійское море, они соединялись съ Донскими Казаками, и грабили не только торговля суда Персіянъ, но даже приморскія селенія ихъ. Не одинъ разъ Шахъ жаловался Царю, и казаки, узнавъ объ этомъ молили о прощеніи Государя и заслуживали вины свои въ походахъ нашихъ въ Польшу и подъ Ригу, но возвращаясь на родину, многіе изъ нихъ принимались опять за прежнее ремесло. Такъ жили Яицкіе казаки до времени Петра I-го. Великій Преобразователь, обращая благодѣтельный взоръ на все, жившее въ царствѣ Его, не могъ оставить безъ вниманія и это неуспроенное войско: Онъ учредилъ у нихъ общій порядокъ управленія, и отдалъ ихъ въ вѣдомство Военной Коллегіи. Но законы благоустроен-

наго общества не понравились своевольнымъ жишелямъ береговъ Яика: они часто возмущались, хопъли даже убѣжать въ степи Киргизскія или къ Туркамъ, одна привязанность къ родной, во всемъ обильной споронъ удерживала ихъ. Имъ не хопълось распаться съ богатыми берегами Яика, и пошому они скоро оставляли намѣреніе свое, но за то безпреспанно показывали непослушаніе къ начальникамъ, которые и сами нѣсколько виноваты были: пользуясь данною имъ властію они иногда припѣсняли своихъ подчиненныхъ. Казаки, вмѣсто того, чтобы просить о разобраніи ссоръ ихъ и ожидать отъ суда удовлетворенія, управлялись сами. Такъ случилось и въ 1771 году. ЕКАТЕРИНА, для усмиренія мяшежниковъ послала генерала *Фреймана*, который исполнилъ дѣло свое очень хорошо: всѣ они были пойманы и главные наказаны. Спрогость наказанія и благоразумныя мѣры вновь

учрежденнаго начальства *) усмирили самых смѣлыхъ изъ нихъ, и, казалось, навсегда уничтожили ихъ дерзкія намѣренія.

Но напрасно было такое ожиданіе; не прошло двухъ лѣтъ, какъ безпокойное войско, снова заволновалось. На этотъ разъ, однакожь не одни казаки были виноваты: къ нимъ явился злодѣй, обманувшій легковѣріе ихъ. Это былъ бѣглый Донской казакъ, *Емельянъ Пугачевъ*.

Никогда одинъ человекъ не соединялъ въ себѣ столько дерзости и ничтожества, какъ этотъ низкій обманщикъ. Что болѣе доказывало то и другое, какъ не мысль простаго, безграмотнаго казака представлятьлице Императора? — Это былъ пошль самый обманщикъ, который назвалъ себя Петромъ III. Неизвѣстно, съ этою ли безумною мыслью, онъ пришелъ на Яикъ, или

*) Прѣжнее казацкое правленіе было уничтожено, и начальникомъ войска Яицкаго сдѣланъ Комендантъ Яицкаго городка.

она поселилась въ головѣ его шамъ, когда онъ узналъ безпокойный духъ тамошнихъ казаковъ и легкость, съ которою можно было склонить ихъ къ мяшежу, только въ концѣ 1772 года, онъ появился въ селеніяхъ ихъ, жилъ въ работникахъ, то у одного хозяина, то у другаго; потомъ, не имѣя наспо-ящаго письменнаго вида, былъ пойманъ какъ бродяга, опосланъ въ Казань, содержался около полугода въ тамошней пюръмѣ, наконецъ успѣлъ убѣжать опшуда, въ іюнь 1773 года, и опять къ Яицкимъ казакамъ. Но, въ этотъ разъ онъ шатался по хуторамъ ихъ уже не въ смиренномъ видѣ работника или Донскаго бѣглеца; нѣтъ, теперь онъ окружилъ себя тайною, рассказывалъ о приключеніяхъ своихъ только избран-нымъ сообщникамъ, и тѣ уже объявляли другимъ, что подъ именемъ Емельяна Пугачева, скрывается человекъ важный и знаменитый, что этотъ человекъ есть Императоръ Петръ III, почитаемый народомъ за умершаго, но

проживавшій около года въ Кіевѣ, потомъ въ Константинополь, наконецъ на Дону. „Опшуда, — говорили простодушнымъ казакамъ, хитрые товарищи ихъ, сдѣлавшіеся друзьями Пугачева — „опшуда батюшка нашъ при- „шель къ намъ, на Яикъ; но сначала „приняли его здѣсь за бродягу и оп- „правили въ Казань. Богъ помогъ „ему уйи опшуда, и онъ благополуч- „но опяшь явился къ намъ, и мы, браш- „цы, ужъ не выдадимъ его теперь „и поспоимъ за него. Онъ пойдетъ съ „нами управляшья съ нашими судья- „ями; всѣхъ ихъ смѣнишь — самъ онъ „говорить, что они судятъ неправед- „но; поспавишь новыхъ; дастъ намъ „денегъ, сколько захошимъ!,,

Такъ, или почти такъ, говорили приверженцы Пугачева, и слова ихъ шакъ сильно дѣйствововали на Яицкихъ жишелей, что въ сентябрѣ того же 1773 года, шайка Пугачева состояла уже изъ 3000 человекъ пѣхоты и конницы. Семь крѣпостей по берегамъ Яи-

ка и Млека были взяты имъ, прежде нежели Губернаторъ Оренбургскій, какъ ближайшій начальникъ того края, успѣлъ показать значительное сопротивление его дерзости; слабыя распоряженія этого начальника только увеличивали успѣхи мятежниковъ. Вотъ одно доказательство этого: въ Оренбургской тюрьмѣ содержался въ то время разбойникъ, по имени *Хлопуша*. Двадцать лѣтъ ужасалъ онъ грабительствомъ въ тѣхъ краяхъ, нѣсколько разъ былъ сосланъ въ Сибирь, и нѣсколько разъ убѣгалъ опшуда опять въ Оренбургъ. Можно ли было представить себѣ, что Губернатору придетъ мысль употребить этого злодѣя на увѣщаніе Пугачева? Онъ освободилъ его изъ тюрьмы и послалъ къ мятежникамъ съ предложениемъ сдаться. Разумѣется, что Хлопуша взялся въ точности исполнить порученіе, и являсь къ Пугачеву, сдѣлался однимъ изъ преданнѣйшихъ приверженцевъ его! Вообще, малое вниманіе,

обращаемое на первые шаги эпого, споль важнаго въ послѣдствіи мятежника, было главною причиною его невѣроятныхъ успѣховъ. Не прежде какъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ посланъ былъ для усмиренія его изъ Пешербурга, генераль-маіоръ *Карѣ*. Но распоряженія его были шакже неудачны, и въ декабрѣ, когда мятежники, съ каждымъ днемъ усиливаясь, доходили уже до окрестностей Казани, Императрица, на мѣсто Кара — отправила генераль-аншефа *Бибикова*, — выборъ, въ полной мѣрѣ доказавшій проницательность Государыни.

Александръ Ильичъ Бибиковъ принадлежалъ къ числу такихъ людей, которые заслуживаютъ особенное вниманіе наше, и которыми славились царствованіе Екатерины. Кроме важныхъ заслугъ, оказанныхъ имъ отечеству въ продолженіе службы его, онъ особенно отличился въ опасное время Пугачевского бунта. Когда онъ получилъ важное порученіе Госу-

дарыни, народъ, былъ уже вездѣ въ большемъ уныніи, повпоряя рассказы о страшныхъ дѣлахъ самозванца, который ужасалъ жестокостію, неслыханною со временъ владычества Таптарскаго. Въ городахъ и селеніяхъ, покоренныхъ имъ, онъ казнилъ безъ разбора всѣхъ дворянъ и чиновниковъ, принималъ въ шайку свою только чернь, позволялъ пилить и грабить ей сколько она хотѣла. Такое позволеніе привлекало къ нему толпы Башкирцевъ, Калмыковъ и Киргизовъ, разсѣянныхъ по обширнымъ степямъ Оренбургской Губерніи, а съ такими дикими помощниками дерзкій злодѣй могъ сдѣлать много вреда,—и чего не могли опасаться тогда, несчастные, которымъ угрожалъ онъ нашествіемъ? Ужасъ распостранялся во всѣхъ мѣстахъ, куда онъ приближался. Дворяне, — на которыхъ болѣе всего нападалъ онъ — бросали дома и имѣніе, спасая въ бѣгствѣ только себя и дѣтей своихъ.

Въ такомъ состояніи нашель Би-

биговъ и Казань, пріѣхавъ туда 25 декабря 1773 года. Его твердость и дѣятельныя распоряженія разсѣяли общее уныніе и многіе изъ убѣжавшихъ жителей возвратились. Дворянство Казанское сдѣлало еще болѣе: увлекаясь прекраснымъ примѣромъ Бибикова — который, не смотря на свое разстроенное здоровье, безопчешно жертвовалъ собою опечесшву — оно также спѣшило доказать свое усердіе, и предложило составить и вооружить на свой счетъ конное войско. Это благородное предложеніе было исполнено скоро и точно: съ каждаго двухъ-сотъ душъ взяли одного рекрута и оплично-устроенный отрядъ поручень начальству родственника Бибикова — Генералу *Ларионову*.

Екатерина была глубоко пронута преданностію Казанцевъ и долго думала, какъ бы достойно наградить ее. Чувствительной, исполненной благодарностію Государынѣ представилась мысль, которая могла болѣе всего

обрадовать дворянъ Казанскихъ: Она написала Бибикову, что желаетъ быть принятою въ сословіе ихъ, и какъ помещица Казанская, пожертвовала также нѣсколько тысячъ рублей въ ту сумму, которая собиралась на общественное войско. Такая честь, такое лестное изъясненіе благодарности Царицы обожаемой, восхитили Казанцевъ! Они не знали, какъ изъяснить и радость свою, и величайшую признательность. Изъясняли то и другое, и рѣчью Дворянскаго Предводителя своего, изъясняли и письмомъ къ Государынѣ. Любопытно будетъ для васъ, милая дѣши, узнать, что и эта рѣчь и это письмо сочинены *Державиньлибъ*, молодымъ гвардейскимъ офицеромъ, служившимъ при Главнокомандующемъ, тѣмъ самымъ Державинымъ, который въ послѣдствіи былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ поэтовъ нашихъ. Вы вѣрно уже знаете наизусть многія изъ стихотвореній его; хотѣли знать, какъ писалъ онъ въ то время прозою?

Вотъ нѣсколько спрокъ изъ письма Дворянства Казанскаго къ Императрицѣ:

„Что Ты съ нами дѣлаешь? въ
„трехъ часяхъ свѣта, владычество
„имѣющая! славимая въ концахъ зем-
„ныхъ, честь Царей, украшеніе ко-
„ронъ, изъ боголѣпія Величества Сво-
„его, изъ сіянія славы Своея, снисхо-
„дишь и именуешься нашею *Казанскою*
„*Помѣщицею!* Та, Которая даетъ за-
„коны полвселенной, подчиняетъ Себя
„нашему постановленію! Та, Которая
„владычествуетъ нами, подражаетъ
„нашему примѣру! Тѣмъ Ты болѣе,
„тѣмъ Ты величественнѣе!„

Живѣйшее чувство преданности
говоритъ въ каждой спрокъ этого
письма, котораго очень небольшую
часть вы прочли здѣсь, друзья мои.
Живѣйшимъ чувствомъ преданности
исполнены были и всѣ дѣйствія дво-
рянъ Казанскихъ и даже войска собран-
наго ими, и потому дѣла, находившіяся
въ распоряженіи Бибикова, шли очень
успѣшно. Генералы и Офицеры, отпра-

вленные имъ въ разныя стороны для истребленія мятежниковъ, безпрестанно увѣдомляли его объ удачныхъ дѣйствіяхъ своихъ: такъ генераль-маіоръ *Князь Голицынъ*, въ мартъ 1774 года освободилъ несчастный Оренбургъ, осаждаемый Пугачевымъ къ печенію шести мѣсяцевъ; въ то же время храбрый подполковникъ *Михельсонъ*, — которому въ послѣдствіи принадлежала честь послѣдняго пораженія мятежника — избавилъ отъ него Уфу; генераль *Мансуровъ* — крѣпости и городки: Илецкой и Яицкой, взятые имъ при началѣ возмущенія.

Съ такими помощниками, умный Бибииковъ, вѣроятно довершилъ бы скоро погибель злодѣя, но здоровье его разстроилось еще болѣе отъ трудовъ и безпокойствъ, и въ апрѣль мѣсяцъ онъ скончался отъ горячки. Казанцы были неутѣшны о потерѣ своего избавителя — такъ они, по справедливости, называли Бибиикова. Но не одни они плакали по немъ: Сама Государыня приняла живѣйшее участіе въ по-

терѣ ,которая вскорѣ сдѣлалась общемоу горестью: съ смертію Бибикова, Пугачевъ снова усилился и въ іюль мѣсяцѣ уже ворвался въ Казань, и хотя только одинъ день пробылъ въ ней, но успѣлъ разграбить и сжечь всѣ церкви и дома ея *) и увести въ плѣнъ 10,000 жителей. На сей разъ, Михельсонъ былъ освобожденъ несчастнаго города: онъ выгналъ жестокаго мятежника изъ стѣнъ его, возвратилъ свободу плѣнникамъ, уже уведеннымъ въ лагерь Пугачева, и на нѣсколько дней остался въ разоренномъ городѣ, чтобы хотя сколько нибудь успокоить несчастныхъ жителей.

Между тѣмъ злодѣй шелъ далѣе съ остатками шайки своей, почти совершенно разбитой Михельсономъ. Къ несчастію, эта шайка, всегда состоявшая

*) Изъ 2800 домовъ въ Казани сгорѣло тогда 2057, кромѣ того двадцать пять церквей и три монастыря! Послѣ этого, можно судить объ ужасахъ, сопровождавшихъ бунтъ Пугачева!

изъ бродягъ и самыхъ дурныхъ людей, могла очень скоро снова наполняться: прошло немного дней, и у него была уже не одна тысяча дерзкихъ товарищей. Онъ переправился съ ними за Волгу, по дорогѣ къ Москвѣ, взялъ Пензу и Саратовъ. Ужась овладѣлъ всѣми, и прешпствовалъ предаваться радости, тогда случившейся въ Россіи: новыя побѣды Румянцова въ странахъ, лежащихъ уже за Дунаемъ, наведя страхъ на всю Имперію Турецкую, принудили ее наконецъ къ миру, знаменитому для Русскихъ, и заключенному въ Кучукъ-Кайнарджи, 10 іюля 1774 года. Эпоть миръ доставилъ Россіи Кинбурнъ, Азовъ Таганрогъ и часть Крымскаго полуострова; ушвердилъ независимость Татаръ Крымскихъ и Кубанскихъ, и шѣмъ уменьшилъ число подданныхъ Турецкихъ, всегда наносившихъ вредъ Россіи, а тецерь искавшихъ ея покровительства; наконецъ эпоть миръ открылъ Русскимъ свободное плаваніе по Черному морю и по всѣмъ Турецкимъ морямъ.

Нельзя было не радоваться такому счастливному окончанію войны, которую враги Екатерины замыслили на гибель царства Ея. Но кто могъ думать о радости, получая безпрестанно самыя печальныя извѣстія о жестокой судьбѣ городовъ и селеній, занятыхъ безчеловѣчнымъ мяшежникомъ.

Окончаніе войны доставило Императрицѣ возможность отправить къ войскамъ, сражавшимся съ Пугачевымъ, двухъ изъ лучшихъ генераловъ Ея: Графа Панина и Суворова. Но они оба пріѣхали къ арміи въ то время, когда уже храбрый Михельсонъ совершенно разбилъ злодѣя въ нынѣшней Саратовской Губерніи, при городѣ Царицынѣ. Пугачевъ успѣлъ переправиться съ нѣсколькими Казаками назадъ за Волгу, и, потерявъ всю надежду, хотѣлъ бѣжать въ степи Киргизскія; но казаки, начиная уже думать о томъ, какъ бы заслужить прощеніе Правительсства, рѣшились выдать дерзкаго предводителя своего, и привезли его связаннаго въ

Яицкой городокъ , гдѣ онъ представ-
ленъ былъ Суворову, только что
пріѣхавшему туда. На вопросы, копо-
рые дѣлали самозванцу о причинахъ его
дерзости, онъ отвѣчалъ: *„Богу угодно
было наказать Россію грезѣ мое ока-
жанство.“*

Изъ Яицкаго городка, его повезли
въ Симбирскъ , въ деревянной клѣпкѣ
на двухъ-колесной шельгѣ. Двѣ пушки
и многочисленный отрядъ солдатъ, быв-
шихъ подъ начальствомъ Суворова, со-
провождали его. Въ Симбирскѣ, онъ про-
былъ не долго и отправленъ былъ въ
Москву, гдѣ совершился надъ нимъ
судъ, и потомъ казнь. Во все время
суда , продолжавшагося около двухъ
мѣсяцевъ, онъ сидѣлъ на монетномъ
дворѣ, прикованный къ стѣнѣ. Любо-
пытные могли видѣть его съ утра
до вечера , и говорятъ , что взоры и
голосъ его были такъ страшны , что
многія женщины, при видѣ его, падали
въ обморокъ. Наконецъ судьба его рѣ-
шилась: онъ и пятеро главныхъ сооб-

щниковъ его приговорены были къ смерти; осьмнадцать другихъ къ ссылке въ Сибирь. И теперь еще есть старики, которые видѣли эту казнь и сохранили живое воспоминаніе о послѣднихъ минушахъ злодѣя, такъ долго ужасавшаго ихъ. Имъ казалось, что голосъ его былъ спрашенъ даже и тогда, когда онъ, стоя на эшафотѣ, долженъ былъ отвѣчать на вопросы исполнителей приговора, и громко, предъ всѣмъ народомъ, объявить, что онъ бѣглый Донской казакъ Зимовейской станицы, *Емелька Пугачевъ*. *)

*) Здѣсь надобно сказать вамъ, милыя дѣти, о благородномъ поступкѣ казаковъ Зимовейскихъ. Узнавъ, что самозванецъ Пугачевъ есть уроженецъ станицы или деревни ихъ, они просили у Государыни позволенія перенести жилища свои на другое мѣсто, что бы не имѣть ничего общаго съ злодѣемъ. Они соглашались даже и на то, чтобы новое мѣсто было *менѣе выгодно*, нежели прежнее. Екатерина прорнула была такимъ доказательствомъ усердія ихъ, но не хотѣла, чтобы они потерпѣли напрасные убытки и для того переименовала только станицы ихъ, и вмѣсто Зимовейской, назвала ее — *Потемкинской*, названіе, котораго знаменишость

Послѣ нѣсколькихъ земныхъ поклоновъ золотоверхимъ соборамъ и церквамъ Московскимъ, Пугачевъ поклонился на всѣ стороны и сказалъ : „прости народъ , православный; отпусти въ чемъ я , согрубилъ предъ шобою прости , народъ православный !“

Это были послѣднія слова преступника: чрезъ нѣсколько мгновеній потомъ, его уже не было, но воспоминаніе о немъ еще долго пугало не только дѣтей, случайно видѣвшихъ его, но даже и взрослыхъ людей, и слово *Пугачевщина*, означая время его страшнаго бунша, всегда будетъ выражать въ понятіяхъ Рускаго одну изъ ужаснѣйшихъ эпохъ испоріи отечественной,

вы узнаете въ одномъ изъ слѣдующихъ рассказовъ.

Въ то же время и для той же причины перемѣнила Императрица и назвіе рѣки *Иика* на *Ураль*.

ТОРЖЕСТВО МИРА съ ТУРЦІЕЙ

И

УЧРЕЖДЕНІЕ ГУБЕРНІЙ.

1775 годъ.

Много терпѣла бѣдная Москва въ послѣдніе четыре года! И ужасы моровой язвы, и страхъ, наведенный возмущеніемъ Пугачева, и наконецъ судъ и казнь злодѣя, происходившіе въ спѣнахъ ея, все это распространило такое грустное уныніе по обширному городу, что казалось, жипели его, совсѣмъ позабыли о веселіи, которое все-

гда было опличительною ихъ чертою. Вдругъ всѣ печальныя лица оживились, всѣ сердца забились радостью: разнеслась вѣсть, что Государыня пріѣдетъ въ Москву праздновать славный Кайнарджискій миръ съ Турками. Москвитяне, зная благость Государыни, осмѣливались думать, что Она желаетъ утѣшить ихъ драгоцѣннымъ присутствіемъ Своимъ, за претерпѣнныя бѣдствія, и не знали какъ выразить и восшорть и благодарность свою. Они не ошибались: Екатерина, обладавшая въ совершенствѣ тайною счастливитъ людей, въ самомъ дѣлѣ хотѣла праздновать знаменитый миръ въ Москвѣ для того, чтобы шумомъ этого торжества разсѣять уныніе ея жителей, чтобы знаками любви Своей, утѣшить ихъ. Это было первою цѣлію доброй, чувствительной Государыни, второю— было самое торжество, копорому Она желала придать какъ возможно болѣе блеска. Она любила блескъ, когда онъ нуженъ былъ, чтобы показать могуще-

ство царства Ея, любила величаться превосходствомъ этого царства предъ всѣми другими, любила придавать всѣмъ обстоятельствомъ, относившимся до него, всю приличную имъ важность. Напримѣръ, какъ величественна была эта Государыня, когда, украшенная всѣми знаками Императорскаго достоинства, окруженная всѣмъ великолѣпіемъ двора Своего, принимала иностранныхъ министровъ и посланниковъ! Прелестное лице Ея выражало тогда столько величія, столько важности, что всѣ видѣвшіе Ее робѣли какъ въ присутствіи существа неземнаго. Самые близкіе изъ придворныхъ, принятые въ домашній кругъ Императрицы, едва узнавали въ Нейшу, съ Копорою наканунѣ шакъ опкровенно, шакъ смѣло разговаривали. Переменная, копорую находили между Екатериною — принимавшею избранныхъ гостей Своихъ на маленькихъ вечерахъ, и Екатериною на пронѣ, въ порже-сшвенный день представленія Двора,

была чрезвычайно удивительна, и современники подтверждают это многими анекдотами, изъ которыхъ нѣкоторыя особенно любопытны. На примѣръ, вотъ одинъ:

Однажды пріѣхалъ въ Петербургъ посланникомъ Французскаго Короля, Г. Веракъ, славившійся своимъ остроуміемъ и смѣлостію. За нѣсколько дней до представленія его ЕКАТЕРИНѢ, онъ получилъ отъ знакомыхъ своихъ не одно предостереженіе о томъ, чтобы не оробѣлъ предъ Государынею. Веселому Французу показалось это странно; онъ смѣялся надъ излишнею заботливостію друзей своихъ и успокоивалъ ихъ тѣмъ, что онъ уже не въ первый разъ будетъ представлять лице своего Государя. Съ большею самонадѣянностію Веракъ отправился во дворецъ въ день своего представленія. Но какъ скоро онъ увидѣлъ ЕКАТЕРИНУ въ коронѣ и порфирѣ, какъ скоро глаза его встрѣтили Ея взоры, въ которыхъ сіяло не-

изъяснимое величіе — смѣлость Француза превратилась въ такое замѣшательство, что онъ въ одну минуту позабылъ всю длинную, давно заготовленную рѣчь, и нѣсколько разъ повторялъ только начало ея: *Le roi, mon maitre, le roi, mon maitre.* *) “Наконецъ, Екатерина сжалилась надъ нимъ, и съ улыбкою снисходительности договорила важную рѣчь его, словами: „*Il est de mes amis!*“ **)

Въ другой разъ поже самое случилось съ однимъ Архіереемъ, въ церкви, мимо которой Государыня проѣзжала въ одно изъ путешествій своихъ по Россіи. Онъ, какъ и Г. Веракъ, приготовилъ большую рѣчь, которою хотѣлъ встрѣшиться Императрицу при входѣ въ церковь. Но какъ скоро онъ увидѣлъ Екатерину, языкъ его, какъ будто онѣмѣвшій, едва могъ выгова-

*) Король, мой государь, король, мой государь.

***) Онъ въ дружбѣ со мною.

ривать только: „**Всемилоспивѣйшая Государыня!** **Всемилоспивѣйшая государыня!** „ **Императрица**, всегда сохранявшая удивительное присутствіе духа, умѣла и его такъ же, какъ **Г. Верака**, вывести изъ замѣшательства. Съ обыкновенною привѣпливостію своею, Она подошла къ оробѣвшему служителю церкви и сказала ему: „**Я прошу вашего благословенія.**“

Былъ такъ же похожій на это случай и съ **Александромъ Ильичемъ Бибиковымъ**, о которомъ мы уже говорили, милья дѣши. **Екатерина** любила и уважала **Бибикова**, и потому обходилась съ нимъ просто. Однажды ему надобно было произнести ей рѣчь о **Коммиссіи составленія законовъ**. Государыня, шутя говорила ему наканунѣ: „**Смотри не оробѣй!**“ — **Помилуйте, Ваше Величество**, — отвѣчалъ **Бибиковъ** — **отъ чего?** Я привыкъ къ **Вашимъ милостямъ**, всякой день въ коропкой бесѣдѣ съ **Вами**. — „**Однакожь**, остерегись“ — прибавила **Государыня**, — **Я тебя**

предупреждаю! “ И чтожь? На другой день онъ увидѣлъ Государыню на тронѣ, и долго не могъ оправиться отъ смущенія, чтобы сказать свою рѣчь.

По симъ примѣрамъ можно судить, въ какой степени Екатерина обладала искусствомъ дѣйствовать на сердца и какъ естественно было въ ней это величіе, которымъ Она удивляла всѣхъ.

Но возвратимся къ шому случаю, который покажемъ вамъ, милыя дѣши, величіе Екатерины въ полномъ блескѣ, возвратимся къ празднованію мира Кайнарджискаго. Почти всѣ генералы, ошличившіеся во время войны, сопровождали Государыню въ Москву. Екатерина желала, чтобы знаменитѣйшему изъ нихъ, Графу Румянцеву, ошдана была почеспъ, достойная побѣды его: чтобы онъ въѣхалъ въ городъ на торжественной колесницѣ, въ вороша пріумфальныя; но побѣдишель Турокъ былъ сполько же ескромнѣ

какъ и великъ: онъ упросилъ Государыню, избавить его отъ чести, столь высокой, и въѣхалъ въ столицу просто.

Торжество мира началось не веселостями; но по благочестивому обычаю Русскихъ, какъ прежнихъ такъ и нынѣшнихъ, началось прежде всего принесеніемъ благодаренія Богу. Императрица *) по особенной набожности Своей ходила

*) Эта великая Государыня—не смотря на то, что родилась и прожила до четырнадцати-лѣтняго возраста въ странѣ Нѣмецкой, умѣла, можно сказать, переродиться во второмъ отечествѣ своемъ, умѣла сдѣлаться Русскою во всѣхъ отношеніяхъ. Она слѣдовала всѣмъ обычаямъ нашимъ, начиная отъ самыхъ важныхъ до самыхъ простыхъ. Въ воскресные дни всегда бывала у заутрени и обѣди, во время постовъ показывала Собою примѣръ набожности и воздержанія. Въ праздники любила веселиться также какъ веселились Ея подданные: на примѣръ, въ святки, при дворѣ пѣли подблюдныя пѣсни, играли въ жмурки, фанты и хоровады. На святой - всдѣлѣ всѣ, безъ различія званій христосовались, мѣнялись янцами; на масленицѣ—катались съ горъ, и еще чаще въ сапяхъ. Это послѣднее катанье было необыкновенно: нѣсколько маленькихъ

пѣшкомъ въ Троицкую Лавру Св. Сергія, поклонитесь шамъ мощамъ Угодника, всегда чудесно помогавшаго народу Ея, и попомъ уже, возвращаясь изъ этого благочестиваго путешествія, Она опдала повелѣніе дѣлать пригото-вленія къ торжеству. Главное мѣсто для него было назначено на полѣ Ходынскомъ. Въ короткое время это обширное поле покрылось множествомъ

саней привязывали одиѣ къ другимъ; въ первыя же большія сани запрягали лошадей десять или двѣнадцать, и такимъ образомъ эти лошади тащили за собою весь поѣздъ. При такомъ катаньѣ перѣдко случалось, что нѣкоторыя изъ малелькихъ саней, на поворотѣ улицъ, опрокидывались; но какъ сани ѣхали тихо, то для сидѣвшихъ въ нихъ не было никакихъ послѣдствій, кромѣ того что они отъ всей души смѣялись и заставляли другихъ смѣяться надъ своимъ паденіемъ и неловкостію. Вообще веселость и непринужденность были всегда главною прелестію общества Екатерины. Прибавьте къ тому, что она чаще всего говорила по Руски, что она любила этотъ языкъ, какъ свой родной, что она любила Русскихъ, какъ дѣтей Своихъ, и вы поймете причину той безпредѣльной привязанности, которую Русскіе чувствовали къ своей Государынѣ.

легкихъ, прекрасныхъ строеній, копорыя представляли глазамъ удивленныхъ жителей Москвы, какой-то новый волшебный городъ: это было ничто иное, какъ разныя увеселишельныя залы, галлерей, театры въ видѣ крѣпостей, городовъ и даже кораблей. Названія ихъ напоминали всѣ знаменитыя происшествія войны Турецкой: шуть можно было видѣть и Азовъ, и Чесьму и Кайнарджи.

Приготовленія кончились не прежде 10 іюля, и съ нетерпѣніемъ ожидаемые праздники начались въ сей торжественный день. Рано поутру; главныя улицы Московскія наполнились народомъ. По обѣимъ сторонамъ ихъ стояли ряды солдатъ. Предъ обѣднею раздался громъ пушекъ: Государыня, со всею многочисленною свитой придворныхъ, шествовала изъ дворца въ Успенскій соборъ. Она была въ коронѣ и порфирѣ, подъ балдахиномъ, копорый несли восемь генераль-маіоровъ,

шнуры держали восемь генераль-поручиковъ. Передъ Императрицею шелъ Графъ Румянцевъ, главное лицо торжества.

Послѣ обѣдни и молебна, шествіе опшправилось такимъ же порядкомъ въ Грановишную Палату. Здѣсь Императрица желала лично раздашь награды храбрымъ генераламъ своимъ. Эта картина была неописанно-прекрасна. Вообразите себѣ, славную Палату Грановишную, т. е. огромный, великолѣпный залъ, гдѣ возвышался древній тронъ Царей Рускихъ; вообразите на этомъ тронѣ Государыню, Которой лице сіяло небесною кропосшію и величіемъ, Которой каждое движеніе было исполнено прелести и достоинства; вообразите толпу воиновъ, изъ которыхъ почти каждый опличился чѣмъ нибудь особеннымъ и потомъ скажите, какая картина могла быть прекраснѣе и величественнѣе? Эта необыкновенная раздача наградъ припоминала времена рыцарства, когда знаменитѣйшія

принцессы, собственными руками надѣвали лавровые вѣнки на героев - побѣдителей. Очарованіе было шѣмъ совершеннѣе, что и здѣсь также главный полководецъ получилъ вѣнокъ: только лавровые листья этого вѣнка не были обыкновенные зеленые, украшающіе природныя вѣшви этого знаменитого дерева, но были золотые, осыпанные крупными брилліаншами. Кроме того, Румянцевъ получилъ брилліаншовую шпагу и масличную вѣшвь за миръ; получилъ орденъ Св. Андрея, подмоховскую деревню съ 5000 душъ крестьянъ и съ громкимъ именемъ *Кайнарджис*, въ память шой деревни, въ которой заключенъ миръ, 100,000 рублей на постройку дома и наконецъ знаменитое названіе *Задунайскаго*. Вошъ примѣръ, по которому можно судить, съ какою щедростію Екатерина награждала усердныхъ подданныхъ Своихъ. И прочіе генералы получили каждый, по заслугамъ своимъ. Попечительная Государыня, при общей радости не за-

была также и народъ: ему сдѣлали большія облегченія въ подахъ, освободили множество заключенныхъ въ темницахъ, простили значительное число разнаго рода преступниковъ, и особенно, всѣхъ участвовавшихъ въ бунтѣ Пугачева.

Такъ кончился первый день торжества великодушной Екатерины. Послѣ того, было при дворѣ нѣсколько баловъ и обѣдовъ, а пошомъ 21 числа праздникъ на полѣ Ходынскомъ. Въ зпотъ день, Государыня хотѣла веселиться вмѣстѣ съ народомъ. Съ такою же пышностію, какъ и въ первый разъ, отправилась Она въ новопоспременный прелестный городокъ Ходынский. Тамъ въ каждомъ изъ устроенныхъ легкихъ зданій приготовлено было что нибудь особенное. Прежде всего Государыня и весь дворъ взошли въ высокую галерею, откуда видна была вся площадь. Съ первыми шагами Ея тамъ раздались сигнальные выстрѣлы и упали покрывала съ возвышеній, раз-

ставленныхъ въ разныхъ мѣстахъ площади и шумно забили фонтаны, до той минуты никѣмъ не примѣченные. И знаете ли, что было подъ покрывалами? Цѣлые жареные быки съ позолоченными рогами, наполненные разными съвспными припасами, лакомствами, а фонтаны били вкусными винами виноградными. Веселье счастливаго народа было въ пошъ день неописанно. Государыня любовалась необыкновеннымъ обѣдомъ, который, разумѣется, кончился въ нѣсколько минутъ. При такихъ случаяхъ каждому позволялось показывать удалство свое, и лучшіе куски Царскаго угощенія обыкновенно доставались самымъ ловкимъ и смѣлымъ. Кому же удавалось сорвать голову быка съ его вызолоченными рогами, пошъ получалъ еще награжденіе отъ Государыни. Послѣ этого, вы можете представить себѣ, читатели мои, съ какимъ усердіемъ бросался народъ на высокія пирамиды кушаньевъ, и какъ скоро быки исчезали изъ глазъ

зрителей! Послѣ сытнаго обѣда, добрая Царица, веселила гостей своихъ разными забавами. Во всѣхъ концахъ площади гремѣла музыка, фигляры ходили по канатамъ, фокусники удивляли народъ чудесами проворства и ловкости.

Между тѣмъ въ одномъ изъ лучшихъ зданій новаго городка, въ Азовской крѣпости, приготовленъ былъ великолѣпный обѣдъ для 319 особъ первыхъ чиновъ государства. Здѣсь, за пышнымъ столомъ, Государыня опять опличила главнаго виновника праздника: Румянцевъ сидѣлъ подлѣ Нее, мать его — подлѣ Наслѣдника престола, Великаго Князя, Павла Петровича. И какъ будто считая всѣ милости Своей недостаточными для вознаграженія того, кто жертвовалъ за опечестноженію, и съ такимъ искусствомъ избавилъ его отъ опасностей, Екатерина на довершила торжество Румянцева, новымъ знакомъ драгоцѣннаго благоволенія Своего: въ концѣ обѣда взяла бо-

иаль шампанскаго, привстала съ мѣста Своего и при громѣ пушекъ пила здоровье героя Задунайскаго. Сколько благодарности, сколько усердія къ престолу чувствовало въ это время благородное сердце Фельдмаршала, и сколько блаженства разливалось въ сердце его счастливой матери, — это невозможно описать.

Однимъ днемъ не кончились праздники на Ходынской площади: 23 числа, были тамъ опять новыя увеселенія. Въ эпошъ разъ они начались послѣ обѣда. Государыня со всѣмъ дворомъ ходила тамъ, по ярмаркамъ Таганрогскаго городка, покупала множество товаровъ, Ей ненужныхъ, чтобы только обрадовать торговцевъ. Въ шесть часовъ лучшіе артисты давали оперу; потомъ въ одной изъ галлерей былъ маскарадъ; наконецъ на корабляхъ, построенныхъ на Ходынской площади, сожжены были фейерверкъ, напомнившій великолѣпнымъ пламенемъ своимъ, побѣду Русскихъ при Чесмѣ.

Вотъ какъ праздновала великая Государыня знаменитыя побѣды Своихъ воиновъ! Пышность сихъ праздниковъ поразила удивленіемъ всѣхъ иностранныхъ министровъ, шуть находившихся и особенно посланника Турецкаго, прѣхавшаго отъ Государя своего съ грамотою мира, и съ драгоцѣнными подарками.

Примѣчательный по этому миру 1775 годъ, сдѣлался еще примѣчательнѣе для Русскихъ, по новому, великому дѣлу Государыни. Занимаясь съ самага восшествія Своего на престоль, улучшеніемъ законодательства, занимаясь сочиненіемъ безсмертнаго Наказа Своего, Екатерина видѣла, какъ много недостатковъ было во всѣхъ частяхъ управленія колоссальнаго государства, котораго образованіе, такъ быспро совершенное рукою Петра Великаго, прервано было Ею преждевременною кончиною. Она видѣла, что все начатое Имъ требовало продолженія тѣхъ попеченій, при которыхъ такъ прекрасно возра-

спало Его твореніе; видѣла, что многія, еще ненужныя при Немъ перемѣны, дѣлались необходимыми при новыхъ обстоятельствахъ царства, со всѣхъ сторонъ увеличеннаго пріобрѣтеніями. Сіи перемѣны всего нужнѣе были въ общемъ устройствѣ областей, въ ихъ управленіи и даже въ самомъ раздѣленіи. Многія изъ нихъ, были такъ велики и пространствомъ и населенностію, что начальственные въ нихъ лица затруднялись въ опривленіи должностей своихъ, пѣмъ болѣе, что сіи должности, давно учрежденныя, уже не согласовались съ настоящимъ положеніемъ жителей, такъ много измѣнившимся пропивъ прежняго. И такъ, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства, сообразивъ ихъ со всею проницательностію мудрой Законодательницы, Екатерина рѣшилась дать новое образованіе всему составу своей обширной Имперіи и раздѣлитъ ея неправильныя и несоразмѣрныя области, на правильныя, одинаково-устроенныя *Губер-*

ни. Всѣ мѣры для такого раздѣленія, всѣ законы новаго управленія, всѣ обязанности новыхъ чиновниковъ, были обдуманы и написаны самою Государынею въ книгѣ, извѣстной подъ названіемъ *Учрежденіе о губерніяхъ*. По этому превосходному и такъ много прославившему *Екатерину* Учрежденію, раздѣлена вся Россія на одинаковыя пространства, названныя *наибѣстнѣйствами*. Такое названіе произошло отъ того, что главныя лица, назначенныя управлять ими, были названы Государынею *наибѣстниками*. *Екатерина* такъ любила Русскій языкъ, что и для должностей предпочитала Русскія названія, на примѣръ: *наибѣстникъ, исправникъ, засѣдатель* и проч. — Последніе и теперь такъ называются, *наибѣстники* же въ послѣдствіи стали называться *Генералъ - Губернаторами*. Сіи важныя лица государственныя, получившія въ книгѣ: *Учрежденіе о Губерніяхъ*, подробное наставленіе отъ Императрицы, какъ опривлять много-

численными обязанностями свои, замѣнили прежнихъ *воеводъ*, которые въ областяхъ имъ ввѣренныхъ пользовались такою властію, что рѣшенія всѣхъ дѣлъ областныхъ жителей зависѣли отъ нихъ и воеводской ихъ канцеляріи, куда надобно было приѣзжать каждому, кѣмъ имѣлъ какое нибудь дѣло до воеводы, какъ ни велико было бы разстояніе до областногого города; теперь же, въ новыхъ губерніяхъ, каждый городъ и округъ его имѣли своихъ судей, для разбора дѣлъ, и если нужно было высшее разрѣшеніе начальства, то отсылались однѣ бумаги въ тѣ мѣста, которыя учреждены были въ главномъ городѣ губерніи. Такимъ образомъ явились у насъ въ уѣздныхъ городахъ суды: *Уѣздный и Земскій*; а въ губернскихъ, кромѣ этихъ судовъ учреждены были: *палаты Казенная, Гражданская и Уголовная, и правленіе Губернское*. Для купечества и мѣщанства учреждены особенные суды, въ губернскихъ городахъ, *Магис-*

траты, а въ уѣздныхъ — *Ратуши*.
Кромѣ того въ *Узрѣженіи о Губер-
ніяхъ*, улучшены правила для полиціи,
и обращено материнское вниманіе Госу-
дарыни на безпомощное состояніе дѣтей,
которыя, потерявъ въ младенческомъ
возрастѣ родителей, оставались съ
имѣніемъ своимъ на рукахъ родствен-
никовъ, часто пользовавшихся безза-
щитнымъ сиротствомъ ихъ и разоряв-
шихъ наслѣдство ихъ. Для такихъ
бѣдныхъ дѣтей и для управленія имѣ-
ніями ихъ, учреждено также особенное
присутственное мѣсто, подъ названі-
емъ *Опеки для дворянства, Сиротскаго
Суда*—для купечества и мѣщанства.
Дѣтей же, которыми родители не ос-
тавляли никакого состоянія, и кото-
рыя—слѣдовательно не имѣли никакой
надежды получить не только воспи-
таніе, но даже часто и содержаніе,
Государыня брала подъ Свое особенное
покровительство, и для нихъ учредила
Приказъ общественнаго призрѣнія, такое
присутственное мѣсто, которому по-

ручены были всѣ народныя школы—гдѣ учились такія дѣти,— и всѣ богоугодныя заведенія для другихъ бѣдныхъ, п. е. богадѣльни, больницы, дома для больныхъ неизлечимыхъ, для лишенныхъ ума, дома воспитательныя и сиротскіе, гдѣ жили и учились дѣти-сироты совершенно безпомощныя, и немѣвшія даже и родспивенниковъ, которые бы могли сколько нибудь заботиться о нихъ. Изъ этого описанія, вы видите, какъ важна и благотѣтельна была цѣль *Приказа Общественнаго Призрѣнія*. Не менѣе важно было учрежденіе еще одного присутственнаго мѣсна: *Совѣстнаго суда*. Здѣсь назначено было разсматривать дѣла, не подходящія подъ общія правила законовъ, на примѣръ, преступленія, недоказанныя ясными свидѣтельствами, или сдѣланныя людьми безумными или малолѣтными, которые не могли понимать всей важности проступка своего; однимъ словомъ всѣ такія дѣла, гдѣ надобно бы-

ло судить болѣе по совѣсти, нежели по доказательствамъ преступленія.

Вошъ какъ прекрасно устроены были всѣ части новаго управленія! Вошъ какъ малѣйшія обстоятельства ихъ были удивительно предвидѣны и обдуманы проицательною Государынею! 7 Ноября 1775 года обнародованъ былъ манифестъ о новомъ учрежденіи, и первыя, явившіяся въ Россіи Губерніи, были: *Тверская* и *Смоленская*. Онѣ открыты были прежде всѣхъ другихъ для образца, для испытанія новыхъ учреждений, и когда увидѣли прекрасное устройство ихъ, когда почувствовали благодѣтельныя слѣдствія порядка, вмѣстѣ съ ними распространившася, всѣ благословили новую милость Императрицы. Она Сама удостовѣрилась въ величайшей пользѣ новыхъ распоряженій и приказала ввести ихъ во всѣ мѣста Своихъ владѣній.

Такъ образовалось существующее у насъ теперь раздѣленіе губерній и превосходное устройство всѣхъ частей

ихъ управленія—незабвенный памятникъ ума, правосудія и материнской любви къ подданнымъ великой Екатерины!

ВООРУЖЕННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТЪ.

ИЛИ

НОВАЯ СЛАВА ЕКАТЕРИНЫ.

Отъ 1775 до 1780 годъ.

(Пер. 5 лѣтъ.)

Послѣ всего того, что мы читали о дѣлахъ Екатерины, вы вѣрно удивитесь, милые читатели, увидѣвъ заглавіе этого разсказа. Неужели эта громкая, многообразная, можно сказать, почти безпредѣльная слава, можешь еще увеличиться новою? Да, друзья мои, такова сила генія.

Онъ не истощается опъ лѣтъ, не утомляется опъ дѣятельности; способности его, напроптивъ того, съ лѣтами совершенствуются, съ дѣйствіями развиваются, и памъ, гдѣ человекъ обыкновенный останавливается, считая всѣ обязанности свои исполненными, геніальный—не видитъ еще и половины дѣлъ своихъ оконченными. Не удивляйтесь же, милые читатели мои, возрастающей съ каждымъ годомъ славѣ Екатерины: духъ Ея безпрестанно стремился къ увеличенію этой славы, а тогдашнее состояніе Европы безпрестанно представляло Ей случаи къ тому.

Вскорѣ послѣ Кайнарджискаго мира, безпокойные Турки снова завоновались; всего болѣе огорчала ихъ независимость Крыма, и съ досады на потерю знаменитаго полуострова, они всѣми силами старались по крайней мѣрѣ уменьшить сближеніе его съ Россією, и не хотѣли утверждать Хана Сагинъ Гирея, избраннаго Крымцами

съ согласія покровительствовавшей имъ Россіи. Чтобы предупредить опасныя слѣдствія новыхъ раздоровъ, Екатерина приказала войскамъ своимъ, снова подвинуться къ грницамъ Турецкимъ, и особенно къ предмету споровъ, Крыму. Графъ Руманцевъ, снова главный начальникъ войскъ Русскихъ, уже принужденъ былъ начать непріятельскія дѣйствія, какъ вдругъ всѣ неудовольствія прекращены были совсѣмъ неожиданнымъ образомъ: Франція, прежде всегда спаравшаяся вредить Россіи въ дѣлахъ ея съ Турціей, вдругъ сдѣлалась защитницею нашей, и убѣжденіями своими заставила Султана вспомнить условія Кайнарджискаго мира и снова подтвердить ихъ въ полной силѣ: независимость Крыма во второй разъ была признана, и Сагинъ-Гирей названъ Ханомъ. Но отъ чего произошла такая перемѣна въ расположеніи Франціи? Отъ того, что она сама имѣла нужду въ помощи сильной Россіи, отъ того, что боялась войны

съ Англичанами, за возобновившіеся споры о владѣніяхъ въ Америкѣ. Но и кромѣ этихъ споровъ между Англичанами и Французами, въ Европѣ происходили тогда еще другія безпокойства, отвлекшія вниманіе всѣхъ государствъ отъ Турокъ, и заставлявшія многихъ изъ нихъ желать, чтобы Россія, успокоенная миромъ съ Турціей, обратила могущественное вліяніе свое на дѣла ихъ. Вотъ въ чемъ состояли сіи дѣла:

Въ концѣ 1777 года, скончался Баварскій Курфирстъ Максимиліанъ, не оставивъ дѣшей. Родственники его, считавшіе себя наследниками, явились со всѣхъ сторонъ. То были: младшій Баварскій домъ, супруга Курфирста Саксонскаго, Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій, и Герцогъ Пфальцскій. Столько искателей наследства, конечно, не могли кончить дѣло безъ спора. Нѣкоторые изъ нихъ были въ родствѣ съ дворомъ Прусскимъ; другіе—съ Австрійскимъ, а Фридерикъ II и Марія-Терезія были всегда такъ несогласны

между собою, что, казалось, радовались каждому случаю къ войнѣ. Наслѣдство же Баварское представляло имъ тѣмъ болѣе такихъ случаевъ, что одинъ изъ наследниковъ, Герцогъ Палапинъ, уступилъ за денежное вознагражденіе, всѣ права свои Императрицѣ Австрійской, и сыну ея, Іосифу, бывшему уже тогда Императоромъ. Началось раздѣленіе страны осиротѣвшей: Марія Терезія хотѣла присвоить себѣ слишкомъ великій участокъ наследства, Король Прусскій вступился за права Герцоговъ Саксонскаго и Пфальцскаго, и война началась. Фридерикъ, не смотря на старость свою, начальствовалъ самъ арміею; но примѣтно было, что прежняя пылкость и мужество, уже не оживляли храбраго Короля: всѣ движенія войскъ его были медленны, а самъ онъ, вмѣсто того, чтобы какъ прежде, въ походной палаткѣ чертить планы сраженій, сидѣлъ чаще всего въ покойныхъ квартирахъ, за письмен-

нымъ сполнкомъ, и занимался литературою.

Ведя войну въ такомъ расположеніи духа, Фридерикъ вѣроятно скоро бы окончилъ ее, если бы сильная союзница его, Россія, не склонилась на просьбы его и не взяла сторону его, и тѣхъ изъ Принцевъ-искашелей наслѣдства Баварскаго, которые были подъ защитой его. Это случилось въ то самое время, когда окончилась война Русскихъ съ Турками, и было причиною, ускорившею ея окончаніе. Какъ скоро войско Екатерины получило повелѣніе итти на помощь къ Королю Прусскому, Марія Терезія сдѣлалась гораздо стоворчивѣе въ спорахъ о Баваріи; другіе участники наслѣдства послѣдовали примѣру ея, и Императрица Русской принадлежала честь окончить важную для Европы ссору почти всей Германіи. При этомъ случаѣ много пострадала гордость Австрійскаго двора. Давно ли онъ былъ первымъ, знаменипѣйшимъ, древнѣйшимъ

по своему Императорскому достоинству въ Европѣ?—А теперь, новое, еще такъ недавно образованное государство, пользовалось уже первенствомъ и заставляло всѣ другія государства покоряться своей волѣ? Марія Терезія никогда не могла простить Екатерину, этого обиднаго для Австріи превосходства Россіи. Но съ завистию смотря на славу Императрицы Русской, она не могла тайно не удивляться Ей, особливо когда вскорѣ потомъ, новое дѣло Екатерины заставило самыхъ жестокихъ враговъ Ея согласиться, что она справедливо занимала первое мѣсто между Европейскими государями, Ей современными.

Знаменитость этого дѣла, болѣе всего доставила Екатерину эту новую славу, о которой мы говорили въ началѣ этого разсказа, милыя дѣти. Вы должны узнать о немъ подробно, потому что оно очень важно.

Вѣрно всѣ вы, друзья мои, уже понимаете, сколько пользы приносите

торговля государствамъ, и даже всякому небольшому обществу людей? Она удовлетворяетъ всѣ нужды ихъ, доставляетъ одной странѣ произведенія другой, знакомитъ ихъ между собою, переноситъ просвѣщеніе изъ мѣстъ образованныхъ въ селенія дикія, еще лишенные этого счастья. Всѣ эти выгоды дѣлаются особенно важны, если торговля производится посредствомъ мореплаванія, соединяющаго между собою, самыя отдаленныя страны, почему мудрые Государи и правители народныя всегда покровительствовали мореплаванію и торговлѣ. Прежде всѣхъ начала славиться симъ покровительствомъ Англія, и въ то время, когда открытіе Америки, и вмѣстѣ съ нею открытіе безчисленныхъ богатствъ ея, произвело между государствами Европейскими много споровъ и войнъ за владѣнія въ Новомъ Свѣтѣ, Англія, одна Англія защищала торговлю, которая имѣла большую нужду въ этой защитѣ: безпокойства народныя несо-

гласіе и войны, бывають всегда для нее губительны. Англія умѣла спасти ее въ это смутное время, распространивъ во всѣхъ странахъ правило, что опустошенія войны не должны касаться до тѣхъ государствъ, которыя не участвуютъ въ ней, и что корабли ихъ могутъ безъ всякой опасности ходитъ съ товарами своими, по всѣмъ морямъ. Здѣсь надобно сказать вамъ, милыя дѣти, что такое неучаствующее въ войнѣ, т. е. незащищающее ни ту, ни другую изъ спорящихъ сторонъ, государство, называется *нейтральнымъ*, отъ слова *нейтралитетъ* (неучастіе).

И такъ нейтральные корабли, благодаря покровительству Англіи, долго пользовались правами своими, и безопасно привозили товары даже въ такія государства, которыя вели войну. Но великодушіе Англичанъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока на моряхъ были у нихъ опасные соперники, Французы; когда же во время одной войны съ Франціей, удалось имъ испребитъ

почти всю морскую силу этого государства, и сдѣлапья повелителями всѣхъ морей, дѣло взяло другой оборотъ: Англичане увидѣли, что защита торговли нейтральныхъ государствъ лишаетъ ихъ большихъ выгодъ, и только ихъ однихъ, потому что всѣ другія государства уже не имѣли возможности спорить съ ними на морѣ. Для чего же и прошивъ кого защищать то, что только они одни могли брать, безъ всякихъ споровъ, по праву сильнаго? Разсуждая такимъ образомъ, Англичане начали поступать совершенно прошивъ того, какъ поступали прежде, и если они имѣли войну съ какимъ либо государствомъ, то всякій корабль, шедшій туда или отсюда, дѣлался законною собственностью ихъ, какъ скоро они могли только захватить его. Въ это время они уже не обращали вниманія на то, что такой корабль могъ быть *нейтральнымъ*: они присвоивали себѣ всякій, и тѣмъ удобнѣе, что вели войну со многими государствами, особли-

во съ тѣхъ поръ, какъ начались безпокойства въ Американскихъ владѣніяхъ ихъ, и нѣкоторыя изъ государствъ Европейскихъ вмѣшались въ эти ссоры.

Такимъ образомъ, торговля, притѣсняемая однимъ изъ сильнѣйшихъ народовъ морскихъ, не могла не прійти въ упадокъ. Каждое государство болѣе или менѣе почувствовало это, но ни одно не осмѣливалось спорить съ могущесшвенною, непобѣдимую на морѣ, Англіей. Положеніе многочисленнаго класса людей, занимавшихся торговлею, сдѣлалось особенно снѣснительно и несчастно съ 1778 года, когда открылась явная война у Англичанъ съ Французами въ Америкѣ. Скажемъ подробнѣе о причинахъ этой важной войны.

Англичане, всегда опличавшіеся торговыми дѣлами и мореходствомъ, основали много колоній въ Сѣверной Америкѣ. Эти колоніи, сосшоя первоначально изъ нѣсколькихъ семействъ, начали быстро увеличиваться пересе-

ленцами изъ Англіи, а въ послѣдствіи времени, и изъ другихъ государствъ Европейскихъ. Такіе успѣхи произошли отъ выгодъ, предоставленныхъ Англійскимъ правительствомъ жителямъ новыхъ обласпей и отъ изобилія природы Американской, обѣщавшей богатство даже и тѣмъ людямъ, которые, не смотря на свои неупомимые труды, не могли избавиться отъ бѣдности въ Европѣ. Такимъ образомъ, Англійскія провинціи въ Сѣверной Америкѣ сдѣлались наконецъ столько многолюдны и сильны, что могли уже составить опредѣленное государство, независящее отъ прежняго опечества его, Англіи. Отдаленность этого опечества, неудобства сношеній съ нимъ, и происшедшіе отъ того безпорядки въ правленіи, заставляли Американскихъ Англичанъ сильно желать освобожденія отъ зависимости Старой - Англіи. Но они не досишли бы такъ скоро исполненія своего желанія, — если бы Французы не помогли имъ и деньгами и вой-

скомъ. И вотъ та война въ Америкѣ, о которой мы говорили теперь, и во время которой Англичане, болѣе нежели когда нибудь, припѣсняли торговлю не только государствъ воевавшихъ съ ними, но даже и нейтральныхъ. Всѣ жаловались, ропшали на эту несправедливость, но никто не смѣлъ вспуниться за обиженныхъ. Наконецъ, явилась великодушная Защитница, и это была Государыня Русская. Трудно было взять на себя это важное дѣло, но Екатерина не боялась трудностей: въ необыкновенномъ умѣ ея уже былъ прекрасно придуманъ планъ защиты. Онъ долженъ былъ заключаться въ союзѣ государей, добровольно соединившихся, чтобы покровительствовать нейтральные корабли и защищать ихъ отъ всякихъ нападений тѣхъ государствъ, которые вели между собою войну. Этотъ союзъ названъ былъ *Вооруженнымъ нейтралитетомъ*. Правила его сочинены были самою Императрицею, и потому должны быть любезны для насъ, милые читатели мои!

Въ первой и главной статьѣ ихъ сказано было, что нейтральные корабли имѣють совершенную свободу ѣздишь по всѣмъ морямъ и входишь во всѣ гавани воюющихъ государствъ; что всѣ вещи, находящіяся на такихъ корабляхъ, хотя бы и непріятельскія, считаются неприкосновенными, кромѣ одной конпрбанды, т. е. запрещенныхъ товаровъ, а въ этомъ случаѣ, запрещенными товарами почитались только военные снаряды и припасы, кошорые бы могли быть полезны для непріятеля. Такая конпрбанда отбиралась правительствомъ воюющаго государства, — все же прочее могло безопасно перевозиться на нейтральномъ кораблѣ. Правила вооруженнаго нейтралитета, заключались поржественнымъ объявленіемъ Императрицы, что всѣхъ нарушителей ихъ, Она будетъ почитать своими врагами, и флотъ Ея всегда готовъ будетъ наказатъ ихъ.

Теперь вы понимаете, милыя дѣши, какимъ великимъ благодѣяніемъ была

эта мысль Екатерины для торговли и купечества всѣхъ странъ свѣта? Съ невольнымъ чувствомъ удивленія къ законодательницѣ принятъ былъ новый законъ Ея почти всѣми государствами Европейскими. Франція и Испанія были первыя, открыто одобрившія намѣренія Императрицы Русской, и даже приступившія къ знаменишному союзу Ея. Примѣру ихъ, пошчасъ же послѣдовали: Данія, Швеція, Голландія, Пруссія, Австрія, Португаллія и Королевство обѣихъ Сицилій. Англія хотя не вступила въ этотъ союзъ, но и не опровергла благотворительныхъ правилъ его, и напрошивъ того, показала къ нимъ все заслуженное ими уваженіе. Она надѣялась, что благодаря войнѣ, все еще продолжавшейся въ Америкѣ, и безпокойствамъ, которыя начинались тогда во Франціи и уже предвѣщали ужасный переворотъ, вскорѣ попомъ совершившійся въ этой несчастной странѣ—союзъ вооруженнаго нейтралитета будетъ существовать недолго, и

уничтожится самъ собою, безъ опаснаго спора съ его Учредительницею. Ожиданія Англіи, посредствомъ пайныхъ стараній ея, почто исполнились въ послѣдствіе времени, но по крайней мѣрѣ нѣсколько лѣтъ сряду, торговые люди всѣхъ часпей свѣта благословляли великую Государыню Россіи за свою безопасность и счастье.

Новая слава Екатерины доставила Ей новыхъ почитателей во всѣхъ странахъ, куда доходилъ слухъ о дѣлахъ Ея. Не говоря о многихъ Государяхъ, не говоря объ опличнѣйшихъ изъ ученыхъ людей Франціи и Германіи, съ которыми Она переписывалась, и которые давно уже оцѣнили геніальный умъ и высокія достоинства Ея,—въ 1780 году, спустя три мѣсяца послѣ обнародованія манифеста о вооруженномъ нейтралитетѣ, число приверженцевъ Царицы Сѣверной увеличилось лицомъ знаменитымъ: Императоръ Австрійскій Іосифъ II, сынъ Маріи Терезіи, пріѣхалъ въ Россію единственно для того,

чтобы лично узнать ту великую Государыню, о которой молва разносила по свѣту такъ много чудеснаго, и которую мать его очень не любила. Не раздѣля этого нерасположенія, но наслушавшись о немъ, Іосифъ пріѣхалъ къ Рускимъ, съ предубѣжденіемъ противъ Екатерины. Но какъ перемѣнились чувства его, когда онъ увидѣлъ Ее! Это достопамятное свиданіе происходило въ Бѣлоруссіи, которую Императрица ѣздила осматривать въ 1780 году, въ первый разъ послѣ присоединенія этой страны къ ея древнему отечеству. Іосифъ, услышавъ объ этомъ, просилъ у Нее позволенія пріѣхать туда же. Екатерина, съ удовольствіемъ соглашаясь на просьбу его, назначила городъ *Могилевъ* мѣстомъ свиданія. Нетерпѣливый Императоръ, подъ простымъ именемъ *Графа Фалкенштейна* пріѣхалъ туда прежде Государыни, и чтобы увидѣть Ее нѣсколькими часами ранѣе, ѣздилъ до мѣстечка *Шклова*, гдѣ представился Ей и потомъ поспѣшилъ впе-

редъ, чтобы имѣть удовольствіе встрѣ-
шить Ее при въѣздѣ въ Могилевъ.
Этотъ въѣздъ былъ торжественный:
жиители всей Бѣлоруссіи, желали пока-
зать усердіе свое Государынѣ, и всѣ
сословія ихъ участвовали въ пышной
встрѣчѣ, Ей сдѣланной. Іосифъ, поль-
зуясь своимъ инкогнито, вмѣшивался
въ это время въ толпы народныя, и
былъ свидѣтелемъ той искренней при-
вязанности, которую чувствовали къ
Екатеринѣ—Ея подданные, и того очаро-
ванія, которое эта удивительная Го-
сударыня разливала вокругъ Себя. Не-
вольно покорился и онъ этому очаро-
ванію, и предубѣжденіе, внушенное ему
матерью, разсѣялось при первомъ раз-
говорѣ съ Екатериною: высокій умъ,
величіе, которымъ исполненъ былъ
видъ Императрицы, благородство, ко-
торымъ дышало каждое слово ея, и
при всемъ этомъ, пріятная простота
обхожденія, такъ поразили сына Маріи
Терезіи, что онъ, почти не обращая
вниманія на великолѣпные праздники

Двора, которые давались въ Могилевѣ, желалъ наслаждаться только бесѣдою Государыни. Съ этого времени прежня, частыя неудовольствія между Дворами Рускимъ и Австрійскимъ замѣнились искреннимъ дружествомъ, которое черезъ четыре мѣсяца потомъ, еще болѣе ушвердилось: Марія Терезія скончалась, и Іосифъ сдѣлался одинъ обладателемъ престола.

Не одинъ Могилевъ удостоился чести принимать высокаго гостя чужеземнаго: Императоръ Австрійскій ѣздилъ отсюда и въ Москву, а потомъ и въ Петербургъ, куда Государыня возвратилась прямо изъ Бѣлоруссіи. (*)

(*) Возвращеніе Ея въ Петербургъ было особенно примѣчательно въ этотъ разъ. Дворянство Петербургское, глубоко чувствуя и славу Императрицы, и всѣ благодѣянія, какія изливала Она на царство Свое, — желало показать Ей свою безпредѣльную любовь и благодарность. Скоро придуманъ былъ планъ, и приступлено къ его исполненію: положили поднести Императрицѣ названіе *Великой и Матери отечества*, и построить великолѣпныя триумфальныя ворота для торжественной

Любопытный Іосифъ осматривалъ всѣ примѣчательности въ городахъ, мимо которыхъ проѣзжалъ, восхищался Москвою, ея старинными, величественными дворцами, ея живописными окрестностями.

Оставивъ древнюю столицу Русскихъ, Іосифъ съ удивленіемъ увидѣлъ

встрѣчи. Собрали уже и большую сумму денегъ для этой постройки, но прежде нежели она началась, Екатерина узнала обо всемъ, и вопль что написала съ дороги къ Генералъ-Губернатору Петербургскому: „Увѣдомилась я, что дворянство С. Петербургской Губерніи, вздумало приносить Мнѣ шишулы, и собирася сдѣлать огромныя встрѣчи. Вамъ извѣстна образъ мыслей Монахъ, а потому и судить можете, коль излишнимъ и непристойнымъ все то „Я починаю. Не пріобрѣтсвіе пустыхъ названій есть предметъ моего царствованія, но доставленіе блага и спокойствія отечеству и вознесеніе славы и величія его; почему и не можетъ иное Мнѣ пріятно быть какъ повиновеніе воли Моей, ревностное каждымъ званіи на него возложеннаго исполненіе, вмѣсто упрежденія въ подобныхъ выдумкахъ. Равнымъ образомъ и встрѣча для меня не нужна. Чего ради, Я желаю, чтобы собранныя деньги отданы были въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія для употребленія на дѣла полезныя. Сіе письмо сообщите Кня-

себя меньше нежели въ шрѣе супокъ въ новой. Здѣсь, на каждомъ шагу удивленіе его увеличивалось. Все, что разсказывали ему о красотѣ и великолѣпїи города, такъ недавно еще созданнаго, показалось ему недоспапочно, когда онъ собственными глазами увидѣлъ чудесное

„зю Александру Алексѣевичу Вяземскому, такъ
какъ можете сдѣлать сіе со всеми другими, кои бу-
дуть любопытствовать о семъ. Пребываю впро-
чемъ къ вамъ доброжелательная

ЕКАТЕРИНА.

„PS. Сїя есть непремѣнная воля моя, которую
выполнишь вамъ предписываю.,,

Такое скромное отреченіе опъ почести, принятой многими знаменитыми Государями, сдѣлано было уже не въ первый разъ Екатериною: еще въ 1767 году, послѣ блестящаго пашильтія Ея царствованія, Сенатъ опредѣлялъ поднести Ей названіе *Премудрой*, и воздвигнуть памятникъ, для котораго уже собрано было 52,000 рублѣй. Екатерина отказалась отъ шого и другаго, и прибавивъ къ собраннымъ деньгамъ, своихъ 150,000 руб., отдала ихъ для училищъ, больницъ и богадѣленъ. Такой отказъ для великой души былъ не труденъ, и благословенія нѣсколькихъ тысячъ бѣдныхъ, осчастливленныхъ новымъ благодѣаніемъ Ея, конечно сповли самаго великолѣпнаго памятника!

Часть V.

твореніе Петра. Онъ отказался на нѣсколько дней отъ удовольствій Двора, чтобы въ подробности рассмотреть достопримѣчательности того мѣста, гдѣ семьдесятъ-семь лѣтъ тому назадъ, не было ничего, кромѣ дикаго лѣса и болота. Съ какимъ благоговѣніемъ взоры его обращались въ это время уединенія, на низенькій дворецъ великаго Преобразователя Россіи, на эпоху первый домикъ Петербурга! Кто изъ иностранцевъ могъ ожидать, что въ такое короткое время, прошивъ этого скромнаго жилища Основателя столицы, возвысится величественное зданіе дворца Его наследниковъ, что въ пышныхъ комнатахъ этого дворца, будетъ часто рѣшаться участь государствъ Европейскихъ! Конечно, никто, когда самъ Іосифъ, видѣвшій все собственными глазами, едва вѣрилъ имъ! такъ все окружавшее Екатерину походило на міръ волшебный! Императоръ особенно чувствовалъ это въ Царскомъ-Селѣ, котораго пышныя красоты, въ самомъ

дѣлъ поражали удивленіемъ всѣхъ видѣвшихъ ихъ. Кромѣ прелестей природы и искусства, такъ прекрасно соединенныхъ въ этомъ очаровательномъ мѣстѣ, Екатерина, для увеселенія гостя Своего, каждый день придумывала новыя удовольствія. Балы, спектакли, концерты, безпрестанно мѣнялись; то же разнообразіе наблюдалось и въ прогулкахъ: начинаясь въ Царскосельскомъ саду, онѣ часто оканчивались въ Павловскомъ; даже обѣды не были всегда одинаковы, и если вы хошите знать, милыя дѣти, гдѣ Екатерина всего болѣе любила кушанья съ гостями Своими, то бывая съ саду Царскаго—Села, пойдите въ ту сторону, гдѣ идетъ дорога къ Александровскому корпусу, и попросите показать вамъ небольшое, двухъ-этажное строеніе въ родѣ павильона или бесѣдки, извѣстное подъ названіемъ *эрмитажа*. Здѣсь, вы увидите столъ, устроенный съ особеннымъ механизмомъ: по звону колокольчика, приборы его опускаются внизъ и являющ-

ся опшуда съ другими кушаньями, такъ что можно объдашь безъ всякой прислуги на верху: она нужна бываешъ шолько внизу, для перемѣны блюды и тарелокъ.

Графъ Фалкенштейнъ былъ и въ Кронштадтѣ, и даже въ Сестрѣбекѣ. Наконецъ обозрѣвъ въ столицѣ и въ окрестностяхъ, все достойное вниманія, и въ особенности порядокъ военныхъ и благошворительныхъ заведеній, восхищенный Россією и получивъ удостовереніе въ дружесствѣ Екатерины, Іосифъ оставилъ сѣверную столицу нашу, исполненный глубокаго уваженія и преданности къ Ея Велишельницѣ.

Императоръ Австрійскій былъ не первымъ, царшвеннымъ гостемъ Екатерины: Шведскій Король Густавъ III и братъ Фридерика II-го, Принцъ Гейнрихъ Прусскій, пріѣзжали за нѣсколько лѣтъ до него. Принцъ Гейнрихъ былъ даже не одинъ разъ, и пріѣздъ его въ 1776 году, имѣлъ важное слѣдствіе: супружество наследни-

ка престола Русскаго съ племянницею Фридерика, Принцессою Виртембергскою, извѣсною всѣмъ намъ, милыя дѣти, подъ драгоцѣннымъ именемъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Она была второю супругою Великаго Князя Павла Петровича. Первая, принцесса Гессенъ-Дармштадтская, Августа-Вильгельмина, названная при муропомазаніи *Натальею Алексіевною*, жила очень недолго въ Россіи, и скончалась въ томъ самомъ 1776 году когда Принцъ Прусскій былъ въ Петербургѣ. Онъ былъ свидѣтелемъ сильной горести Цесаревича о потерѣ нѣжно-любимой супруги, старался вмѣстѣ съ Императрицею утѣшать его, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ попомъ предложилъ ему въ супружество племянницу свою. Великій Князь вмѣстѣ съ нимъ ѣздилъ въ Берлинъ, и онъ самаго Фридерика Великаго получилъ руку прелестной невѣсты Своей, и вмѣстѣ съ нею, то рѣдкое, семейственное счастье, которымъ наслаждался въ продолженіе

всей жизни своей. Первымъ сыномъ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, первымъ утѣшеніемъ Великой Родительницы ихъ, былъ Великій Князь *Александръ*, родившійся 12 Декабря 1777 года. Это будетъ въ послѣдствіе времени, незабвенный Императоръ нашъ, Александръ I.

КНЯЗЬ ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ.

Отъ 1780 до 1786 года.

(Пер. 6 лѣтъ.)

Много людей знаменитыхъ великими дарованіями явилось при Екатеринѣ: царствованіе Ея было особенно счастливо въ этомъ случаѣ, или лучше сказать, геній Ея умѣлъ угадывать такихъ людей, умѣлъ извлекать ихъ изъ неизвѣсности, и украсивъ всѣмъ блескомъ, котораго были достойны, открывалъ для нихъ, по поприще, гдѣ они могли бытъ вполне полеаны об-

ществу. Между лицами, вознесенными такимъ образомъ Екатериною на высоту почестей, князь Григорій Александровичъ Потемкинъ - Тавригескій занимаетъ первое мѣсто по важности шѣхъ происшествій, когорыя въ исторіи опечества нашего соединяются съ его именемъ. Все, что касается до этого человека, необыкновеннаго во многихъ отношеніяхъ, чрезвычайно любопытно, и потому самые частные случаи жизни его не могутъ назваться излишними въ исторіи

Отецъ Григорія Александровича былъ небогатый, опспавной маіоръ, служившій прежде въ гарнизонномъ полку. Со времени опспавки, онъ жилъ въ маленькомъ помѣстьѣ своемъ, недалеко отъ Смоленска, и здѣсь—то, въ Сентябрѣ 1739 года, родился у него сынъ, въ послѣдствіи, столь знаменитый. Во все не подозрѣвая эту будущую знаменитость малюшки, скромный маіоръ, часто шерпѣвшій нужду по спѣсеннымъ обстоятельствомъ своимъ, забо-

тился только о томъ, чтобы доставить сыну, состояніе болѣе выгодное и также родъ службы, который бы не былъ соединенъ съ издержками, для него невозможными. Разсуждая такимъ образомъ, онъ не находилъ ничего лучше духовнаго званія, и потому далъ сыну своему первое образованіе въ Смоленской семинаріи. Наслышавшись съ дѣлства о назначеніи своемъ, молодой Пошемкинъ, казалось, получилъ къ нему склонность, и въ послѣдствіе времени, когда окончивъ курсъ въ семинаріи, онъ былъ уже переведенъ въ Московскій университетъ, гдѣ по способностямъ своимъ и прилежанію считался однимъ изъ отличѣйшихъ учениковъ. Но получивъ въ 1756 году золотую медаль за успѣхи, онъ совсѣмъ пересталъ ходить въ университетъ, и все время свое проводилъ съ монахами Заиконоспасскаго и Греческаго монастырей. Пошемкинъ, казалось, любилъ удивлять неожиданностію поступковъ своихъ и непоспоянствомъ своего вкуса. Послѣд-

нее было отличительною чертою его, въ продолженіе всей жизни, и особенно обнаружилось въ то время, когда ему надобно было выбрать родъ жизни. Всѣ ожидали, что онъ избересть монашество или службу гражданскую, которая со временемъ могла бы довести его до желаемыхъ почестей, но къ удивленію всѣхъ, Пошемкинъ избралъ другой путь. Онъ захотѣлъ быть военнымъ. Военная служба была въ то время лучшею дорогою для людей, желавшихъ и имѣвшихъ возможность отличиться; но это состояніе было затруднительно для бѣднаго молодаго человѣка: Пошемкинъ нуждался въ пособіи. Въ немъ принималъ участіе *Алевросій*, Архіепископъ Крупицкій и Можайскій, попомъ самый, которъ послѣ, во время чумы, погибъ отъ мясоежниковъ Московскихъ; онъ особенно любилъ умнаго Григорья Александровича. Видя его мужественно-прекрасную наружность, его величественный, можно сказать даже, колоссальный ростъ; восхищаясь его рѣдкими спо-

собностями, и какъ будто предчувствуя, что они доведутъ любимца его до желаемой цѣли, онъ одобрилъ его намѣреніе, и доставилъ средства исполнить его: пятьсотъ рублей сдѣлали Пошемкина богачемъ. Получивъ ихъ отъ добраго друга своего, онъ тотчасъ же отправился въ Петербургъ, и записался въ конную гвардію. Предчувствіе не обмануло Амвросія: Пошемкинъ вскорѣ замѣченъ былъ въ полку не только какъ усердный исполнитель своей должности, но и какъ образованный молодой человекъ. Не увлекаясь эпимъ лестнымъ мнѣніемъ начальниковъ и товарищей своихъ, онъ, напрошивъ того, старался въ полной мѣрѣ заслуживать его, и почти все свободное время свое употреблялъ на изученіе французскаго языка, коимъ тогда мало занимались въ университетѣ и коимъ было необходимо для людей высшаго общества, а молодой Пошемкинъ непременно хотѣлъ принадлежать къ нимъ. И это желаніе, и вообще всѣ мечты о его

возвышеніи скоро начали осуществляться по самому странному, неожиданному и, казалось, ничтожному случаю. Это было въ день восшествія на престоль Императрицы Екатерины, и почти въ самыя пѣ минушы, когда Она принимала опѣ гвардіи присягу въ вѣрности. Окруженная всѣми полками, Государыня, верхомъ на прекрасной лошади, держала въ рукахъ шпагу, для которой вдругъ вздумала спросить шемлякъ. Пошемкинъ, въ это время вахмистръ въ полку своемъ, былъ одинъ изъ первыхъ, услышавшихъ слова Императрицы. Сорвать свой собственной шемлякъ, подѣхаться къ Государынь, и поднести его было дѣломъ одной минушы для молодого, ловкаго, пламенно-усерднаго гвардейца. Съ обыкновенною благосклонностью своею, Императрица приняла эту услугу, и Пошемкинъ хотѣлъ уже опѣхаться къ своему мѣсту, какъ вдругъ лошадь его, привыкшая къ эскадронному ученью, остановилась подлѣ лошади Государыни, и не смотря на всѣ

усилія всадника, не хотѣла опойши
опь нея.

ЕКАТЕРИНА обратила вниманіе на
молодаго, вспревоженнаго вахмистра и
чтобы ободришь его заговорила съ нимъ.
Его наружность и разговоръ, шакъ
понравились Императрицѣ, что на дру-
гой же день Она пожаловала его офи-
церомъ гвардіи, и пошомъ камеръ-юн-
керомъ Двора Своего.

Такимъ образомъ самое маловажно
происшествіе открыло передъ Пошем-
кинымъ, то поприще могущеснва и сла-
вы, о которомъ онъ мечпалъ, какъ буд-
то по предчувствію, въ студенческіе го-
ды свои.

Первое дѣло, которое поручили ему
по части министерской и дипломати-
ческой, было—увѣдомленіе посла нашего,
при Шведскомъ дворѣ, Графа Осшерма-
на, о восшествіи на престолю Импе-
ратрицы. Удачно исполнивъ сдѣланное
ему порученіе, онъ возвратился изъ
Стокгольма съ новыми надеждами на
возвышеніе, и не ошибся: опличныя

его способности приобрѣли ему благо-
склонность знаменитѣйшихъ въ то вре-
мя изъ приближенныхъ Государыни—
Орловыхъ. Вліяніе ихъ увеличило бла-
говоленіе къ нему Императрицы, и до-
вершило успѣхи его на блискашеляномъ
поприщѣ, такъ неожиданно опкрывшем-
ся передъ нимъ. Онъ удостоился чести
быть принятымъ въ самое короткое
общество Императрицы, и здѣсь-но, въ
этой прекрасной сферѣ, гдѣ все дыша-
ло умомъ, любезностію и совершенною
простою въ обхожденіи, окончилось
образование молодаго Пошемкина, и раз-
вился въ полной мѣрѣ необыкновенный
геній его. Въ 1768 году, онъ былъ уже
дѣйствительный камергеръ и секундъ-
ропмистръ конной гвардіи. Но легко
получаемыя награды не удовлетворяли
его возвышеннаго честолюбія: онъ же-
лалъ заслужить ихъ вполнѣ, желалъ
возвыситься надъ другими истиннымъ
достоинствомъ, а не одиѣми почестя-
ми и обрадовался, когда опкрывшаяся
въ 1769 году война съ Турками, достави-

ла ему прекрасный къ шомуслучай. Во все продолженіе ея, онъ находился въ дѣйствующей арміи, сначала подъ начальствомъ князя Голицына, а потомъ фельдмаршала, графа Румянцева; отличался храбростію во всѣхъ дѣйствіяхъ прошивъ непріятеля, и особенно въ сраженіяхъ при Фокшанахъ, Ларгѣ и Калугѣ, при взятіи Измаила, Киліи, однимъ словомъ, во всѣхъ главныхъ дѣлахъ Русскихъ войскъ, и за то награжденъ былъ чиномъ генераль-маіора, и потомъ въ 1772 году—генераль-поручика. Въ 1773, когда армія наша уже перешла за Дунай, Попемкинъ показалъ чудеса храбрости при самомъ переходѣ, и потомъ въ сраженіи подъ Силиспріей, но неизвѣстно почему, остался безъ награжденія. Оскорбленный такимъ невниманіемъ начальства и увѣренный въ справедливости Императрицы, всегда щедро награждавшей усердіе подданныхъ, онъ осмѣлился написать къ Ней письмо, столь же необыкновенное, какъ необыкновенно было все въ этомъ человѣкѣ. Сіе письмо, начинаясь

искуснымъ описаніемъ огорченія, какое причиняла его мысль, что можетъ бытъ Государыня считаешь его менѣе другихъ достойнымъ Высочайшихъ милостей, оканчивалось слѣдующими спроваками:

„Симъ будучи шерзаемъ принялъ дерзновеніе, павъ къ священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, просишь, ежели служба моя достойна Вашего благоволенія, и когда щедроша и Высокомоуаршая милоспъ не оскудѣваюшь, разрѣшишь сіе сомнѣніе мое, пожалованіемъ меня въ генераль адьюшанты Вашего Императорскаго Величества. Сіе не будетъ никому въ обиду, а я приму за верхъ моего счастья, шѣмъ паче, что находясь подѣ особливимъ покровишельствомъ Вашего Величества, удоспоюсь принимати премудрыя Ваши повелѣнія, и вникая въ оныя, сдѣлаюсь влщше способнымъ къ службѣ Вашего Императорскаго Величества и опечеспва.“

Пошемкинъ просилъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ отличій, и Государы-

ня, проникнувшая гениальными взорами все, чего можно было ожидать отъ Пошемкина, и что скрывалось подъ спранностями, иногда его опличавшими, не только исполнила просьбу его, но даже Сама собственноручнымъ письмомъ уведомила его объ этомъ. И это письмо чрезвычайно любопытно; нѣсколько словъ, взятыхъ изъ него, могутъ показать возвышенный образъ мыслей Екатерины. Напримѣръ, слѣдующія выраженія Великой: „Признаюсь, „что и сіе Мнѣ весьма пріятно, что „довѣренность ваша ко Мнѣ была па- „кова, что вы просьбу вашу адресова- „ли прямо письмомъ ко Мнѣ, а не иска- „ли побочными дорогами. „

Восхищеніе Пошемкина при чтеніи этого лестнаго для него письма, было не описанно: никогда счастье его не казалось ему такъ велико! Исполненный живѣйшею благодарностію, онъ желалъ лично засвидѣтельствовать ее глубоко-уважаемой Государынѣ, и Кайнарджискій миръ доставилъ ему возможность сдѣлать

это: онъ оставилъ армию и пріѣхалъ въ Пешербургъ. Никшо изъ возвратившихся генераловъ, побѣдителей Турокъ, не было веселѣе Потемкина въ первое время новаго появленія его при Дворѣ: всѣ восхищены были его любезностію, и шѣмъ выраженіемъ счастья, которое, казалось, дышало на лицѣ его. Вдругъ, новая переменна желаній, новое непостоянство вкуса, или, лучше сказать, новый припадокъ странностей, неразлучныхъ съ характеромъ этого удивительнаго человека, измѣнилъ совершенно родъ жизни его: изъ придворнаго, самаго любезнаго и привлекательнаго въ обществѣ, онъ сдѣлался задумчивымъ, угрюмымъ, переспалъ ѣздить ко Двору, наконецъ объявилъ, что желаетъ постричься въ монахи, и для того переѣхалъ въ Александро-Невскій монастырь. Сначала никшо не хотѣлъ вѣрить распространившемуся слуху, но когда точно узнали что храбрый генералъ, недовольный свѣтомъ, надѣлъ уже монашеское плашье, опросилъ бо-

роду и учился службѣ церковной, всѣ сожалѣли о важной потерѣ, какую дѣлало государство, лишаясь такого человека. Императрица, болѣе всѣхъ любившая это государство и лучше всѣхъ понимавшая достоинства Потемкина, не могла не раздѣлять общаго сожалѣнія, и не употребить всѣхъ стараний Своихъ, чтобы основать исполненіе страннаго намѣренія. Можетъ быть, имѣя непріятелей при Дворѣ, или еще не вполне довольный возвышеніемъ своимъ, Потемкинъ желалъ обратить на себя большее вниманіе Государыни; пользоваться особенною довѣренностію Ея; не ошибся въ средствѣ: Екатерина осыпала его новыми милостями; поручила ему важнѣйшія изъ дѣлъ, и пронутый благодѣянiami Ея, приспѣженный недѣляпельностію своею въ то время, когда отечество ожидало отъ него такъ много, Потемкинъ, сбросилъ монашескую одежду, и въ счастіи, болѣе прочномъ нежели прежде, явился ко Двору. Съ сихъ поръ начинается

эпоха блистательнѣйшей славы его и великихъ заслугъ, оказанныхъ имъ Рос-сіи. Получивъ въ числѣ новыхъ наградъ чинъ генераль-аншефа, и за храбрость въ войнѣ Турецкой, орденъ св. Георгія 2 класса, онъ почти въ то же время, (въ 1775 году) сдѣланъ былъ генераль-губернаторомъ, или какъ чаще называли тогда *Царскимъ Намѣстникомъ* Губерній: Новороссійской и Азовской. Находясь въ этой должности, имѣлъ онъ въпер-вый разъ случай показать къ какимъ важ-нымъ дѣламъ способенъ былъ его возвы-шенный, твердый и рѣшительный духъ.

Вопь что сдѣлалъ онъ: вы вѣрно не забыли, милые чипшатели мои, казаковъ Запорожскихъ? вы вѣрно помните, что эти казаки были самые дерзкіе, самые непокорные и самые жестокіе люди изъ всѣхъ племенъ, своевольствовав-шихъ въ порубежныхъ краяхъ опе-чества нашего. Ни образованіе и усп-ройство, которымъ подвергались всѣ сіи поколѣнія, каждое въ свою очередь, — ни перемѣны, улучшавшія состояніе

Малороссійскихъ казаковъ во время власти надъ ними королей Польскихъ и пошомъ Государей Русскихъ, не имѣли почти никакого вліянія на судьбу Запорожцевъ: съ упрямствомъ отвергая всякій порядокъ, даже всѣ условія жизни общественной, (*) они продолжали буйную и своевольную жизнь свою и послѣ подданства Россіи, Хмельницкаго. Они дѣлали еще гораздо болѣе: не смотря на это подданство Малороссійскихъ казаковъ, къ которымъ и сами принадлежали, они присягали не одинъ разъ по Султану Турецкому, по снова Королю Польскому, измѣняли даже Петру Великому, и только послѣ Полтавской побѣды его нѣсколько усмирѣли. Но и это было не надолго: въ царствованіе преемниковъ Петра, своевольства ихъ начались съ новою силою, и при Екатеринѣ II-й достигли такой

(*) Читатели мои конечно помнятъ также и то, что Запорожскіе казаки не терпѣли жизни семейственной и почти всѣ оставались всегда холостыми.

степени, что Запорожцы захватывали не только земли, принадлежавшія, сосѣдственной съ ними, Новороссійской губерніи, но даже и мирныхъ жителей ея. Этого еще мало: однажды они силою увели къ себѣ около осьми тысячъ душъ изъ гусарскаго и пикенернаго полковъ, составлявшихъ главную часть населенія Новороссійской губерніи. Но здѣсь къшаши скажутъ вамъ, милыя дѣти, и объ этой, сосѣдней Запорожцамъ, губерніи, обратившей также на себя все вниманіе Пошемкина. Онъ былъ почти первымъ образователемъ Новой-Россіи, сего примѣчательнаго края въ опечесивѣ нашемъ. Подъ его дѣятельнымъ и просвѣщеннымъ управленіемъ, Новороссійская степь, или всею пространствомъ по берегамъ Чернага и Азовскаго морей, изъ котораго состояются теперь губерніи *Екатеринославская* и *Херсонская* — перестала быть настоящею степью и потому, справедливоспъ пребуешъ рассказать вамъ, милыя дѣти, подробнѣе о дѣйств-

віяхъ его на эшомъ, можно сказаць, блистательномъ поприщѣ для Потемкина, какъ генераль-губернатора Новороссійскаго. И шакъ, мы оставимъ покамѣсть безпокойныхъ казаковъ Запорожскихъ, и шѣмъ удобнѣе можемъ сдѣлать это, что исторія Новой-Россіи, соединяясь съ ихъ собственною исторіею, сама собою приведетъ насъ снова къ нимъ.

Еще въ 1740 году, Новороссійская степь была совершенно безлюдна. Такъ какъ она лежала на границахъ нашихъ съ Турціею и Польшею, то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея, ближе къ Русскимъ владѣніямъ, строили только небольшія крѣпости, и селили нѣсколько легкихъ войскъ, какъ обыкновенно дѣлалось это на границахъ. Они состояли по большей часи изъ Сербовъ, славившихся своею храбростію, и вызванныхъ на службу къ намъ, какъ искусныхъ оберегателей границъ. Но число этихъ войскъ было шакъ невелико, что при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, состояло только изъ *шести сотъ* человекъ

Сербскаго гусарскаго полка. Эти гусары примѣчательны, какъ первые извѣстные жишели Новороссійской степи. Въ послѣдствіи времени присоединились къ нимъ другіе полки изъ вызванныхъ такимъ же образомъ въ Россію, *Волоховъ*, *Грузинъ*, *Болгаръ* и *Грековъ*. Русскіе же поселенцы Новой-Россіи состояли — какъ чинапели мои уже знаютъ — изъ бѣглецевъ Великороссійскихъ и Малороссійскихъ, спасавшихъ опечесиво свое въ грозное правленіе Бирона, и возвратившихся при крошкѣ Дочери Петра I-го. Такъ было до 1751 года, въ которомъ населенность значительно увеличилась цѣлою колоніею изъ 218 человекъ Сербовъ, испросившихъ у Императрицы Елисаветы позволеніе поселиться на плодоносныхъ мѣстахъ степи, и быть подданными Ея и защитниками границъ. Большая часть этихъ выходцевъ, которыхъ начальникомъ былъ опставной полковникъ Авспірійской службы, *Иванъ Хорванъ*, были люди военные, и должны были опасться

такими, получивъ отъ Императрицы землю для селенія своего. Такимъ образомъ соснавилось *первое военное земледѣльческое поселеніе* въ степи Новороссійской.

Выгоды, которыми пользовались эти поселенцы, привлекали въ Россію безпрестанно новыхъ выходцевъ изъ разныхъ странъ. Почни съ каждымъ годомъ появлялись новые полки гусарь, казаковъ и пикинеровъ, строились крѣпости и шанцы, и въ 1753 году, были уже и города. Со времени военно-земледѣльческихъ поселеній, всѣ являвшіеся охотники жить въ Новой-Россіи должны были записываться въ полки ея. Къ нимъ же, по повелѣнію Императрицы Елисаветы, причислялись и всѣ старообрядцы, и Русскіе крестьяне, нѣкогда бывшіе въ Польшу и попомъ возвращенные въ опечеснво милоспивыми указами Государей своихъ. Такимъ образомъ все населеніе Новой - Россіи, — названное въ 1752 году *Новосербією* — состояло изъ людей военныхъ. Они зависѣли отъ военной Коллегіи

и генерала, которому поручалось отъ Императрицы наблюдение за порядкомъ военныхъ укрѣпленій и шанцевъ. И такъ, цѣль правительства была достигнута и границы имперіи, съ юга и юго-востока, защищены отъ нападений непріятельскихъ, живою спѣною воиновъ, состоявшею въ 1762 году изъ 38,000 человекъ. Это число, можетъ быть достаточное для начала, не могло казаться достаточнымъ въ то время, когда на престолъ Русскій вступила Государыня съ геніемъ Екатерины и Ея обширными планами объ усовершенствованіи всѣхъ частей Имперіи. Читатели мои уже знаютъ, какъ съ самаго начала царствованія Своего, Она заботилась о заселеніи безлюдныхъ, но плодоносныхъ странъ своего царства. При этомъ случаѣ, Новороссійскій край, и его неизмѣримая, цвѣтущая степь, не могли не обратити Ея особеннаго вниманія, и Она занялась образованіемъ его пошчасъ послѣ того, какъ указомъ 1762 года, объявила Европѣ, что Россія

предлагаешь изобильныя поля свои всѣмъ желающимъ селишься на нихъ. Это образованіе совершалось въ комитетахъ, нарочно для того составленныхъ Ею изъ людей опытныхъ и хорошо знавшихъ пошъ край. Послѣ продолжительныхъ разсужденій ихъ, рѣшено было въ Маршѣ 1764 года устроить Новосербію по примѣру прочихъ губерній, и назвать ее *Новороссійскою*. Въ первой разъ тогда явилось это названіе. Новая губернія раздѣлилась на три провинціи, *Елисаветградскую*, *Екатерининскую* и *Бахмутскую*. Благодаря благосклонности, съ которою Государыня принимала иностранцевъ переселенцевъ, въ 1768 году, было уже въ трехъ провинціяхъ 100,000 жителей обоого пола. Начавшаяся въ этошь годъ война съ Турціей нанесла много вреда новой губерніи, какъ самой близкой къ Турецкимъ владѣніямъ, но зато Кайнарджискій миръ доставилъ безчисленныя выгоды, расширивъ эту самую губернію до того, что она у Керчи и Киибурна, косну-

лась береговъ Чернаго моря, споль нужныхъ для торговли Россіи. Удивительно было, что населенность края, не потерпѣла отъ опустошеній войны, и съ окончаніемъ ея, въ 1774 году считалось въ Новой-Россіи уже 158,097 человекъ жителей.

Послѣ славнаго мира, благосостояніе обласни нарушалось только соседствомъ Запорожцевъ, и населенность въ той сторонѣ, гдѣ жили эти дерзкіе наѣзники, была гораздо менѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ, потому что они, не только мѣшали заводить селенія, но даже, какъ чипатели мои уже видѣли, захватывали въ плѣнъ не одну тысячу человекъ изъ полковъ Новороссійскихъ. Съ пѣми же людьми, которыхъ правительсво посылало для усмиренія ихъ, они поступали, какъ съ непріятелями, и безъ всякаго страха къ Государынѣ, осмѣливались брать ихъ подъ спражу.

Въ такомъ состояніи было Запорожское войско, или, какъ называли

тогда, *Запорожская свѣта*, когда *Попемкинъ* сдѣланъ былъ генералъ-губернаторомъ Новороссійскимъ. Быстрый умъ его скоро проникнулъ, какъ могло быть опасно для южной Россіи, это скопище дерзкихъ разбойниковъ, если бы снова вздумало присоединиться къ Турціи или Польшѣ. Столько же рѣшительный, какъ и скорый, Григорій Александровичъ, тогда же принялъ непремѣнное намѣреніе уничтожить эту опасность, покоривъ наконецъ Запорожцевъ законамъ благоустроеннаго общества. Эта мысль—для всѣхъ, знавшихъ своевольный духъ Запорожцевъ, казалась невозможною къ исполненію; но *Попемкинъ* исполнилъ ее со всѣмъ успѣхомъ, какого только онъ одинъ могъ ожидать.

Къ Запорожцамъ отправленъ былъ многочисленный отрядъ поселенныхъ войскъ Новороссійскихъ, подъ начальствомъ генералъ-поручика *Петра Текелія*, уроженца Моравіи, отличавшагося необыкновенною храбростію съ самаго начала поселенія своего въ Ново-

сербіи. Исполненный негодованія къ дерзкимъ казакамъ, отъ которыхъ такъ много терпѣла гостепріимная страна, сдѣлавшаяся въ спорымъ опечесствомъ его, онъ выступилъ въ походъ съ непремѣннымъ намѣреніемъ усмирить ихъ, и благодаря искуснымъ распоряженіямъ начальника своего, совершенно успѣлъ въ томъ. Запорожцы, приведенные къ покорности силою, въ нѣсколько разъ превосходившею ихъ, согласились на всѣ условія, предложенныя Пошемкинскимъ; а эти условія состояли въ томъ, чтобы они вступили въ гражданское сословіе государспва, т. е. жили бы въ семейспвахъ, занимались земледѣліемъ, и повиновались всѣмъ учрежденіямъ правительства. Только согласившіеся на все это, могли оспаться на родинѣ; а казаки вообще менѣе другихъ народовъ любящъ разставаться съ нею; и такъ, эта привязанность, и могущество власти, поборившей ихъ, сдѣлали то, что большая часть изъ Запорожцевъ рѣшилась перемѣнить буйный родъ жиз-

ни своей на мирное состояніе гражданъ. Это прибавило къ жителямъ Новой-Россіи около 100,000 человекъ. Ихъ раздѣлили и поселили въ разныхъ мѣстахъ. Земли же, принадлежавшія Запорожской съчи, или нѣкогда присвоенныя ею, лежавшія, по лѣвую сторону Днѣпра, поступили въ Азовскую, съ правой же стороны въ Новороссійскую Губернію, копорая съ усмиреніемъ Запорожцевъ, такъ много вредившихъ ея благосостоянію, начала быстро процвѣтать, и украшенная новыми селеніями и городами, съ увеличившимся почти втрое населеніемъ, получила въ 1784 году, новое, знаменитое имя *Екатеринославскаго Намѣстничества*. Подъ этимъ именемъ, соединились двѣ губерніи: Новороссійская и Азовская.

Такимъ образомъ Попемкинъ въ одно время, достигъ двухъ цѣлей: улучшенія состоянія Новой-Россіи и усмиренія старинныхъ мятежниковъ. Последнее удивило всѣхъ; никто не ожидалъ, чтобы можно было уничтожить

запрудненія до сихъ поръ непреодолимая. Но трудности никогда не останавливали Потемкина; напрошивъ того онъ, казалось, любилъ ихъ, и всегда тѣмъ охотнѣе рѣшался на дѣло, чѣмъ несбыточнѣе оно казалось для другихъ. Лучшимъ доказательствомъ этого, было предположеніе, составлявшее любимую мечту его въ продолженіе почти всей блистательной эпохи его жизни, предположеніе, не только удивлявшее всѣ другія государства Европейскія, но даже наводившее на нихъ невольный страхъ. Это была мысль уничтожить Турецкую Имперію въ Европѣ, и на мѣстѣ ея возстановить такъ давно-упавшую и столь знаменитую прежде Имперію Греческую. Пламенное участіе, которое Потемкинъ принималъ всегда въ судьбѣ Христіанъ, и особенно Христіанъ единовѣрцевъ своихъ, вѣроятно было первою причиною, внушившею ему эту великую мысль. Исполненный рѣдкимъ усердіемъ къ вѣрѣ и всему что касалось до нея, онъ желалъ соединенія

всѣхъ исповѣданій Христіанскихъ. Особенно древнее раздѣленіе церкви на Латинскую и Греческую, было всегда предметомъ искреннихъ сожалѣній и любимыхъ разговоровъ его. Съ такимъ образомъ мыслей и чувствованій, могли онъ не огорчаться несравненно болѣе несчастнымъ положеніемъ Грековъ, такъ давно спрдавшихъ подъ властію Магомешанъ? Онъ сокрушался о судьбѣ ихъ еще тогда, когда приготавлиаясь къ духовному званію изучалъ со всею подробностію церковную исторію въ Смоленской семинаріи, и потомъ, въ Московскомъ университетѣ. Когда же судьба открыла передъ нимъ совершенно новое поприще, однимъ изъ первыхъ желаній его—было освобожденіе Христіанъ Греческихъ отъ продолжительнаго рабства и возстановленіе славы и счастья знаменитой ихъ имперіи. Первая мысль объ этомъ важномъ дѣлѣ принадлежала знаменитому Фельдмаршалу Миниху: во время двадцати - лѣтняго изгнанія его, онъ такъ много занимался

планомъ о возстановленіи Греціи, что даже сочинилъ объ этомъ предметѣ цѣлый проэктъ, и возвратясь изъ Сибири не одинъ разъ говорилъ о немъ. Императрица Екатерина слушала его съ удовольствіемъ, но могла ли Она думать, чтобы осьмидесяти-лѣтній воинъ могъ привести въ исполненіе намѣреніе, требовавшее безчисленныхъ трудовъ и долговременныхъ усилій? Когда же этотъ великій планъ сдѣлался цѣлю Попемкина, полного силъ и жизни, неушомимо-дѣятельнаго, во всемъ счастливаго, — возможность исполненія сдѣлалась вѣрояніемъ.

Быстрый и пылкій умъ его, казалось, вовсе не замѣчалъ препятствій, окружавшихъ цѣль его и уже заранѣе радовался торжеству своему. Какъ будто для подтвержденія высокихъ надеждъ Григорія Александровича, въ 1779 году случилось происшествіе, несказанно восхитившее его: у Наслѣдника Престола, Великаго Князя Павла Петровича родился второй сынъ, названный *Кон-*

статтинолѣ. Это имя, такъ живо напоминающее славу Греціи, казалось смѣлому полководцу и министру счастливымъ предзнаменованіемъ и привидѣ Царствсннаго Новорожденнаго, ему мечталось, что на младенческой головкѣ его уже славный вѣнецъ Императоровъ Греческихъ. Но онъ шайлъ еще эту мысль во глубинѣ души своей, и только одна Великая Государыня знала, и, можешъ бышь, съ удовольствіемъ слушала мечты его о будущей прекрасной судьбѣ Греціи, и новомъ величіи одного изъ внуковъ Своихъ. Послѣ же усмиренія Запорожцевъ, Потемкинъ началъ дѣйствовать открытѣе. Великій планъ его непремѣнно пребоваъ сильнаго флота на Черномъ морѣ, и совершенно свободнаго плаванія по немъ. Послѣднимъ хопя и пользовались Русскіе со времени Кайнарджискаго мира, но полуостровъ Крымъ, населенный Татарами, старинными врагами Россіи, причинялъ ей сосѣдствомъ своимъ еще много вреда, не смотря на независимость

свою опш Турціи; флота же, Русскіе не могли завести на Черномъ морѣ, пошому что ни одного приморскаго поршоваго города не принадлежало имъ на берегахъ его. Эши два важныя обстояшества показывали Потемкину двѣ необходимости: покорить Крымъ владычеству Екатерины и основать Русскій портъ на Черномъ морѣ. Последнее исполнено было въ самомъ скоромъ времени: въ 1778 году, при Лиманѣ и устьѣ рѣки Днѣпра, въ 70 верстахъ отъ берега морскаго, заложенъ генералъ-губернашоромъ Новороссійскимъ, городъ Херсонъ, съ большею крѣпостью и адмиралшествомъ для постройкы кораблей. Неожиданное и, можно сказать, почти волшебное появленіе этого города среди необитаемыхъ степей, было удивленіемъ для всѣхъ, мало знавшихъ удивительнаго Потемкина. Довольный удачнымъ началомъ, онъ поселился въ новомъ городѣ, быстро достигавшемъ цвѣтущаго состоянія во всѣхъ частяхъ устройства своего, и даже въ торгов-

лъ съ Греческими островами, Константинополемъ и Франціей, и отсюда - то наблюдавъ проницательными взорами Крымъ, думая о томъ, какими бы средствами можно было покорить его, не проливая однако же крови Русскихъ. Безпокойные Крымцы вскорѣ сами представили ему эти средства.

Чишпатели мои уже видѣли, что Кайнарджискій миръ доставилъ Россіи такое значительное вліяніе на судьбу этого полуострова, что ханы, правители его, назначались не иначе, какъ съ согласія Государыни Русской. Такимъ образомъ въ 1777 году, Екатерина утвердила ханомъ Крымскихъ Ташаръ, одного изъ образованнѣйшихъ Князей ихъ, Сагинъ - Гирея. Турки сначала спорили, однакожь потомъ и они согласились на этотъ выборъ. Но новый ханъ не нравился подданнымъ своимъ, потому что, будучи просвѣщеннѣе своихъ соотечественниковъ, оставялъ многіе изъ грубыхъ обычаевъ ихъ,

и вводилъ новые. Братъ его, Башый-Гирей, былъ начальникомъ недовольныхъ, и пошому неудивительно, что дерзость ихъ принудила хана оставить пресполъ и удалиться въ Таганрогъ. Однакожь, могущественная покровительница его, Екатерина, возвратила ему потерянное царство.

Между шѣмъ, прошивники его нашли также защитника себѣ: Турецкій Султанъ прислалъ на помощь къ нимъ пашу съ отрядомъ янычаръ, и судьба бѣднаго Сагина сдѣлалась еще несчастнѣе, нежели была прежде. Преслѣдуемый братомъ, целюбимый подданными, устрасаемый силою Турокъ и жестокостью ихъ къ врагамъ своимъ, онъ не находилъ другаго средства къ спасенію, какъ предложивъ корону свою Императрицѣ Русской, отдать себя совершенно подъ Ея могущественное покровительство. Это предложеніе хана Императрицѣ, не только сдѣлано было чрезъ Григорія Александровича, но даже и внушено имъ же. Много спа-

раній надобно было ему употребить, много трудностей преодолѣть, чшобъ совершивъ это важное дѣло, которому препяшествовали, сколько могли и Турки, и многіе изъ подданныхъ Сагина; но счастливый во всѣхъ предпріяшїяхъ своихъ, онъ успѣлъ и въ этомъ совершенно: значительная пенсія, назначенная опъ Дюора хану, удовлетворила всѣ желанія его, а нѣсколько полковъ нашихъ, подъ начальствомъ генерала Де-Бальмена, навели такой страхъ на подданныхъ его, что они, не думая о сопротивленіи, признали надъ собою власть Россіи, и тогда же дали присягу въ вѣрности ЕКАТЕРИНѢ.

Такъ безъ кровопролитія, одними искусными распоряженіями Пошемкина покорено было отечеству нашему цѣлое царство, знаменитое еще въ глубокой древности. Выгоды этого новаго пріобрѣшенія были такъ велики, подробности, касающіяся до исшоріи Крыма, такъ любопытны, что, заслуживая полное вниманіе

наше, милыя дѣти, требуютъ особеннаго рассказа, и тѣмъ болѣе, что съ исторіею *Русскаго* Крыма, уже соединяется чрезвычайно-занимательное происшествіе для Русскихъ: путешествіе Императрицы въ это новое владѣніе Ея, спустя четыре года послѣ его покоренія, случившагося въ 1783 году. Все это, друзья мои, вы найдете на слѣдующихъ страницахъ; нынѣшній же рассказъ нашъ о знаменитѣйшемъ изъ приближенныхъ Екатерины, мы окончимъ описаніемъ тѣхъ новыхъ почестей, которыя были наградою великихъ дѣлъ его.

Еще въ 1775 году, Потемкинъ былъ уже *графомъ* Русской Имперіи, за дѣятельное участіе въ заключеніи Кайнарджискаго мира. Въ 1776 — получилъ *княжеское* достоинство Имперіи Римской и титулъ *свѣтлѣйшаго*. Вообще, иностранные Государя уважали Григорія Александровича, за личные достоинства его, и за ту высокую довѣренность, которою онъ пользовался при Дворѣ Екатерины. Они старались

показывать ему свое милостивое расположение: Король Польскій пожаловалъ его орденомъ: *Бѣлаго Орла* и *Св. Станислава*; Фридерикъ Великій—орденомъ *Чернаго Орла*; Король Датскій—*Слона*; Король Шведскій—*Серафима*.—Но всѣ эти чужеспиранные ордена не столько обрадовали его, сколько въ 1782 году, новый Русскій орденъ *Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра*, учрежденный Екатериною, и прежде всѣхъ возложенный Ею на будущаго покорителя Крыма. Въ самомъ дѣлѣ, не прошло года послѣ того, и Крымъ принадлежалъ Россіи. Главною же наградою, полученною Потемкинымъ за Крымъ, было названіе *Таврическаго*. Вы вѣрно удивляешесь, милая дѣти, отъ чего *Таврическаго*, а не *Крымскаго*. Опять того, что полуостровъ Крымъ во время древней и самой блистательной славы своей назывался *Тавридою*. Екатерина, покоривъ его Своей власни, назвала снова *Тавридою*, какъ будто желая возвратить ему вмѣстѣ съ этимъ мменемъ и преж-

ною славу. Никто не могъ такъ хорошо понять и исполнить это благодѣтельное желаніе Великой, какъ новый князь Таврическій, и оно было поручено ему съ тою же надеждою на успѣхъ, которую онъ всегда умѣлъ прекрасно оправдывать. Пожалованный чиномъ генераль-фельдмаршала, возведенный въ новое достоинство Екашеринославскаго и Таврическаго генераль-губернатора, Пошешкинъ, съ обыкновеннымъ жаромъ своимъ принялся за новое дѣло, ввѣренное его попеченіямъ, и съ обыкновенною быстротою своею совершалъ его. Дикія степи новой Тавриды, подобно степямъ Новороссійскимъ, какъ будто какимъ-то волшебствомъ превращались въ обработанныя поля. Бѣдные Татарскіе города и деревни приняли другой видъ, потому что уже не были разбросаны на мѣстахъ пустынныхъ, но оживлялись сосѣдствомъ богатыхъ селеній Русскихъ. И не только селенія, но даже цѣлые города вскорѣ обязаны были своимъ существованіемъ

неутомимой дѣятельности Пошемкина. Кромѣ Херсона, построеннаго въ близкомъ сосѣдствѣ Крыма, гдѣ нѣкогда процвѣтала *Херсонесъ*, знаменитый въ древности,—Григорій Александровичъ основалъ въ самомъ Крымѣ, такой городъ, который одинъ могъ навсегда прославить его имя, если бы оно и не соединялось съ такимъ множествомъ другихъ знаменитыхъ дѣлъ: этогь городъ есть *Севастополь*, построенный на берегу ближайшаго къ Черному морю залива и заключающій въ себѣ одинъ изъ лучшихъ портовъ въ свѣтѣ. Гавань Севастопольская простирается во внутренность залива на *шесть* верстъ длины и на *три* версты ширины. Берега залива, на такомъ большемъ пространствѣ, имѣютъ еще нѣсколько меньшихъ заливцевъ или бухтъ, которые всѣ представляютъ множество удобствъ для стоянки кораблей, потому что глубина воды во всѣхъ мѣстахъ этой превосходной гавани, такъ велика, что самыя огромныя суда, могутъ подходить къ берегу, а

это достоинство принадлежитъ къ важнѣйшимъ для гавани. Севастопольскій портъ имѣетъ еще другое, не менѣе важное преимущество: онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ высокими горами, которыя защищаютъ вошедшіе въ него корабли отъ всѣхъ вѣтровъ. Со всѣми выгодами, такъ щедро разсыпанными природою на это прекрасное мѣсто, Пошемкинъ соединилъ все, что могъ произвестъ его геній, его твердая воля, его дѣятельность и тѣ могущественныя средства, которыя были даны ему великою Государынею. Не прошло трехъ лѣтъ, какъ въ новомъ портѣ Севастопольскомъ было уже адмиралтейство, и въ немъ нѣсколько тысячъ работниковъ, былъ сильный гарнизонъ, множество магазиновъ, два госпиталя, нѣсколько гаваней для купечества и для карантина, однимъ словомъ, Севастополь былъ многолюдный, величественный городъ. Но мы забываемъ, что Севастополь,—это прекрасное твореніе природы и Пошемкина,—

принадлежишь къ красотамъ Крыма, о которомъ предстоишь намъ цѣлый рассказъ. Не будемъ же отдѣлять ихъ одну отъ другой, но взглянемъ на все цѣлое прекрасной Тавриды, такъ какъ она представилась восхищеннымъ взорамъ новой Обладательницы своей, и всѣмъ счастливымъ спутникамъ Ея достопамятнаго путешествія, по справедливости называемаго историками *торжественнымъ и величественнымъ шествіемъ* Ея отъ сѣверной столицы до самыхъ южныхъ странъ новыхъ владѣній Россіи.

ПОЛУОСТРОВЪ КРЫМЪ

И

ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ.

1787 годъ.

На пространствѣ обширнаго общества нашего, Крымъ, есть одна изъ самыхъ примѣчательныхъ странъ и въ отношеніи физическомъ и въ отношеніи историческомъ. Нигдѣ природа не разсыпала съ такою щедростію красоты свои, нигдѣ не произошло столько важныхъ событій, столько знаменитыхъ дѣлъ, какъ въ этой прекрасной странѣ — Италіи нашей. Красоты эпидѣмическія и меперь, и многимъ изъ чинашелей моихъ можетъ представиться случай видѣть ихъ: стоить только доѣхать до Крыма. Но отъ прошедшихъ событій этого края,

осталось очень мало слѣдовъ, и только въ исторіи можно найши ихъ. А любопытно было бы узнать все, что рассказывается о Крымѣ! Вы повѣрите этому, друзья мои, когда я скажу вамъ, что онъ былъ уже спраною знаменитою за нѣсколько столѣтій до Рождества Христова. Да, за нѣсколько столѣтій до Рождества Христова, тамъ жили уже народы, опличавшіеся опъ другихъ своею образованностію, своими успѣхами въ наукахъ, мореплаваніи и торговлѣ. Но напередъ угадывая желаніе ваше узнать подробно исторію прекраснѣйшей изъ областей нашихъ я опишу ее съ самаго начала.

Первые, извѣстные намъ обитатели Тавриды въ XII и XIII вѣкѣ до Р. Х. были *Тавры*. Имя ихъ происходитъ опъ горъ, копорыхъ пакъ много на родинѣ ихъ: *Таврѣ*, на Ассирійскомъ языкѣ, значишь *гора*. Тавры были очень жестоки, и даже дики. Они приносили въ жертву своимъ богамъ всѣхъ чужестранцевъ, копорые имѣли

несчастіе претерпѣть кораблекрушеніе у береговъ ихъ.

Чрезъ нѣсколько столѣтій, къ Таврамъ пришли съ сѣвера Европы, и по увѣренію историковъ, съ полуострова Юпландіи, *Кимвры* или *Киммеріане*. По примѣру всѣхъ завоевателей, они покорили природныхъ жителей Тавриды, сдѣлались главнымъ народомъ этой страны, построили на Азіятскомъ берегу ея, городъ *Киммеріонъ*, кошорый вы теперь найдете на картѣ, подъ именемъ *Тамана*. По имени ихъ, проливъ, отдѣляющій Европейскую часть Крыма отъ Азіятской, получилъ названіе *Киммерійскаго*. Мы зовемъ его теперь *Таврическииъ*. Но слава Кимвровъ не была продолжишельна: они, въ свою очередь, были побѣждены и выгнаны изъ Тавриды, — *Скивами*. Сей послѣдній народъ до такой степени опличался грубоснію нравовъ своихъ, и своимъ безчеловѣчіемъ, что Греки называли ихъ именемъ—всѣ необразованные народы: *Скиѳъ* значило тогда тоже, что

варварѣ. Сдѣлавшись обладателями Тавриды, они смѣшались съ ея первоначальными жителями, и отъ того, страна получила новое названіе *Тавро-Скиѣи*.

Но это все народы дикіе, необразованные, — гдѣ же шѣ, о которыхъ рассказъ можешь быть любопытенъ? Они уже предъ вами, милые чинапели мои.

Вы вѣрно давно уже знаете, что Греки были однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ въ древности? Въ странѣ ихъ процвѣтали науки и искусства, оружіе ихъ славилось побѣдами, корабли ихъ плавали по отдаленнымъ морямъ. Въ V вѣкѣ до Р. Х. они въ первый разъ доѣхали до пролива Киммерійскаго, восхищены были красою природы въ эпой — тогда еще дикой странѣ, предвидѣли множество выгодъ отъ заведенія въ ней колоній, и основали въ сосѣдствѣ отъ Тамани, городъ *Фанагорію*. Расказы ихъ на родинѣ о прекрасномъ климатѣ и богатствахъ Тавриды, возбудили и въ соотечественни-

кахъ ихъ желаніе селиться тамъ, и Греческія колоніи начали одна за другою являться на всемъ южномъ берегѣ Тавриды. Самыя важныя изъ энихъ селеній были: *Пантикапея* или нынѣшняя *Керчь*, *Оеодосія* и *Мегаритс*, послѣ названный *Херсонесолѣ*. Быстро начали процвѣтать новыя колоніи; суда изъ Греціи и другихъ, отдаленнѣйшихъ странъ приходили къ нимъ съ богатыми товарами. Въ это время уже громко славился Херсонесъ, сдѣлавшійся вскорѣ важною республикою, не смотря на то, что владѣнія его простирались только на двѣнадцать верстъ въ длину и ширину. Соперникомъ Херсонеса, процвѣтавшаго на южномъ берегѣ Тавриды—было другое селеніе Грековъ, въ то же время основанное въ восточной части полуострова, и называвшееся *Босфоролѣ*. Это былъ тотъ же самый городъ, который назывался прежде *Паншикапея*, а нынѣ—*Керчь*. Но Босфоръ не былъ республикою какъ Херсонесъ; здѣсь Цари управляли

народомъ, и многіе изъ нихъ были знамениты.

Между шѣмъ, какъ эти два главные селенія Грековъ, вмѣстѣ со многими другими по берегамъ Чернаго моря, проливали образованность на восшокъ и югъ Тавриды,—все пространство ея къ западу и сѣверу было во власти Тавро-Скиѳовъ, часто нападавшихъ на чужеземцевъ, поселившихся въ странѣ ихъ. Греки, будучи не въ силахъ защитить себя отъ варваровъ, просили иногда помощи у сосѣднихъ государей, и шѣмъ погубили себя: одинъ изъ этихъ государей, Царь Понтійскій, Митридатъ—Эвпаторъ, подъ видомъ помощи, завладѣлъ почти всею Тавріею, и готовъ былъ идти на Римъ; но Римляне имѣли въ это время славнаго полководца своего, Помпея: онъ остановилъ блестящіе успѣхи Митридата, лишилъ его всѣхъ завоеваній и покорилъ власти Рима всѣ селенія Греческія въ Тавридѣ. Это случилось за 65 лѣтъ до Р. Х. Херсонесцы ничего не потеряли

при этомъ покореніи: важная торговля ихъ и услуги, которыя имъ случалось, иногда оказывать побѣдителямъ своимъ, сражаясь съ непріятелями ихъ, доставляли имъ покровительство Рима. Они даже оставлены были на своихъ прежнихъ правахъ. Съ Босфоромъ же было иначе: жители его получали царей отъ Рима. Судьба Босфорцевъ сдѣлалась въ послѣдствіи еще хуже: въ началѣ IV вѣка по Р. Х. они покорены были новыми, пришедшими въ Таврію завоевателями—*Сарматями*, отъ которыхъ помогли имъ освободиться на нѣкоторое время жители Херсонеса, но въ концѣ того же столѣтія царство Босфорское навсегда разрушено было *Гуннами*.

Удивительно было это множество народовъ, попеременно владѣвшихъ прекрасной и несчастной Тавридой! Какъ будто всѣ они наперерывъ стремились быть ея повелителями! За Гуннами являюся въ VII вѣкѣ, *Казары*. Власть ихъ вѣроятно была или продол-

жишельнѣе, или прочнѣе другихъ, потому что слѣды ея остались въ новомъ имени Тавриды: она названа была *Казаріею*. Съ X вѣка, исторія Тавриды начинаешъ сближаться нѣсколько съ нашею. Вы вѣрно вспомните, что въ 988 году совершилось въ Херсонесѣ важнѣйшее происшествіе для Русскихъ: принятіе Христіанской вѣры Государемъ ихъ. Херсонъ вмѣстѣ съ другими селеніями Греческими былъ тогда подъ властію Восточной имперіи. Владиміръ, какъ будто желая не испросить, но завоевать себѣ достойную супругу, ходилъ войною на Херсонъ, и овладѣлъ не только имъ, но и *Оеодосіею* и многими другими мѣстами въ Тавридѣ и Тамани. Но сдѣлавшись супругомъ Царевны, онъ возвратилъ братьямъ ея, Императорамъ *Константинопольскимъ*, всѣ завоеванія свои, кромѣ Тамани, извѣстной въ исторіи нашей подъ именемъ *Тмутарканской* области. Греки также, не долго оставались владѣтелями предѣльной Тавриды. Въ половинѣ XI вѣка но-

ые варвары смѣнили Печенѣговъ: это были *Половцы*. Они завладѣли Тавридой, и почти два вѣка называли ее своею. Наконецъ въ 1233 году являющся послѣдніе завоеватели ея: *Татары*. Тотъ же Батый, губитель отечества нашего, былъ ужасомъ и Тавриды: онъ отправилъ для покоренія ея одного изъ полководцевъ своихъ, *Ногаю*, съ многочисленнымъ войскомъ. Ногай былъ доспойяый исполнитель воли безчеловѣчнаго Хана: онъ не только покорилъ, но по обыкновенію Татаръ и разорилъ Тавриду. Часть ея раздѣлили и нѣкоторыя изъ Греческихъ городовъ и селеній, только не тѣ, которые, благодаря обширной торговлѣ своей, пользовались уваженіемъ и покровительствомъ государствъ сильныхъ, какъ на примѣръ, Херсонесъ и Кафа или Феодосія, незадолго до того, поступившая подъ защиту и власть Генуэзской республики, одной изъ сильнѣйшихъ въ то время морскихъ державъ. Генуэзцы владѣли въ Таврии, не одною Кафою; и

многія другія изъ прежнихъ селеній Греческихъ уже принадлежали имъ. Соперниками торговли ихъ на Черномъ морѣ были только Венеціане, также сильныя мореплаваніемъ, и владѣвшіе тогда *Азовомъ*. Города, находившіеся подъ такимъ покровительствомъ шѣмъ скорѣе избѣгали власти Татаръ, что по богатству своему могли заплатить деньгами за свободу и безопасность свою, и такимъ образомъ Татары, собирали дань со всѣхъ городовъ и селеній южнаго берега Тавриды, уцѣлѣвшихъ отъ разрушительной власти ихъ. Такъ продолжалось болѣе двухъ столѣтій. Генуэзцы, въ теченіе этого времени усилились до того, что Кафа уже перестала повиноваться Татарамъ съ прежнею покорностію, и обладатели Тавріи такъ раздражены были гордостію и своевольствами Генуэзцовъ, что въ 1475 году рѣшились просить помощи у Турокъ. Помощь была подана, но такъ, что и Татары, и Генуэзцы пожалѣли искренно о томъ, что не кончили ссоръ своихъ безъ по-

средниковъ! Городъ Кафа былъ разоренъ, 40,000 жителей его, Генуэзцевъ, посланы въ Константинополь, значительныя дома и церкви разрушены! Этого было еще недостаточно для самыхъ жестокихъ изъ завоевателей Тавриды: Турки въ то же время разграбили и другія селенія Грековъ, Венеціанъ и Генуэзцевъ, и знаменитые города, Судакъ, Балаклава, Инкерманъ, Херсонъ, Танаисъ или Азовъ, Керчь Манжупъ—почти исчезли со всеми своими богатствами. Даже самые Таттары, призвавшіе къ себѣ Турокъ, не избѣжали жестокости ихъ: Ханъ Крымскихъ Таттаръ, Менгли-Гирей, взятъ былъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Константинополь, гдѣ прожилъ три года, ожидая рѣшенія судьбы своей. Наконецъ, Султанъ возвратилъ ему Ханство его, короновалъ его въ Константинополь, и въ сопровожденіи сановниковъ Турецкихъ, отправилъ въ приморскій, еще уцѣлѣвшій городъ Греческій, Эвпаторію, нынѣшній Козловъ. Хотя подданные Менгли-Гирея

были очень недовольны пою властію, какую взяли Турки надъ Ханомъ и царствомъ ихъ, но дѣлать было нечего: они не могли свергнутьъ эпой властіи почти во все время существованія царства ихъ. А вы знаете, милые чашатели мои, что это продолжалось не одно столѣтіе. Крымскіе Таттары довольно извѣстны вамъ изъ прежнихъ рассказовъ нашихъ. Зависимые отъ Турціи, но въ тоже время, и покровительствуемые ею, много причинили они зла отечеству нашему своими набѣгами, своими варварскими жестокостями. Бывали они и въ Москвѣ нашей, и оставляли въ ней ужасную о себѣ память! Разоряли и другіе города, и только Кайнарджискимъ миромъ усмирены были нѣсколько, и то не на долго! Наконецъ Князю Попемкину удалось обратиться эпихъ безпокойныхъ и опасныхъ сосѣдей Россіи въ мирныхъ и полезныхъ гражданъ. Вы уже слышали какимъ образомъ онъ сдѣлалъ это, и намъ остается теперь узнать

то состояніе Крыма, когда онъ былъ уже Русскою областью. Одно изъ лучшихъ средствъ для этого, есть описаніе путешествія Императрицы въ эту знаменитую страну. Обратимся же къ нему, и шѣмъ скорѣе, что оно доставитъ намъ случай узнать не одинъ Крымъ, но вмѣстѣ съ нимъ и другія примѣчательныя области и города, мимо которыхъ проѣзжала Государыня, и людей, которые составляли избранное число спутниковъ Ея, и много любопытныхъ подробностей того времени, въ которое случилось это примѣчательное путешествіе.

Многіе знаменитые иностранцы приглашены были Императрицею участвовать въ путешествіи. Это были послы: Французскій, *Сегюръ*, Англійскій *Фицъ Гербертъ*, Австрійскій: *Кобенцель*. Здѣсь же находился столь извѣстный своимъ остроуміемъ и любезностію, Принцъ *Де-Линь*. Кромѣ того въ свитѣ Государыни были многіе изъ знашнѣйшихъ чиновъ Двора, и

Генераловъ , не говоря уже о томъ множествѣ чиновниковъ придворныхъ , копорымъ поручены были разныя должности при эшомъ великолѣпномъ, дошолѣ неслыханномъ въ Россіи пупешествіи. Какъ вы думаете, милья дѣши, сколько экипажей надобно было, чшобы помѣстить всю свипу? Чешырнадцать карешъ , а саней сто-шешьдесятъ чешыре. Лошадей же пригошьялось на каждой спанціи 560!

Въ такомъ шо-пышномъ поѣздѣ, Императрица опправилась изъ Царскаго-Села 18 Января 1787 года. Сюда приказано было пріѣхать всѣмъ спупникамъ Ея, и здѣсь проспилась Она съ Семействомъ Своимъ. Трогательпо было это прощаніе: ЕКАТЕРИНА съ неописанною нѣжностію любила внуковъ Своихъ, Великихъ Князей Александра и Константина, изъ копорыхъ старшему было въ это время не болѣе девяти лѣтъ. Цалуя и обнимая Ихъ въ минушу разлуки, Она такъ много плакала, что Родители Царспвенныхъ

Малюшокъ едва могли утѣшить Ее. Но подобныя минуты Великая Государыня называла минутами слабости: Она не позволяла Себѣ долго предаваться имъ, и заключивъ нѣжнѣйшія чувства опечаленной Матери семейства въ сокровенной глубинѣ души Своей, Она чрезъ нѣсколько часовъ послѣ выѣзда изъ Царскаго - Села была уже по прежнему спокойна, думала уже по прежнему, что сердце Ея—принадлежало—кромѣ собственныхъ Дѣшей Ея, другому безчисленному семейству—народу Ея, и счастье этого народа сдѣлалось по прежнему любимой мыслію Великой. Польза Россіи — была цѣлію путешествія Ея *) стало бытъ все вниманіе Государыни, почитавшей выше всего Своей обязанности, должно было обратиться на эту благодѣтельную для насъ цѣль. Иначе не могла думать Екатерина. Рускіе, привыкшіе къ высокому совер-

*) По этому случаю выбита была и медаль въ 1787 году: на одной сторонѣ ея изображенъ былъ портретъ Государыни; на другой, карта всего путешествія съ надписью: *путь на пользу.*

шенству, съ которымъ исполняла Она священный долгъ Царицы, не удивлялись ни Ея рѣшимости на нѣсколько времени разлучиться съ драгоценнымъ Ей Семействомъ ни тому величайшему вниманію, какое обращала Она на все, относящееся до Ея путешествія. Но за то много дивились этому иностранные министры, сопровождавшіе Императрицу. Любопытно читаешь въ запискахъ ихъ, какъ искренно отдавали они справедливостъ знаменитымъ дѣламъ и всѣмъ поступкамъ Екатерины: шесть мѣсяцевъ путешествія, въ продолженіе которыхъ они были каждый день съ Нею, доставили имъ возможность видѣть Ее вблизи, и вполне удосповѣрились какъ превышала Она всѣхъ другихъ государей Европейскихъ. Особенно любопытны въ этомъ случаѣ записки Французскаго посланника, Графа Сегюра: онъ былъ однимъ изъ умнѣйшихъ, образованнѣйшихъ и усерднѣйшихъ почищателей Екатерины, и у него подробно описано путешествіе въ Крымъ. Но если оно ка-

залось такъ любопытно для иностранца, во сколько разъ любопытнѣе покажется оно для васъ, милые чипашели! Поедемъ же удовлетворить этому любопытству.

Прежде всего скажу вамъ, какіе города проѣхала Государыня, начиная отъ самаго Петербурга до Крыма. Это маршрутъ Ея. Первый городъ послѣ Царскаго-Села былъ Рожествовъ, потомъ Луга, Порховъ, Великіе Луки, Велижъ, Смоленскъ, Мстиславль, Чириковъ, Новгородъ - Сѣверскій, Сосница, Черниговъ, Нѣжинъ, Козелецъ, Кіевъ, Терехтемировъ, Коневъ, Черкасскъ, Кременчугъ, Переволочна, Кайдаки, Екашеринославль и Херсонъ.

Въ шесть дней, Государыня была уже въ Смоленскѣ, — это 700 верстъ отъ Петербурга. Вы удивитесь, милыя дѣти, скорости этого путешествія, когда я скажу вамъ, что обыкновенный порядокъ въ образѣ жизни Императрицы нисколько не измѣнялся: въ дорогѣ, точно также, какъ и

въ Петербургъ, Она вспавала въ шесть часовъ; почно также занималась докладами, попомъ завпракала и привимала посланниковъ, сопровождавшихъ Ее. Въ 9 часовъ опправлялись въ пушь и оспанавливались въ два,—для обѣда; послѣ обѣда ѣхали до семи часовъ вечера. Съ семи до девяти Государыня проводила время опяшь съ Своею свипою; съ девяти—до одинадцати—работала въ кабинетъ. Можно ли было не удивляться этой дѣятельности?

Зимніе, темные вечера, которые у насъ еще такъ длинны въ половивѣ января, не оспанавливали великолѣпнаго поѣзда; напрошивъ пого, придавали ему новый блескъ: по обѣимъ сторонамъ дороги, зажигались тогда большіе костры дровъ въ довольно близкомъ разстояніе одинъ опъ другаго. Эти яркіе огви, озаряя мракъ зимнихъ вечеровъ, проливали веселіе на всѣ окрестности дороги, по которой быспро неслись экипажи Государыни однимъ длиннымъ, безконечнымъ рядомъ. Не буду говорить вамъ

О помъ воспоргъ, съ которымъ жителли эсихъ окрестностей сѣшили видѣть Царицу свою, съ какимъ усердіемъ другіе пріѣзжали для того изъ дальныхъ округовъ, съ какимъ перпніемъ жили нѣсколько дней на одномъ мѣспѣ, для того только, чшобы на минуту увидѣть Ее! Все это вамъ извѣспно по чувспвамъ собспвеннаго сердца: даже и шѣ изъ васъ, которые родились и живутъ въ Петербургъ, вѣрно не одинъ разъ съ неперпѣливымъ усердіемъ бѣжали къ тому мѣспу, гдѣ могли надѣяшся видѣть Государя. Чшо же надобно думать о шѣхъ, которые лишены эшого счаспія, и живутъ далеко отъ мѣспѣ, оживленныхъ Его драгоцѣннымъ присупспвіемъ! Какъ велико должно бышь ихъ восхищеніе при малѣйшей надеждѣ видѣшь Его! Это испыпали въ 1787 году, всѣ губерніи, мимо которыхъ проѣзжала незабвенная Государыня. Но какъ быспрь казался для пламенныхъ сердець ихъ эшотъ проѣздъ! Какъ мимолешно—явленіе прекрасной Царицы!

Жители Смоленска первые осчастливлены были болѣе продолжительнымъ присутствіемъ Ея: здѣсь назначено было отдохновеніе послѣ шести дней ѣзды, и Государыня пробыла въ этомъ городѣ три дня. Но Ей угодно было только называть это отдохновеніемъ, чтобы исполнить желаніе народа и доставить ему возможность любоваться своею *Матушкою* подолѣе; въ самомъ же дѣлѣ, такіе дни могли упомянуть болѣе самаго путешествія: въ продолженіе ихъ, Государыня безпрестанно занята была по аудіенціямъ, по предшавленіямъ, кромѣ того, давала балъ для Смоленскаго дворянства. На этомъ балѣ было пріиспа дамъ, которыя удивили Петербургскихъ пріѣзжихъ и даже посланниковъ, иностранныхъ отличнымъ вкусомъ и блескомъ нарядовъ своихъ. Въ Кіевѣ ожидало всѣхъ удивленіе другаго рода: къ пріѣзду Государыни, съѣхались туда, не одни дворяне Русскіе, но и многіе, знаменитые иностранцы. Сверхъ того, собрались шамъ

депутаты ошъ всѣхъ разноплеменныхъ подданныхъ Екатерины. О! еслибъ вы, могли представить себѣ, милья дѣши, какъ разнообразно было многочисленное общество, вспрѣшившее Императрицу! Тутъ были казаки съ Дона, и другіе съ Урала, и прешьи, недавно вступившіе въ число подданныхъ Россіи — Запорожцы, и кочующіе Киргизы; и дикіе Калмыки, своею некрасивою наружностію пугавшіе иностранцевъ, никогда ихъ не видавшихъ. Смотри на нихъ, боязливые называли ихъ попомками Гунновъ, и припоминали давно минувшую славу спрашнаго царя ихъ, Апшилы. Подлѣ этого, уже давно не спрашнаго, но только безобразнаго племени, красовались ловкіе, недавно покорившіеся Россіи Черкесы; за ними также новые подданные ея — Крымскіе. Татары. Поодаль ошъ нихъ, на мѣстѣ, болѣе почетномъ, стоялъ съ своею свитою, Царевичъ Грузинскій, недавно присягнувшій на подданство ЕКАТЕРИНѢ. И посреди это-

го разнообразнаго общества, вообразите ихъ, которыхъ можно было справедливо назвать виновниками этого самаго разнообразія, вообразите генераловъ, побѣдителей большей части народовъ, шутъ собравшихся. И фельд-маршалъ Румянцовъ, и князь Попеминъ и храбрый Суворовъ,—все они были въ Кіевѣ. Первый, какъ генераль-губернаторъ Кіевскій, встрѣшилъ Государыню на границѣ губерніи, ему ввѣренной, второй — приговорялся, встрѣпить Ее въ Екатеринославской. Такъ какъ эта губернія вмѣстѣ съ Крымомъ была предметомъ путешествія Императрицы, то Князю Таврическому предстояло болѣе дѣла, нежели всѣмъ другимъ начальникамъ губерній, мимо которыхъ проѣзжала Государыня. Къ тому же, ему такъ хотѣлось показать Царицѣ—благодѣтельницѣ своей, съ какимъ усердіемъ старался онъ о благосостояніи края, ему ввѣреннаго, и какіе быстрые успѣхи были слѣдствіемъ стараній его. Совершенно занятый этою

мыслию, онъ нерѣдко отказывалъ себѣ въ удовольствіи присутствовать на праздникахъ, которыми добрая Государыня веселила жителей Кіева во время Своего почти трехмѣсячнаго пребыванія тамъ, и отправлялся въ мѣста, ввѣренныя начальству его, по дорогѣ къ Крыму, смотрѣть за приготовленіями къ приему Государыни. И за то, какъ прекрасно вознаграждены были старанія и заботливостъ его! Нигдѣ путешествованіе не казалось такъ пріятно для Императрицы и всѣхъ спутниковъ Ея, какъ въ губерніяхъ, порученныхъ князю Попемкину. Онъ умѣлъ соединить въ нихъ, все, что могло доставить удовольствіе не только глазамъ, но и душѣ, и уму. Что могло быть пріятнѣе для Государыни, пламенно желавшей счастья и славы народу Своему, какъ видъ цвѣтущихъ селеній въ мѣстахъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ совершенно необитаемыхъ? И этошь видъ представлялся Ей почти на всемъ протяжении береговъ величе-

сшвеннаго Днѣпра, когда Она проѣзжала мимо ихъ, оставивъ Кіевъ. Надобно сказать вамъ, милыя дѣши, что Императрица могла въ полной мѣрѣ наслаждаться прекрасною картиною новаго заселенія: путешествіе Ея изъ Кіева было уже не сухимъ путемъ, но по водамъ Днѣпра, въ большихъ, нарочно для того устроенныхъ судахъ. Число ихъ простиралось до сорока-шести; людей же, составлявшихъ экипажъ, до 416 человекъ. Семь величественныхъ галеръ, убранныхъ съ Царскою пышностію, ѣхали впереди всего флота: на первой — находилась Императрица; на шести остальныхъ, Ея свита. Каждая галера имѣла свою собственную музыку. Неописанно-прелестна была картина этого путешествія въ то время, когда теплая, майская погода, кошорою которую хвалятся южныя губерніи наши, вызывала знаменитыхъ путешественниковъ не только на палубы судовъ, но даже, нѣкоторыхъ на легкіе челноки и лодки, быстро мелькавшія по обѣимъ

сторонамъ эскадры, при звукахъ тихой, пріятной музыки, всегда такъ хорошо - согласующейся съ журчаніемъ волнъ, съ ихъ переливающимся плескомъ. Въ такіе часы, — иностранные спутники Императрицы, воображали себя въ міръ очарованій, и называли великолѣпный флотъ и все, что принадлежало къ нему, не иначе, какъ *созданіями волшебства*. И они были правы: это плаваніе по Днѣпру, и эшотъ Днѣпръ съ своими зелеными островами, съ своими шумными, какъ-будно облипыми пѣною порогами, съ своими берегами, уже не пустынными, но процвѣтавшими всею жизнью многочисленныхъ селеній, покрытыми толпою любопытныхъ, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ имперіи, чшобы видѣть величественное шествіе Государыни, все это вмѣстѣ, почно, не походило на міръ обыкновенный, но на что-то волшебное, непоспимое. Очарованіе дѣлалось еще совершеннѣе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на обширныхъ равнинахъ бе-

реговъ Днѣпра носились, быспро маневрируя, легкія войска казаковъ, между тѣмъ, какъ окружавшіе ихъ города, селенія и загородныя дома жишелей, красовались всѣмъ убранствомъ, какое шолько могло бытъ придумано усердіемъ народа и изобрѣшательнымъ умомъ начальника его. Тушъ были и триумфальныя вороша, и легкіе нарочно построенные храмы прелеспной архитектуры, и гирлянды изъ цвѣшовъ и зелени, спускавшіяся красивыми фестонами по всѣмъ зданіямъ, на которыя могли упасшь взоры Императрицы. Счастливая радостію народа, восхищенная его усердіемъ, Екатерина, по замѣчанію спутниковъ своихъ, никогда не была такъ довольна, весела и говорлива какъ во время эшого пушешествія водою. Такое расположеніе духа Августѣйшей Хозяйки имѣло вліаніе и на всѣхъ гостей Ея, и смѣло можно сказать, что во всей Европѣ не было тогда общества, въ которомъ бы представлялось такое прекрасное соединеніе

ума, любезности, пріятныхъ шутокъ и оспрыхъ словъ. Мнѣ очень хотѣлось бы, милыи дѣши, дать вамъ хотя небольшое понятіе о томъ зтого обществѣ, о томъ что говорилось въ немъ; для зтого, надобно рассказать вамъ объ одномъ или двухъ пакихъ случаяхъ, которые могутъ нѣсколько удовлетворить мое, и, конечно — ваше желаніе.

ЕКАТЕРИНА, разговаривая однажды съ премо, сопровождавшими Ея посланниками, спросила у нихъ въ шулку, какъ они думаютъ, чѣмъ была бы Она, родившись на свѣтъ мужчиною и частнымъ человекомъ? Фрицъ Гербертъ отвѣчалъ, что Ея Величество вѣроятно была бы мудрымъ законодателемъ; Кобенцель—великимъ министромъ или посланникомъ; Графъ Сегюръ, — знаменитымъ полководцемъ. „О! всѣ вы ошиблись—сказала Императрица: я знаю мою пылкую голову; я отважилась бы на все, для славы, и не дослужившись до Поручика, въ первомъ сраженіи положила бы голову.“

Въ другой разъ, разговоръ шелъ о томъ, что думаетъ Европа о путеше-

шесствѣи Государыни Русской къ южнымъ владѣніямъ Ея. При этомъ случаѣ, Европа болѣе всего боялась, что Россія съ помощію Императора Австрійскаго — который въ это время спѣшилъ въ Херсонъ для свиданія съ Екатериною — завоюешь, по извѣстному всѣмъ плану Попемкина, не только Турцію, но и Персію, и даже, можетъ бышь, Индію и Японію. Одинъ изъ посланниковъ, рассказывая въ шуткахъ объ этомъ, прибавилъ: „Словомъ сказать, Ваше Величество, спранспвующій кабинетъ Вашъ, занимаетъ и беспокоитъ теперь всѣ другіе.

„Спало бышь, сказала Императрица этомъ кабинетъ Петербургскій, плывущій теперь по волнамъ Днѣпра очень великъ, что дѣлаешь столько хлопотъ другимъ?

„Точно такъ, Государыня, — ошвѣчалъ тогда Принцъ де-Линь, и между шѣмъ нѣтъ такого, который бы былъ менѣе его; нѣсколько дюймовъ — воптъ

весь размѣръ его: онъ простирается только отъ одного виска до другаго.

Вы конечно догадаетесь, милыя дѣши, что остроумный прииць де-Линь разумѣлъ подъ эшимъ кабинетомъ, возвышенное чело ЕКАТЕРИНЫ, гдѣ такъ ясно выражались глубокія думы, геніяльныя мысли Ея.

Вошь какъ свободно было обращеніе въ эшомъ избранномъ обществѣ ИМПЕРАТРИЦЫ, какъ неприиужденна — веселость! Удивительно ли послѣ того, что всѣ, наслаждавшіеся столь многими удовольствіями, называли путешеспіе свое очаровательнымъ? Вскорѣ оно получило новый блескъ: на тогдашней границѣ Польши, въ мѣстечкѣ Каневѣ, ожидалъ Государыню Король, возведенный нѣкогда Ею на престоль Польскій, *Станиславъ Августъ*. Непріятныя обстоятельства заспавляли его въ это время искапть снова покровительства прежней Благодѣпительницы своей, и просить у Нея свиданія для переговоровъ.

Не возможно описать усердія и пышности, съ которыми онъ встрѣтилъ Императрицу. Многочисленное войско Польское, богато одѣтое, въ сіяющемъ вооруженіи, покрывало всѣ возвышенности и равнины Канева. Дворъ Варшавскій, сопровождая государя своего, увеличивалъ великолѣпіе торжества, которое продолжалось безпрерывно цѣлый день, проведенный здѣсь Государынею. Въ это короткое время, смиренные жители небольшого мѣстечка были свидѣтелями и великолѣпнаго обѣда, и бала, и иллюминаціи и фейерверка. Государыня, пронутая усердіемъ Станислава, и спѣсненнымъ положеніемъ его, обѣщала ему покровительство свое прошивъ враговъ его, и на другой день онъ расстался съ нею, утѣшенный и осчастливленный Ея участіемъ.

Черезъ нѣсколько дней потомъ, знаменитая флотиллія основилась предъ *Кременгуголь*, городомъ Екатеринославскаго намѣстничества. Здѣсь, князь Пошемкинъ, безпрестанно старавшій

ся разнообразить прекрасныя картины, которыя появлялись предъ восхищенными взорами Государыни на берегахъ Днѣпра—представилъ новое, неожиданное для всѣхъ зрѣлище. Это были маневры расположенныхъ туть войскъ конницы и пѣхоты. Иностранцы съ удивленіемъ смотрѣли на воинственную красоту, на стройныя движенія ихъ. Что же должна была чувствоваться Государыня, видя столько порядка, столько выгодъ жизни общественной, столько счастливыхъ и трудолюбивыхъ жителей тамъ, гдѣ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, такъ часто встрѣчали дерзкія шайки разбойниковъ, и столько было слышно разказовъ объ ужасныхъ дѣлахъ ихъ. Она исполнена была глубокою благодарностію къ виновнику эпои счастливой переменны, князю Попемкину, и такъ восхищалась всѣмъ видѣннымъ Ею, что не однажды изъявляла сожалѣніе свое о скоромъ окончаніи плаванія: тамъ, гдѣ начинались опасныя по-

роги Диффра, нельзя уже было ѣхать водою и путешествіе продолжалось сухимъ путемъ. Въ этомъ мѣсцѣ, которое называлось *Кайдаки*, Государыня встрѣчена была Императоромъ Нѣмецкимъ. Прибывши въ Херсонъ, онъ не имѣлъ перпѣнія ожидать тамъ прібытія Екатерины и спѣшилъ къ Ней на встрѣчу. Императрица умѣла цѣнить такое дружелюбіе и узнавъ о приближеніи высокаго гостя, Сама выѣхала къ нему на встрѣчу.

Князь Попемкинъ радовался пріѣзду Императора: въ окрестностяхъ *Кайдаковъ* онъ приготавливалъ важное торжество, которому присущствіе Іосифа II должно было придать еще болѣе блеска: это была закладка *Екатеринославля*, главнаго города *Екатеринославскаго* намѣстничества. Давно уже сошавленъ былъ планъ, и выбрано мѣсто для этого города, но Григорій Александровичъ желалъ, чтобы первый камень знаменишаго города положенъ былъ *Винови-*

цею его существованія, и счастливый во всемъ, успѣлъ и въ этомъ—сверхъ ожиданія своего: не только великая Государыня его, но и Императоръ Австрійскій, любовались избраннымъ мѣстоположеніемъ на высокомъ берегу прекраснаго Днѣпра, и заложивъ основаніе Екатеринославля, сдѣлали незабвеннымъ имя его, не смотря на то, что важность этого города въ послѣдствіи времени далеко не достигла той степени, какую предназначалъ ей основатель его.

Изъ Екатеринославля, знаменистые путешественники, направляя путь свой къ Херсону, въѣхали въ *Степь Новороссійскую*. Это была настоящая степь: вся дорога до Херсона, простираясь болѣе нежели на триста верстъ, была ничто иное, какъ обширные луга, покрытые травою, неоживленные ни однимъ деревцомъ, и изрѣдка только освѣжаемые небольшими ручейками. Единственные живыя существа, встрѣчавшіяся въ этихъ зеленыхъ пусты-

няхъ, были спада барановъ и шабуны лошадей: хозяева круглый годъ оставляли ихъ на богатой и дешевой паствѣ.

Послѣ такой однообразной и почти печальной картины, какъ хорошъ, какъ удивительнъ показался Путешественникамъ Херсонъ—это новое, едва осьмилѣтнее швореніе Пошемкина! Оно въ самомъ дѣлѣ заслуживало удивленіе, и чѣмъ доставить читателямъ моимъ, самое вѣрное и самое любопытное описаніе его, я сдѣлаю всего лучше, если представлю здѣсь собственное письмо Императрицы, писанное Ею изъ Херсона къ генералу Еропкину. Послушайте, какъ много скажетъ оно вамъ въ короткихъ словахъ:

„13 мая, 1787. Вчерашній вечеръ „часу въ 6-мъ мы пріѣхали въ здѣшній „городъ. Дня сіе не существовало „в лѣтъ назадъ. Сначала проѣхали ка- „менные казармы шести полковъ, по- „томъ поворотили на право, въѣхали въ крѣпость, которая состоитъ въ

„отдѣлкѣ, совсѣмъ поспѣетъ въ нынѣ-
„шнее лѣто, и несравненно лучше Кіево-
„Печерской. Внутри крѣпости воен-
„ныя строенія, многія окончены, нѣко-
„торыя приводятся въ отдѣлку. Цер-
„ковь каменная, прекрасная. Когда я
„говорю, каменная, не подумайте, что-
„бы подъ симъ разумѣлся кирпичь.
„Здѣсь и нова камня не знаютъ какъ
„поить, который вынуть изъ земли
„кладуть въ стѣну. Онъ крѣпче пли-
„ты и сырость не принимаетъ. Выѣ-
„хавъ изъ крѣпости, повернули мы въ
„адмиралтейство, въ которомъ всѣ ма-
„газины строенія каменнаго, покрыты
„железомъ. На стапеляхъ нашихъ гошо-
„вый бо-ти пушечный корабль, который
„въ субботу, Богъ дастъ здоровье, спу-
„снимъ на воду. Возлѣ сего бо- пушечный
„гошовый, возлѣ сего, фрегатъ 55-ти пу-
„шечный. Сіи корабли изъ той комна-
„ты, въ кошорой къ вамъ пишу, видны,
„и садъ сего дома, возлѣ адмиралтейства
„и стапель. Купеческаго города, кошо-
„рый съ другой стороны сославляешъ

„предмѣстѣе, я еще не видала, по сказываюпть, не хуже. Народа здѣсь, окромѣ военныхъ, великое множество, и разноразличные съ большей части Европы. Я могу сказать, что мои намѣренія, въ семъ краю, приведены до такой степени, что нельзя оныхъ оставить безъ досподолжной похвалы. Усердное попеченіе вездѣ видно и люди къ пошму избраны способные....” Какъ вознаграждали эти строки Потемкина за все усердіе и за все шруды его!

У Кизикерменя, небольшого городка, лежащаго въ 75 верстахъ отъ Херсона, и называемаго некогда Греками *Ольвіополемъ*, а Русскими—*Бѣлою Вѣжею* или *Бериславлемъ*, знаменитые Путешественники перѣхали Днѣпръ, и были встрѣчены тамъ отрядомъ, составленнымъ изъ молодыхъ людей знатнѣйшихъ Гапарскимъ семействъ, недавно покорившихся Россіи. Имъ поручено было отъ соопечественниковъ ихъ, свидѣтельствовать Государынѣ глубокое уваженіе и просить позволенія со-

провождать Ее. Екатерина не только согласилась съ обыкновенною благосклонностію Своею на эту просьбу, но даже объявила, что на все время путешествія и пребыванія Своего въ Крымъ, она не желаетъ имѣть другой стражи, другихъ защитниковъ отъ всякой опасности, кромѣ новыхъ подданныхъ Своихъ.

Такая смѣлая рѣшительность, такая увѣренность въ народъ, бывшемъ всегда жесточайшимъ врагомъ Русскихъ, удивили всю иностранную свитѣ великой Царицы. Удивленіе еще болѣе увеличилось, когда Татары въ полной мѣрѣ оправдали эту довѣренность и преданностію къ новой Повелительницѣ своей, могли сравниться съ Русскими подданными Ея: не было опасности, на которую бы они не рѣшились для Ея спокойствія. Они особенно доказали это въ Бахчи-Сараѣ, гдѣ едва было не случилось величайшаго несчастія для Россіи. Бахчи-Сарай лежитъ въ узкой долинѣ, окруженной высокими ска-

лами. Дорога, проложенная по спуску съ крушой горы, очень опасна, и здѣсь - то, горячія Крымскія лошади, не привыкшія къ необыкновенной тяжести кареты, въ которой находилась Государыня, взбѣсались, закусали удила и понесли между скалами. Ужасъ овладѣлъ всею свитскою Императрицы. Она одна, какъ разсказывалъ потомъ Императоръ, сидѣвшій вмѣстѣ съ Нею въ каретѣ — не измѣнилась въ лицѣ! Съ невыразимымъ трепетомъ всѣ ожидали минуты, когда экипажъ, на всемъ быстромъ бѣгу своемъ опрокинется на острия скалы и разлетится въ дребезги! Въ опчаяніи никто не имѣлъ способности думать о помощи и спасеніи, но Таптарскій отрядъ, составившій почетную стражу Государыни, уже вихремъ неся вслѣдъ за каретою, уже опередилъ ее, и бросившись съ совершеннымъ самоотверженіемъ на встрѣчу бѣшеннымъ лошадямъ, остановилъ ихъ!

Пріятно было ЕКАТЕРИНЪ, за спасеніе жизни Своей, благодарить народъ, едва при года принадлежавшій Ей! и гдѣ же? во дворцѣ царей его, нѣкогда страшныхъ для Россіи, теперь не существовавшихъ болѣе! Надобно сказать вамъ, милые читатели мои, что городъ Бахчи-Сарай былъ столицею Крыма, когда имъ владѣли Таттары. Здѣсь жили ихъ ханы, и великодушная Государыня не сдѣлала ни малѣйшей перемѣны не только во дворцѣ ихъ, но даже во всемъ городѣ: по приказанію Ея, онъ не заселялся Рускими и оспался съ одними Татарскими жилищами своими. Опъ сего азійская наружность его, сохранилась въ немъ болѣе, нежели въ прочихъ городахъ Крыма. Наслѣдники Екатерины уважали волю Ея, и въ Бахчи-Сараѣ до сихъ поръ все выражаетъ народный характеръ его. И теперь еще мечети его и дворцы, фонтаны и кладбища, дышатъ воспоманіемъ, и своею необыкновенностію привлекають взоры каждаго путешес-

пвенника. Особенно примѣчательна одна главная улица его: она узка такъ, что двѣ кареты встрѣтятся, едва могутъ разъѣхаться въ ней, и протягиваясь въ длину на полторы версты, представляютъ по сторонамъ своимъ два ряда деревянныхъ лавокъ, совершенно открытыхъ. Проѣхавъ по ней одинъ разъ, можно получить точное понятіе о нравахъ, промышленности и степени образованности Крымскихъ Татаръ. Въ этихъ лавкахъ отправляются всѣ ремесла и искусства, и проходитъ почти вся жизнь ихъ. Здѣсь можно видѣть, какъ они подковываютъ лошадей своихъ, пекутъ хлѣбы, готовятъ кушанье, продаютъ разные товары, однимъ словомъ, занимаются всѣми своими дѣлами. Если и теперь еще Бахчи-Сарай представляетъ такую вѣрную картину Татарскаго города, то легко представитъ, милыя дѣти, что было въ немъ тогда, когда протекло не болѣе трехъ лѣтъ послѣ его покоренія. Всѣ пріѣхавшіе съ Государыней, воображали

себя какъ будто перенесенными въ какое нибудь азiатское царство, шѣмъ болѣе, что всѣ они помѣщены были въ великолѣпномъ, Бахчи-Сарайскомъ дворцѣ, гдѣ оставались даже нѣкоторыя изъ служителей послѣдняго хана. Объ этомъ, равно какъ и о прекрасномъ дворцѣ очень хорошо рассказываетъ графъ Сегюръ, въ своихъ запискахъ. Я думаю чашпатели мои не будутъ недовольны, если я переведу нѣсколько строкъ изъ нихъ.

„Ихъ Императорскія Величества занимали комнаты Хана. Фицъ-Гербертъ, Кобенцель, Принцъ де-Линъ и я, помѣщены были въ гаремъ, предъ окнами котораго зеленѣли красивые сады, окруженные, въ самомъ дѣлѣ, очень высокими стѣнами.

“Въ каждой комнатѣ, вся мебель заключалась въ одномъ широкомъ и покойномъ диванѣ, простиравшемся во всю длину стѣны. Сердину комнаты занималъ большой четверугольный бассейнъ изъ бѣлаго мрамора; струи:

свѣжей, прозрачной воды безпрестанно лилась изъ его трубочекъ.

„Разрисованныя стекла освѣщали слабымъ свѣтомъ эти комнашы; даже, когда отворяли окна—солнце едва могло проникать сквозь густыя вѣшви деревъ розовыхъ, лавровыхъ жасминовыхъ, гранатовыхъ и апельсинныхъ: листья ихъ покрывали эти окна какъ будто зелеными рѣшешками.

„Однажды, во время чрезвычайныхъ жаровъ, случилось мнѣ лежать на моемъ диванѣ. Сладко наслаждаясь журчаніемъ воды, свѣжестію прохлады и благоуханіемъ цвѣтовъ, я погрузился въ нѣгу востока, и лежалъ мечтая какъ паша, — вдругъ являешся предо мною низенькій шарикъ съ бѣлой бородою, въ длинномъ плащѣ, въ красной шапочкѣ на головѣ.

„Его видъ, смиренное положеніе, азійскій поклонъ, довершили мое очарованіе, и нѣсколько минутъ я могъ воображать себя настоящимъ княземъ музультманскимъ: мнѣ казалось, что пре-

до мною стоялъ какой нибудь ага или босшанджи, ожидая священныхъ приказаній моихъ „

Однакоже это былъ не ага и не босшанджи, а просто садовникъ хана Сагинъ-Гирея, пришедшій къ французскому посланнику, съ предложеніемъ показать ему все, достойное любопытства во дворцѣ Бахчи-Сарайскомъ. Надобно сказать, что этотъ дворецъ очень великъ, и безъ проводника можно заблудиться въ немъ. Тамъ много прекраснаго, много примѣчательнаго, и между прочимъ фонтанъ, такъ увлекательно, такъ мило воспѣтый нашимъ незабвеннымъ, такъ рано покинувшимъ насъ пѣвцомъ, — нашимъ Пушкинымъ.

Однакожь заговорясь о Бахчи-Сараѣ, мы забыли, что не съ него начинается Крымъ; что онъ лежитъ почти на югѣ полуострова, и что слѣдовательно не ему должны бы принадлежать первыя страницы нашего описанія Тавриды. Но не безпокойтесь, милые читатели мои, вы ничего не потеряли: ка-

чало, или правильнѣе сказать *сѣверъ* Крымскаго полуострова совсѣмъ не примѣчательнень ни въ историческомъ отношеніи, ни по природѣ своей: отъ Кезикерменя или Бериславля начинаешся степь *Нагайская*, страна безплодная, безводная и необитаемая. На ней не видно даже и спадъ, оживлявшихъ степь Новороссійскую. Только у самаго перешейка Перекопскаго, однообразная картина нѣсколько измѣняется, и глазамъ путешественниковъ, упомянутымъ безжизненностію, является съ правой стороны *Черное*, съ лѣвой стороны *Гнилое море*, или *Сивашъ*; впереди же ровъ и валъ, простирающійся на семь верстъ, т. е., во всю ширину перешейка. Но это разнообразіе не надолго: за Перекопью—это значитъ уже въ Крымѣ, таже безплодная и безлюдная пустыня: на пространствѣ 132 верстъ до Акмечети, или какъ мы называемъ этою городъ, до *Симферополя*, нѣтъ ничего, кромѣ одной гладкой равнины, покрытой засохшею правою.

Такой печальный видъ дѣлается еще скучнѣе, потому что никто не ожидаетъ найти его въ Крымѣ: всѣ слышали объ очаровательныхъ красотахъ его. Но сіи красоты являюся не прежде какъ тамъ, гдѣ начинаются гористыя мѣста Тавриды, простирающіяся по всему южному ея берегу: здѣсь-то ея прелести, здѣсь-то ея лучшія сокровища. Бахчи-Сарай есть первый городъ, встрѣчаемый въ горахъ. Императрица, знаменитый госпъ Ея, и вся свита Ихъ были восхищены имъ, и прежняя столица Крыма, лежащая въ 30 верстахъ отъ Симферополя—имѣла счастье видѣть пять дней въ стѣнахъ своихъ, новую Обладательницу свою. Эти оба города, и въ особенности Бахчи-Сарай, имѣють прекрасныя окрестности. Высокія горы, огромныя скалы, какъ-будто осѣняютъ ихъ со стороны моря. Въ двадцати верстахъ отъ Симферополя гордо поднимаетъ вершину свою высочайшая изъ горъ Крыма: Чатырь-Дагъ. Она возвышается на 790 сажень

надъ поверхностью моря; вся длина ея, начиная съ самой подошвы — простирается на десять, — ширина же на пять или шесть верстъ.

Оставивъ Бахчи-Сарай, высокіе Путешественники объѣхали прелестныя долины, разбросанныя въ его окрестностяхъ и переѣхавъ рѣку Кабарду съ ея живописными берегами, похожими на непрерывный садъ, въ шопъ же день приѣхали къ обѣду въ Севастополь, недавно созданный Пошемкинымъ на мѣстѣ, со всѣхъ сторонъ окруженномъ знаменитыми развалинами — двухъ Херсонесовъ, *Теодоріи*, или нынѣшняго *Инджермана*, *Симеолона* или Турецкой *Балаклавы* и *Партеміона*, гдѣ теперь монастырь Св. Георгія. Посреди этой почтенной древности, юный, прелестный Севастополь, построенный на горѣ, возвышающейя полукружіемъ надъ моремъ, походилъ на миловиднаго младенца, любующагося собою въ зеркаль водъ. Развалины вшораго и самаго знаме-

нишаго въ исторіи Херсонесса, лежать не болѣе какъ на полторы версты разстоянія отъ Севастополя, и жишели сего послѣдняго безъ всякой жалосши перевезли въ новое селеніе почти всѣ камни древняго города и поспроили изъ нихъ свои дома! Не лѣзя не жалѣть объ этомъ конечномъ разрушеніи зданій, споль славныхъ въ древносши, хотя уничтожающіеся остатки ихъ ожили шеперь въ новыхъ строеніяхъ, и возвысили древнею знаменитосшію Херсонеса молодую, цвѣщую славу Севастополя? Но обратимся къ тому времени, когда эта слава, не смопря на всю недавность свою, достигла блистательной эпохи, обратимся къ пріѣзду шуда ЕКАТЕРИНЫ.

По приказанію Потемкина, построены были дворцы почти въ каждомъ городѣ, гдѣ на нѣсколькo времени оспанавливалась Государыня. Такіе дворцы иногда и шамъ встрѣчались путешественникамъ, гдѣ ихъ никакo

не могъ ожидать — посреди степей и пустынь Новороссійскихъ. Дворецъ, приготовленный въ Севастополѣ, былъ особенно хорошъ. Онъ построенъ былъ прошивъ самаго залива, составляющаго знаменитый портъ Севастопольскій. Но все приготовлено было такъ, что при началѣ обѣда въ день пріѣзда туда Государыни, не лѣзя было обратиться на это особеннаго вниманія. Прекрасная музыка встрѣшила знаменитое общество при самомъ входѣ и продолжалась во все время стола. Вдругъ при одномъ изъ самыхъ гармоническихъ мѣсшъ ея, отворились двери балкона, и чудное, величественное зрѣлище представилось взорамъ всѣхъ присутствовавшихъ. Прекрасный отрядъ Турецкой конницы, поставленъ былъ въ одну линію передъ окнами дворца. Въ ту мину, когда эти окна отворились — линія раздѣлилась и, Императрица и всѣ гости Ея увидѣли обширный заливъ, и посреди

его огромный флотъ, построенный и снаряженный въ два года! Эта картина, грозная для враговъ Россіи, но величественно-привлекательная для Государыни ея, оканчивалась моремъ, кошараго зеленая волны, едва колеблемыя весеннимъ вѣтромъ, казалось въ безграничную даль свою манили стройныя суда, совсѣмъ готовые и въ пушкѣ и въ бишву! Залпъ изъ всѣхъ пушекъ грозной эскадры привѣтствовалъ Государыню. Слушая его посланники, окружавшіе Екатерину, опасались за Турцію: они знали, что несогласіе между нею и Россіею, готовы были возобновиться. Пошешкинъ, съ радосшію ожидалъ этого, какъ случая къ новой славѣ Россіи. Нѣкоторые же изъ иностранцевъ по той же причинѣ, очень желали, чтобы миръ сохранился, и такимъ образомъ, Черноморскій флотъ, съ такимъ неожиданнымъ блескомъ представленный взорамъ Екатерины въ Севастополь, возбудилъ различныя чув-

спва во всѣхъ зрителяхъ, и общимъ было только одно: удивленіе къ невѣроятной дѣятельности Потемкина. Можно ли было представить себѣ, смотря на эпоху прекрасно - устроенный портъ, на эпоху сильный флотъ, на возвышавшійся надъ ними величественно-красивый Севастополь, можно ли было представить себѣ, что все это сотворено въ два или три года? Разсмотрѣвъ со всею подробностію сіе новое чудо Потемкина, изъявивъ ему за то Свою искреннѣйшую благодарность, Государыня возвратилась для легкаго отдыха въ Бахчи - Сарай. Оттуда путешествіе продолжалось въ Симферополь. Здѣсь, Императрица и всѣ Ея спутники восхищались новыми красотами мѣстоположенія. Симферополь лежитъ среди гладкой равнины, окруженной холмами. Долины, раздѣляющія эти холмы можно назвать настоящими садами, украшенными всѣми лучшими расшеніями юга. Богатые Ташары, жилища Симферопо-

поля умѣютъ выбирать самыя живописныя группы деревьевъ, и посреди ихъ строятъ прелестныя кіоски. Легкіе куполы эшихъ Турецкихъ бесѣдокъ, расписанные самыми яркими красками, красуясь въ воздухъ вмѣстѣ съ пирамидальными вершинами величественныхъ пополей, придаютъ необыкновенную прелесть окрестностямъ Акмечети.

Пробывъ здѣсь сутки, Государыня, Императоръ и ихъ свита отправились въ *Карасу - Базаръ*, называемый некогда Греками *Мавронъ - Кастронъ*. Этотъ городъ принадлежитъ къ самымъ большимъ въ Крымъ, но не имѣетъ ничего особенно примѣчательнаго. Дома его, какъ всѣ дома Тапаръ, низки и построены неправильно. Крымскія горы сославляютъ здѣсь настоящую цѣпь, и отсюда только простираются, не прерываясь, въ одну сторону до Бахчи-Сарая, въ другую—до *Стараго - Крыма*. Но если здѣсь природа не поражала взоры знаменитыхъ путешественни-

ковъ, ничѣмъ особеннымъ, по удивлялъ ихъ почти на каждомъ шагу, Князь Пошемкинъ. Солдатами полковъ, расположенныхъ въ Крымѣ, сдѣланы были не только прекрасныя, широкія дороги въ мѣстахъ, гдѣ прежде нельзя было проѣхать, но даже разведенъ обширный, Англійскій садъ по берегамъ рѣки Карасу, и въ немъ построены великолѣпный дворецъ, для принятія Императрицы. Это еще недовольно. Въ вечеръ пріѣзда Ея, когда уже солнечные лучи исчезли въ темныхъ долинахъ и Государыня прогуливалась въ прекрасномъ, созданномъ для Нея саду—всѣ горы, видимыя въ окружности двадцати верстъ, вдругъ зажглись разноцвѣтными огнями, и въ этомъ свѣпломъ горизонтѣ, величественный Чешырдагъ, поднимая выше всѣхъ вершину свою, сіялъ блескомъ, превосходившимъ все окружающее его: на немъ горѣлъ вензель Екатерины и фейервѣркъ, во время котораго взлетѣло на воздухъ шриста тысячъ ракетъ; это чудо, никогда невиданное

Татарами, вывело ихъ изъ обыкновеннаго равнодушія и холодности ихъ: они съ восхищеніемъ смопрѣли на мелькавшіе передъ ними волшебные огни, и въ Крымѣ до сихъ поръ еще есть старики, воспоминающіе объ этомъ преступномъ явленіи, такъ поразившемъ ихъ въ молодости.

На другой день великолѣпнаго праздника, восхитившаго и *Екатерину*, и *Иосифа*, путешествіе продолжалось уже въ горахъ, по дорогѣ къ *Судаку*. Это одинъ изъ древнихъ городовъ и портовъ Крыма. Генуэзцы называли его *Солдаіа*, а Турки, побѣдители ихъ, *Судакѡ*. Отъ всей древней славы зтаго города, осталась теперь только одна слава его виноградниковъ: они лучшіе во всемъ Крымѣ.

Изъ Судака, Царственныя путешественники пріѣхали въ *Старый - Крымъ*, принадлежащій также къ древнимъ городамъ Тавриды; отсюда въ сосѣдственный съ нимъ городъ *Кафу*, который въ счастливый день прибытія къ

нему Императрицы, получилъ новое имя или лучше сказать, возвратилъ прежнее: **ЕКАТЕРИНА** снова назвала его **Θεοδοσίєю**, именемъ, даннымъ ему Греками, при основаніи его. Турки, завладѣвшіе имъ въ послѣдствіи, были поражены его великолѣпіемъ, и потому назвали *Керимъ-Стамбуломъ*, т. е. *Крымскимъ Константинополемъ*, послѣ же разоренія его Тапарами, онъ назывался *Кафою*.

Изъ Θεодосіи Государыня намѣрена была проѣхать по берегамъ Азовскаго моря, въ сѣверномъ направленіи ихъ, чтобы видѣть города Мариуполь, Таганрогъ, Черкасскъ и Азовъ, но приближавшаяся осень, нездоровый воздухъ этой части береговъ Азовскихъ, важныя дѣла, требовавшія присутствія Императрицы въ Петербургъ, заставили Ее оплодить это намѣреніе, и такимъ образомъ Θεодосія сдѣлалась послѣднимъ Крымскимъ городомъ, посвященнымъ **ЕКАТЕРИНОЮ**: отсюда Она отправилась въ возвратный путь.

Проѣхавъ снова степи Крымскія и Нагайскія, знаменитые Пупешественники прибыли въ Кезикермень, и здѣсь Царственный Господь Екатерины, распался съ Нею, удивленный всѣмъ видѣннымъ имъ въ Россіи, и болѣе всего—великою Царицею зтой великой Россіи. Онъ гордился дружествомъ, которое оказывала ему Екатерина и восхищался мыслию, что оно еще болѣе утвердилось во время путешествія.

Изъ Кременчуга, Императрица поѣхала не такъ, какъ ѣхала шуда, т. е. не на Кіевъ, но чрезъ Полтаву, Харьковъ, Курскъ, Орель и Тулу—въ Москву. Однакожь, прежде нежели мы послѣдуемъ за нею въ эту древнюю столицу нашу, остановимся на Полтавѣ и скажемъ нѣсколько словъ о новой неожиданности, которую Князь Таврическій приготовилъ здѣсь для Государыни. Конечно, вамъ не нужно напоминать о важности имени Полтавы. Каждый, кто одинъ разъ слы-

шаль о славномъ событіи, случившемся при ней, вѣрно никогда не забудеть его. Вообразите же удивленіе Императрицы, когда зпощь незабвенный для насъ, день Полтавы повторился живою картиною предъ глазами Екатерины! Князь Пошемкинъ, на самомъ мѣстѣ побѣды Петра собралъ многочисленный корпусъ войскъ, и въ искусныхъ маневрахъ ихъ представилъ знаменитую битву со всею возможною точностію. Ни малѣйшія подробности не были забыты и все происходило съ такимъ правдоподобіемъ, съ такою вѣрностію, что зрители невольно перенеслись въ минувшее, и глаза Екатерины заблестали горделивою радостію. Очевидцы говорили, что въ эти минуты въ ней видна была не только Государыня, носившая корону, возвеличенную днемъ Полтавы, но можно было думать, что въ жилахъ этой Государыни лилась кровь Героя Полтавскаго: столько величія и счастья выражалось на прекра-

сномъ лицъ Ея. Князь Таврическій, вполнѣ вознагражденный за все оказанное имъ усердіе, новыми милостями Императрицы, сопровождалъ Ее до Харькова. Отсюда онъ возвратился въ Кременчугъ, къ важной должности своей начальника края, близкаго къ безпокойной Турціи, гдѣ уже снова замыслили прошивъ Россіи; Екатерина знала о томъ, и потому поручила Пошемкину быть гошовымъ къ походу, какъ скоро получитсѣ извѣстіе о нарушеніи мира со стороны Турокъ.

Въ Москвѣ, иностранная свита Государыни удивлена была великолѣпными праздниками, которые давались въ честь радостнаго пріѣзда. Особенно, праздникъ Графа Шереметева внесень былъ въ записки всѣхъ посланниковъ. Они говорили, что никогда не видывали въ одномъ мѣстѣ столько золота и серебра, столько фарфора и мрамора. Весь хрушаль, покрывавшій огромный столъ на сто приборовъ, украшенъ

быль прекраснѣйшими алмазами и другими драгоценными каменьями. Однимъ словомъ, не видѣвшіе собственными глазами, почти не могли вѣрить такому чрезвычайному богатству. Кроме этой роскоши, Шереметевъ удивилъ всѣхъ самымъ праздникомъ: главную часть его составлялъ прекраснѣйшій спектакль, на кошоромъ представляла была *Русская опера* и балетъ. И какъ бы вы думали, милыя дѣти,—не только всѣ дѣйствующія лица этой оперы и балета, т. е. актеры и актрисы, танцоры и танцорки, но даже сочинители стиховъ оперы и музыки ея, даже архитекторъ, построившій театръ, и живописецъ, украсившій его — были всѣ дворовые люди графа Шереметева! Что же послѣ того должны были думать тѣ изъ иностранцевъ, которые все еще называли иногда Россію—землею *варваровъ*. О! имъ очень совѣстно было удосповѣриться въ противномъ. Все путешествіе *Екатерины* прекрасно показало имъ и всей

Европѣ степень образованности Россіи, и все то, чего можно было ожидать отъ ея—такъ быстро создавшагося могущества. Послѣ этого путешествовавшаго, всѣ еще болѣе начали опасаться намѣреній Потемкина въ отношеніи Турціи и успѣхъ его казался для многихъ несомнѣннымъ. Это заставило враговъ Россіи дѣйствовать скорѣе и перемѣнить планъ свой: прежде они старались о мирѣ, который бы не допустилъ Россію распространить владѣнія свои; теперь, сильнѣйшіе изъ нихъ—вздумали, что нападеніе со стороны Турокъ еще болѣе повредитъ Россіи, и начали хлопотать о войнѣ. Для этого имъ надобно было представить Туркамъ опасное положеніе ихъ, и,—они заговорили о намѣреніяхъ Потемкина, о надеждахъ Грековъ, и наконецъ убѣдили Султана въ томъ, что, для избѣжанія бѣды, надобно предупредить Русскихъ, и объявить имъ войну прежде, нежели они сами нападуть на Турецкія области. При этомъ случаѣ, Ан-

гличане дѣйствовали прошивъ Е к а т е р ины еще болѣе нежели Французы: они особенно не любили Ее, со времени учрежденія вооруженнаго нейтралитета. Къ нимъ присоединилась также и Пруссія, потому что Короля, высоко уважавшаго знаменитую Государыню Рускую, уже не было: Фридерикъ Великій скончался въ 1786 году, а племянникъ и наследникъ его, Фридерикъ Вильгельмъ II, увлечень былъ внушеніями Англіи, и почиталъ необходимоспію вредить могуществу Россіи. Столько непріятелей не могли не имѣть скорого успѣха, и едва прошедъ мѣсяць послѣ возвращенія Императрицы въ Петербургъ, какъ уже получено было извѣстіе, что по приказанію Султана, Рускій посланникъ въ Коншантиннополь, *Булгаковъ*, посаженъ въ Семибашенный замокъ, и война объявлена. Какъ ни велика была несправедливостъ Турціи, объявлявшей эту войну безъ всякой основательной причины, какъ ни радовался *Потемкинъ*

этому—давно ожидаемому имъ случаю къ началю военныхъ действий противъ Турокъ, но Екатерина, увлекаемая чувствами Своего человеколюбиваго сердца, забыла на сей разъ о всѣхъ высокихъ планахъ Потопкина, и расположена была склониться къ миру, если бы Турки имѣли благоразуміе воспользоваться этимъ расположеніемъ. Къ несчастію своему, Турки думали совсѣмъ иначе, и въ слѣдующемъ разказѣ, вы увидите, милыя дѣши, какъ гордо они мечтали о силѣ своей, и какъ обманулись въ ней!

В О Й Н А с ъ Т У Р Ц І Е Й

И

С У В О Р О В Ъ.

Отъ 1787 до 1790 года.

(Пер. 3 лѣтъ).

Гордость Турокъ лучше всего доказывалась тѣми безразсудными претребованіями, которыя они осмѣлились предложить ЕКАТЕРИНѢ: можно ли было предсказать себѣ, что они хотѣли, чтобы Россія отказалась отъ всѣхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ ею Кай-

нарджисскимъ мироиъ, и возвратила бы опять Крымъ подъ власшь ихъ! Такъ объявлено было посланнику нашему—и можно представитъ, съ какимъ негодованіемъ онъ услышалъ такое предложеніе. Несогласіе его привело въ гнѣвъ Султана, или лучше сказать, Султанъ искалъ случая прогнѣваться, и—Булгаковъ заключенъ былъ въ темницу.

ЕКАТЕРИНА, удостовѣрясь въ непремѣнномъ желаніи Турокъ начати войну, приступила съ Своею обыкновенною твердостію къ необходимымъ распоряженіямъ. Она раздѣлила войско: назначенное для вступленія въ Турцію, на двѣ главныя арміи: *Екатеринославскую* и *Украинскую*. Первою—начальствовалъ *Тавригескій*, второю—*Румянцевъ-Задунайскій*.

Не смотря на высокія достоинства, отличавшія сихъ двухъ полководцевъ, не смотря даже на одинаковую, безпредѣльную преданность ихъ къ Им-

ператрицѣ, они не были въ согласіи другъ съ другомъ. Попемкинъ былъ почти пятнадцатью годами моложе Фельдмаршала Румянцева, и подъ начальствомъ его совершилъ свои первые, военные подвиги въ дѣйствующей арміи 1768 года. Румянцевъ, также какъ и Архіепископъ Амвросій предугадывалъ высокую участь, ожидавшую молодаго Попемкина, бывшаго въ это время генераль-маіоромъ, и даже старался доставлять ему случаи къ опличіямъ. Спало бытъ, чувство благодарности и чувство уваженія къ лѣшамъ и къ пѣмъ высокимъ достоинствамъ, которыми славился Румянцевъ, должны бы навсегда привязать къ нему Попемкина, но случилось иначе, и счастливый ученикъ, въ знаменитѣйшіе дни своей славы, вовсе не думалъ щадить чувствительность заслуженнаго Фельдмаршала, и всегда почишалъ себя важнѣе его. Чтобы чишатели мои могли лучше судить объ этомъ, я предложу имъ нѣсколько словъ

одного изъ очевидцевъ и знаменитыхъ спутниковъ Екатерины во время путешествія Ея въ Крымъ. Вотъ что говоритъ онъ: „Фельдмаршалъ Румянцевъ, генераль-губернаторъ Малороссіи, встрѣшилъ Императрицу на границахъ Кіевской губерніи. На лицѣ стараго и знаменитаго воина ясно выражались отличительныя черты его характера: смѣсь скромности и благородства, которыми всегда сопровождается истинное достоинство. Но это пріятное выраженіе помрачалось легкою пѣвю печали и досады при видѣ предпочтенія, оказываемаго во всемъ князю Потемкину.“

Когда чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того началась война Турецкая, Румянцевъ почувствовалъ еще болѣе огорченія. Князь Таврическій былъ главнымъ распорядителемъ войны, и можно сказать, что опъ того, она шла медленнѣе, нежели всѣ прежнія войны Рускихъ съ Турками. Между тѣмъ, какъ

Румянцевъ, всегда спокойный, но дѣятельный въ начертаніи плановъ, стройно подвигалъ свою Украинскую армію къ границамъ Молдавіи, Пошемкинъ, дѣйствуя лично въ мѣсяцахъ самыхъ опасныхъ, предавался съ обыкновеннымъ спокойствіемъ странностямъ своего характера. То дѣятельный, то безпечный, онъ то удивлялъ всѣхъ смѣлостію своихъ предпріятій, то приводилъ войско въ уныніе своимъ бездѣйствіемъ. Такъ было въ то время, когда онъ осаждалъ *Отаковъ*, и вообще во все продолженіе этой войны. Трудно было понимать удивительнаго Пошемкина, однакожь были люди, очень хорошо его знавшіе и съ величайшею вѣрностію изображавшіе характеръ его. Воспользуемся ихъ замѣчаніями, и особенно послушаемъ того изъ нихъ, кто былъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ знаменитымъ покорителемъ Крима, послушаемъ Принца де-Линь: какъ генераль Австрійской службы, онъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ Рус-

кихъ съ Турками въ 1787 и 1788 годахъ; онъ былъ также при осадѣ Очакова, подъ личнымъ начальствомъ Таврическаго. Описаніе Потемкина, сдѣланное имъ, такъ любопытно, что мы приведемъ его здѣсь слово въ слово. Вотъ что писалъ Принцъ изъ лагеря Очаковскаго къ графу Сегюру: „Я вижу здѣсь „начальника арміи, который безпрес- „панно трудится, а имѣетъ самый лѣни- „вый видъ. Боязливый за другихъ, храб- „рый самъ по себѣ, онъ часто, подъ силь- „нымъ огнемъ батареи спокойно раз- „даетъ приказанія, и при всемъ томъ, „онъ болѣе Улиссъ, нежели Ахиллъ. Без- „покоясь въ ожиданіи опасности, онъ „дѣлается бодръ съ наступленіемъ ея. „Грустный посреди удовольствій, несча- „стный отъ великости своего счастья, „угрюмый, непостоянный, онъ мо- „жетъ восхищаться всѣмъ, и пошчасъ „же получаютъ отвращеніе отъ всего; „онъ, въ одно время, и важный фило- „софъ, и искусный министръ, и десяти- „лѣтній ребенокъ; онъ незлопамятенъ,

„проситъ прощенія у шѣхъ, кого огор-
„читъ, и старается какъ можно скорѣе
„загладить несправедливостъ.,,

Однакожь, не смотря на сіи по-
слѣднія качества, выхваляемыя прин-
цемъ де-Линь, Румянцевъ не былъ до-
воленъ Пошемкинымъ, и чувствуя,
болѣзнь въ ногахъ въ началѣ 1789 года,
просилъ увольненія и окошно удалился
въ Кіевское помѣстье свое. Здѣсь, онъ
проводилъ все время свое въ чпеніи, —
которое всегда было его любимымъ
занятіемъ, — и въ бесѣдахъ съ своими
поселянами. Здѣсь же онъ, при всемъ не-
удовольствіи своемъ на Пошемкина, со-
слезами услышалъ о смерти его и умѣлъ
опдать ему справедливостъ слѣдующи-
ми словами, сказанными имъ въ то вре-
мя, когда домашніе его съ удивленіемъ
смотрѣли на его слезы: *Чему вы
удивляетесь, то я плачу? Потемкинъ
былъ лишь соперникомъ; но Россія лиши-
лась въ немъ великаго мужа, а отече-
ство усерднѣйшаго сына.,,*

Теперь, читатели мои, когда вы уже довольно знакомы съ двумя, знаменитѣйшими людьми вѣка ЕКАТЕРИНЫ, надобно сказать вамъ о претѣемъ, о современникѣ ихъ, не менѣе знаменитомъ, о героѣ *Суворовѣ*. Уже нѣсколько разъ имя его являлось въ рассказахъ нашихъ, уже нѣсколько разъ, онъ удивлялъ насъ своею храбростію; теперь же мы дошли до того времени, съ котораго начинается блистательнѣйшая эпоха его славы,—до войны 1787 года, и слѣдовательно теперь надобно поговорить подробнѣе о жизни и дѣлахъ знаменитѣйшаго изъ полководцевъ XVIII столѣтія.

Къ сожалѣнію, исторія рассказываетъ намъ очень мало о дѣтствѣ *Александра Васильевича Суворова*: мы знаемъ только, что отецъ его, генераль-аншефъ и сенаторъ, *Василій Ивановичъ Суворовъ*, происходилъ отъ Шведско-Финляндской фамиліи, былъ крестникомъ Петра Великаго, и занимая почешное мѣсто по части дипломатической, назъ-

началь и для единственнаго сына своего, будущаго героя Россіи, тоже поприще. Для того онъ и не записалъ его ни въ какой гвардейскій полкъ, какъ дѣлали почти всѣ знаменитые люди того времени. Это обыкновеніе, въ послѣдствіи, съшлось справедливо опмѣненное, часто доставляло дѣшьямъ—записаннымъ въ полки при самомъ рожденіи, чинъ офицера гвардіи, въ четырнадцать или пятнадцать лѣтъ. Такіе офицеры часто не имѣли никакого понятія о службѣ, и не переносили никакихъ трудностей ея. Но судьба, готовя Суворову высочайшую славу на поприщѣ военномъ, конечно, хотѣла, чтобы онъ узналъ въ подробности всѣ степени жизни война, и для того не допустила его попасть въ число офицеровъ, легко получавшихъ офицерскій чинъ свой. Съ нимъ, напротивъ того, было совсѣмъ иначе: приготавливаясь до двѣнадцати лѣтънаго возраста своего, къ службѣ гражданской и дипломатической, молодой Александръ

Васильевичъ получилъ отъ родителей своихъ самое лучшее въ то время воспитаніе. Кромѣ языковъ Французскаго и Нѣмецкаго, онъ зналъ Англійскій и Италіянскій. *) Но любимою наукою и самымъ пріятнымъ занятіемъ его съ дѣтства, была — исторія. Читая въ ней описанія героевъ древнихъ и новыхъ, восхищаясь дѣлами ихъ, онъ чувствовалъ высокое назначеніе свое, и воинственный геній, еще покоившійся сладкимъ сномъ дѣтства въ младенческой душѣ его, пробудился при именахъ Александра, Аннибала, Цесаря и Карла XII. Однакожь, Суворовъ, никогда не былъ точнымъ подражателемъ котораго либо изъ сихъ знаменитыхъ и любимыхъ

*) Суворовъ всегда утверждалъ, что начальнику войска непременно нужно говорить на языкѣ того народа, съ которымъ онъ ведетъ войну. Въ послѣдствіе времени Суворовъ выучился еще языкамъ: *Турецкому*, *Персидскому* и *Финскому*; первому во время продолжительныхъ войнъ съ Турками; второму, въ Астрахани, гдѣ жилъ онъ годъ для усмиренія непокойствъ, начавшихся между соседними Персіанами, и третьему, — въ Финляндіи.

имъ полководцевъ, — нѣшъ, онъ умѣлъ оплечать лучшія качества въ каждомъ изъ нихъ, и подражалъ только тому, что было истинно — высоко и превосходно въ нихъ. Такъ, на примѣръ, онъ любилъ неустрашимость, отважность и быстроту героя Шведскаго, но всегда осуждалъ его излишнюю пылкость, нерасчетливость, недоспашокъ образованія и осторожности. Онъ рассуждалъ такимъ образомъ не только въ то время, когда былъ уже начальникомъ войска, но даже и тогда, когда, будучи еще дѣшствѣ, занимался любимымъ своимъ чтеніемъ. Удивительно было видѣть его въ это время! Смотри на пламенное участіе, съ которымъ онъ слѣдовалъ за своими избранными героями, на счастіе, которымъ наслаждался, бесѣдуя съ ними въ своей уединенной комнатѣ, и забывая въ этой бесѣдѣ весь міръ—можно было предвидѣть его блестящіе успѣхи въ дѣлахъ военныхъ; можно было предсказать его будущую

славу. *) Можеть быть, имѣя эту увѣренность, отецъ его безъ огорченія увидѣлъ планъ свой разрушеннымъ; будущій дипломатъ его просилъ позволенія вступишь въ военную службу, и благоразумный Василій Ивановичъ далъ охотно свое согласіе. Старикъ сожалѣлъ только о томъ, что сыну его, не запи-

*) Такъ и случилось однажды. Молодой Суворовъ, проводя большую часть своего времени за книгами, часто не выходилъ по цѣлымъ днямъ изъ своей комнаты. Отцу, строго смотрѣвшему за нимъ, не совсѣмъ нравилось это—и иногда онъ, несправедливо подозрѣвалъ его въ шалостяхъ. Въ одинъ изъ такихъ дней, прѣзжаетъ къ нему искреннѣйшій другъ его и извѣстный отличными способностями своими, арабъ-воспитанникъ Петра Великаго—генераль Ганнибалъ. Старый сенаторъ, ворча на то, что цѣлый день не видалъ сына, просилъ друга своего зайти нечаянно въ его комнату, и посмотрѣть, что дѣлаетъ шалунъ. Ганнибалъ исполнилъ желаніе хозяина, и нашелъ молодого Суворова, глубоко погруженнаго въ чтеніе. Онъ не могъ не удивиться такому прилежанію въ мальчикѣ, и удивился еще болѣе, когда заговоривъ съ нимъ, узналъ его обширныя и основательныя свѣденія. Возвратясь къ счастливому отцу, почтенный генераль сказалъ: «Нѣтъ, братъ Василій Ивановичъ, его бесѣда лучше нашей: *съ такими гостями, какіе у него, уйдетъ онъ далеко!*»,

санному ни въ какомъ полку, трудно будешь дослуживаться до офицерскаго чина. Но не шакъ думалъ молодой Александръ Васильевичъ: увлекаемый непреодолимою спраспїю къ военному званію, онъ доволенъ былъ, что пройдетъ всѣ степенни его, и обрадовался, когда его записали въ Семеновскій гвардейскій полкъ, проспымъ солдатомъ. Это было въ 1742 году — въ то самое время, когда ему минуло двѣнадцать лѣтъ отъ роду. Въ 1747 году, — то еспь черезъ пять лѣтъ послѣ того, онъ сдѣланъ былъ капраломъ, въ 1749 — уншеромъ-офицеромъ, потомъ сержантомъ, и не прежде, какъ въ 1754 году, когда усердная служба его въ гвардіи сдѣлалась извѣстна всѣмъ начальникамъ его, онъ переведень былъ поручикомъ въ армію. Съ сихъ поръ производсво чиновъ его пошло гораздо скорѣе и въ 1756 году, онъ былъ уже подполковникомъ. Но всѣ сіи успѣхи мало радовали геройскую душу молодаго воина: онъ не былъ еще ни въ одномъ сраженіи, не прїобрѣталъ

кровію опличій своїхъ! Наконецъ въ 1759 году — пламенное желаніе его исполнилось: полкъ, гдѣ находился онъ, назначень былъ въ походъ противъ Прусаковъ. Чипашели мои, конечно помнятъ, что въ это время Прусаки, подъ начальствомъ славнаго Короля своего, Фридерика, вели съ Россіей, Австріей и Франціей войну, извѣстную подъ именемъ семилѣтней. Здѣсь-то, въ этой знаменитой школѣ, имѣя предъ глазами великій примѣръ царственнаго героя, Суворовъ началъ въ первый разъ примѣнять къ опытамъ, военные уроки. Онъ замѣчалъ всѣ дѣйствія Фридерика, всѣ ошибки непріятелей его, разсматривалъ всѣ причины побѣдъ его, изучалъ всѣ правила, по которымъ поступалъ онъ, и послѣдствія показали, до какой степени воспользовался Суворовъ превосходнымъ образцемъ своимъ: система войны, какой держался онъ, будучи предводителемъ войска, совершенно сходствовала съ смѣлою системою Фридерика. Но не будемъ спѣшить: герою

нашему еще далеко до предводительства: онъ еще только подполковникъ въ сраженіи Куннерсдорфскомъ, столь несчастливомъ для Фридерика. Это была первая битва, въ которой участвовалъ Суворовъ, и въ которой обратилъ на себя особенное вниманіе своего начальника, князя Волконскаго, и попомъ Фельдмаршаловъ: графовъ: Румянцова и Фермора. Послѣдній, будучи и самъ героемъ на полѣ битвы, чрезвычайно полюбилъ Суворова, и доставлялъ ему всѣ случаи отличиться. Храбрый подполковникъ безпрестанно былъ въ авангардѣ, участвовалъ во всѣхъ трудныхъ предпріятіяхъ, и жадно искалъ опасней и славы. Пруссаки скоро почувствовали силу спрашной руки его, которая была неутомима во все продолженіе этой войны: Суворовъ былъ и при взятіи генераломъ Гошлебеномъ Берлина, и способствовалъ паденію Колберга, прославившаго въ первый разъ имя Румянцева. Извѣстно, что этою славною побѣдою Русскихъ окончилась война

семилѣтняя, и Императоръ Петръ III заключилъ миръ съ Фридрикомъ.

Съ восшествіемъ на пресполю Екatherineны, Суворовъ, въ чинѣ полковника Аспраханскаго полка, вызванъ былъ въ Петербургъ: проницательная Государыня уже знала всю цѣну знаменитаго подданнаго Своего, и старалась не терять его изъ вида. Суворовъ прожилъ такимъ образомъ въ Петербургъ до 1768 года: въ это время началась война съ Польскими конфедератами, и онъ отправленъ былъ въ Варшаву. Читатели мои уже знаютъ, какъ прославился Суворовъ въ этой войнѣ. Ему принадлежала честь совершеннаго усмиренія конфедератовъ и покоренія ихъ законной власти короля Спанислава. Чинъ генераль-маіора и ордена: Св. Анны, Св. Александра Невскаго и Св. Великомученика Георгія были наградами побѣдъ его. Онъ возвратился въ Петербургъ въ 1773 году, и почти въ тотъ же день просилъ у Императрицы позволенія, Участвовать въ войнѣ съ Турками. Ека-

ТЕРИНА знала, сколько пользы принесетъ присутствіе его въ арміи, и спѣшила оппавить его къ графу Румянцеву. Необыкновенные успѣхи этой войны, оконченной славнымъ Кайнарджискимъ миромъ, вамъ также извѣстны, милыя дѣти. Суворовъ принималъ участіе почти въ каждомъ изъ главныхъ сраженій, и особенно опличился взятіемъ одного важнаго Турецкаго городка *Турпука*, лежащаго на берегу Дунайскомъ. Но нехотите ли вы узнатьъ ближе героя нашего? Прочитайте донесеніе его Фельдмаршалу Румянцеву объ этой новой побѣдѣ. Вотъ оно слово въ слово:

„Слава Богу! слава вамъ!

„Турпукай взятъ—и я тамъ!“

Это необыкновенное донесеніе можно назвать вѣрнымъ изображеніемъ Суворова: онъ всегда опличался глубокою набожностію, и она дышетъ въ первомъ восклицаніи его: „Слава Богу!“, онъ былъ скромень такъ, какъ рѣдко можешь

быть скромный счастливый и искусный воинъ, и не эта ли скромность видна въ словахъ его: „слава вамъ!“ Онъ былъ чрезвычайно быстръ въ дѣйствіяхъ и кратокъ въ рѣчахъ, — и какъ хорошо выразилось это въ послѣдней строку его донесенія! Наконецъ стихотворная форма эпического донесенія не показываетъ ли, что онъ любилъ поэзію? Это заставляло его иногда отвѣчать стихами на письма къ нему Державина, и восклицать: „если бы я не былъ полководцемъ, то былъ бы писателемъ!“

Но говоря о нравственныхъ качествахъ и природныхъ способностяхъ Суворова, должно сказать читателямъ о томъ, чѣмъ прежде всего удивлялъ онъ каждого, кто его видѣлъ: о его странностяхъ. Никогда человекъ, достигшій такого почетнаго мѣста въ обществѣ, не имѣлъ такъ мало сходства въ обычаяхъ съ другими людьми, какъ Суворовъ. Не только въ важныхъ дѣлахъ, но и въ самыхъ мелочахъ былъ онъ необыкновененъ. Мы должны обратить вниманіе на странности его

тѣмъ болѣе, что дошли до того времени, какъ онъ начали дѣлаться извѣстными и въ арміи, и даже при Дворѣ, особенно съ шѣхъ поръ, какъ дѣлшельное участіе Суворова въ счастливомъ покореніи Крыма, покрыло новымъ блескомъ уже знаменитое имя его.

Можно ли предсавишь себѣ, что эшопъ челоѣкъ, столь возвыщенный надъ другими, могъ заслуживать когда нибудь названіе *тудака*, Вы удивляешесь друзья мои? Да, чудака! Многіе, неоспигавшіе его генія, считали его такимъ, особенно иностранцы, для которыхъ поснигнуть его было еще шруднѣе, пошому что не зная ни языка, ни нравовъ, ни обычаевъ нашихъ, они находили удивительнаго генерала еще страннѣе, нежели соотечественники его. Да и кто не нашель бы его страннымъ, когда онъ чшобы расказать вамъ о немъ, милыя дѣпи, болѣе необыкновенное?—да, когда онъ, наримѣръ, выбѣгалъ въ лагерь изъ палатки своей, становился на одну ногу, и изъ всѣхъ

силъ кричалъ:,, *Кукуреку! кукуреку,* Вамъ каженся это смѣшно и невѣроятно, друзья мои, но это была совершенная правда. Послушайте далѣе: кто не нашель бы его страннымъ, если бы видѣль, какъ онъ, каждый день, во время походовъ ѣль вмѣстѣ съ солдатами сухари и кашу ихъ; садился за обѣдь свой въ 8 или 9 часовъ утра? приказывалъ выносить изъ опшведенныхъ ему кварширъ, мебели и вмѣсто нихъ приносить только связку сѣна и чанъ съ холодною водою: на сѣнѣ онъ всегда спалъ,—водою окачивался каждое утро, даже и зимой. Передъ сраженіемъ, сѣвъ на лошадь, кричалъ солдатамъ:,, На кони! на кони! кто со мной не поѣдетъ, того волки съѣдятъ!,,—Однимъ словомъ, нельзя исчислить всего, что дѣлалъ страннаго Суворовъ, а такимъ образомъ какъ не прослыть у людей чудакомъ? Но между этими самыми людьми, были и такіе, которые не судили по одной наружности, но разсмапривали причины

дѣйствій. Они видѣли, что простыя привычки, такъ много опличавшія его отъ высшаго круга, къ которому принадлежалъ онъ, имѣли особенную цѣль. Что могло лучше сблизить полководца съ войнами его, какъ не образъ жизни, совершенно одинакій? Что могло скорѣе всего побудить ихъ къ перенесенію всѣхъ трудностей военныхъ, какъ не высокій примѣръ его? Могли ли они жаловаться на скоростъ маршей, на скудоссть пищи, на краткій отдыхъ во время походовъ, когда самъ начальникъ ихъ шелъ подлѣ нихъ, и шѣмъ же шагомъ какъ и они; ѣлъ съ ними кашу, спалъ еще менѣе ихъ, пошому что пѣлъ пѣшухомъ гораздо ранѣе настоящихъ пѣшуховъ. О! они не только не жаловались, но одинъ взглядъ на него, заставлялъ ихъ забывать всѣ опасности, одинъ звукъ необыкновеннаго пѣнія разливалъ какое-то общее, неизъяснимое веселіе по всему лагерю, не смотря на то, что это пѣніе было

всегда сигналомъ къ бившвѣ *). Спало бытъ всѣ дѣйствія Суворова имѣли цѣлю привязать къ себѣ войско такъ, чтобы оно имѣло какъ бы одну съ нимъ душу, и потомъ, какою-то особенностію поступковъ сдѣлаться въ глазахъ эшаго войска, сущесвомъ отличнымъ отъ другихъ людей. Эша цѣль была въ полной мѣрѣ достигнута: каждый солдатъ Суворова любилъ его болѣе жизни; каждый солдатъ, видя въ немъ человека сверхъестественнаго, почиталъ себя непобѣдимымъ подъ начальствомъ его, и былъ точно непобѣдимъ: известно, что во все время продолжительной службы Суворова, онъ не проигралъ ни одного сраженія. Военная исторія всѣхъ вѣковъ не представляетъ подобнаго примѣра, и этимъ неизмѣннымъ счастли-

*) Суворовъ обыкновенно дѣлалъ эту шутку, только въ тѣ дни, когда назначалось сраженіе и когда приказано было войску по первымъ пѣтухамъ вставать, по вторымъ собираться, по третьимъ выступать.

Суворовъ обязанъ былъ болѣе всего, безпредѣльной преданности къ нему солдаты и офицеровъ.

И такъ, теперь, читатели мои вы понимаете цѣль необыкновенныхъ странностей знаменитаго полководца нашего; она была благородна и высока, и потому, всѣ шутки Суворова, даже плоскія по наружности, всѣ, даже самое *курку* его, заслуживающъ не смѣхъ, но удивленіе наше. Многие изъ современниковъ его, присоединяли къ этой цѣли, еще другую причину, о которой историки того времени, говорятъ съ достовѣрностію въ сочиненіяхъ своихъ, и это заслуживаетъ и насъ, повторить ихъ заключенія.

Суворовъ, вступивъ на военное поприще гораздо позже своихъ сверстниковъ, проходилъ его безъ покровительствъ, — и, какъ читатели мои видѣли, долго оспаивался въ нижнихъ чинахъ. Между тѣмъ, для души его, любившей славу, ле-

стно было обратитъ на себя вниманіе Государыни. Но какъ сдѣлать это? чѣмъ отличить себя въ толпѣ соперниковъ, изъ копорыхъ, большая часть была выше его чинами. Въ то время, какъ онъ разсуждалъ объ этомъ, сама Императрица вывела его изъ затрудненія, случайно сказавъ въ избранномъ обществѣ Ея, что почти всѣ великіе люди, о которыхъ говорить исторія, имѣли свои странности, свои особенныя привычки и даже недоспашки, опъ копорыхъ ни время, ни старанія, ни самая слава, не могли освободить ихъ.,, Да это и не нужно,—прибавила Великая—человѣкъ съ сильнымъ характеромъ и глубоко погруженный въ планы свои, конечно не будетъ много заботиться о томъ, чтобы исправить какіе нибудь недоспашки свои во все не важныя, и нѣкоторымъ образомъ отличающіе его отъ толпы.“

И такъ, слыша съ какою снисходительностію, Императрица извиняла

легкіе недоспадки людей, способныхъ на дѣла великія, онъ осмѣлился безъ страха, употребить единственное средство, которымъ могъ отдѣлиться отъ толпы и обратитъ на себя вниманіе Царицы,—это драгоцѣнное вниманіе, залогъ величія и славы. Средство его тѣмъ удобнѣе казалось ему, что оно заключалось въ тѣхъ же странностяхъ, которыми онъ уже удачно дѣйствовалъ на умы своихъ подчиненныхъ, и вошъ—вторая, столько же правдоподобная, какъ и первая — причина тѣхъ необыкновенныхъ поступковъ Суворова, по которымъ многіе называли его чудакомъ.

Послѣ этого отступленія, необходимаго для того, чтобы вы, милыя дѣти, имѣли полное понятіе о знаменитомъ полководцѣ нашемъ, обратимся къ описанію побѣдъ его, для которыхъ 1787 годъ, былъ началомъ самой блистательной эпохи.

Турки, объявивъ войну Россіи, сдѣ-

лали первое нападеніе изъ Очаковской крѣпости своей, на лежащій проливъ нее въ двухъ миляхъ разстоянія, небольшой городокъ нашъ, *Кинбурнъ*, построенный на косѣ, или островоконечномъ мысѣ степи Нагайской. Кинбурнъ могъ быть важнымъ завоеваніемъ для Турокъ, потому что открывалъ удобную дорогу къ Херсону и въ Крымъ, но къ счастью, въ это время въ Кинбурнѣ былъ для осмотра войскъ Суворовъ, и вы можете представить себѣ, что Туркамъ удалось только подуманъ объ этомъ завоеваніи. Вовсе не ожидая однакожъ своего несчастія, они съ большею самонадѣянностію выступили изъ Очакова въ числѣ 6000 человекъ отборнаго войска, которому приказано было отъ Паша Очаковскаго побѣдить или умереть; отъ того и всѣ суда, высадившія ихъ на берегъ Кинбурнскій, должны были отъѣхать назадъ къ Очакову. Въ то время, когда въ Кинбурнѣ увидѣли, что Турки подъѣзжаютъ

къ косъ , и нѣкоторыя суда уже высаживають войска, Суворовъ спалъ послѣ ранняго обѣда своего. Адъютантъ , пришедшій доложить объ эшомъ , разбудилъ его. Храбрый генераль , на сей разъ , не вскочилъ съ обыкновенною своею поспѣшностію , но спокойно оспаваясь на постелѣ , сказалъ : „*Не лѣшайте или , пусть всѣ вылезутъ*!“ — Въ самомъ дѣлѣ , Русскіе ни однимъ выстрѣломъ не показали , что замѣнили высадку , и Турецкое войско , радуясь , что застанетъ въ расплохъ малочисленный , едва изъ 3-хъ тысячъ человекъ состоявшій гарнизонъ Кинбурнскій , вскорѣ было все на песчаномъ мысѣ . Но того только и ожидалъ Суворовъ : приказанія его уже были отданы , и полки Русскіе понеслись вихремъ на непріятеля , который изъ осаждающаго вдругъ сдѣлался самъ осажденнымъ . Девять часовъ продолжалось жестокое сраженіе , потому что Турки были въ опчанніи : ихъ ожидала вѣрная смерть , или подъ шпыками Рускихъ

или въ морѣ. Такъ и случилось, и изъ 6000 лучшихъ воиновъ Очакова, возвратилось домой едва 700. Эта блистательная побѣда, одержанная Суворовымъ надъ непріятелемъ, вдвое превосходившимъ число его войска, имѣла важныя слѣдствія: Турки потеряли надежду овладѣть Херсономъ и Крымомъ, потому что Суворовъ укрѣпился въ Кинбурнѣ, и построивъ на концѣ косы батарею, наносилъ великой вредъ всѣмъ Турецкимъ кораблямъ, покушавшимся проходить въ Лиманъ, и тѣмъ подавалъ большую помощь нашему флоту. Онъ сторожилъ такимъ образомъ Турокъ около года, и имя его сдѣлалось уже страшно и въ Константинополь, особенно когда въ августѣ 1788 года Потемкинъ началъ осаду Очакова, и Суворовъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ помощниковъ его. Эта осада знаменита въ военной исторіи: Очаковъ былъ важнымъ городомъ для Турокъ и для Потемкина; первые видѣли въ немъ един-

ственное, остававшееся у нихъ мѣсто соединенія съ Тапарами, всегда вѣрными союзниками ихъ; послѣдній — по той же самой причинѣ, почиталъ всѣ новыя владѣнія Россіи на югѣ, непрочными, безъ завоеванія Очакова. И такъ, обѣ стороны сражались съ опчашнымъ мужествомъ; необыкновенно холодная зима, какой жинтели того края никогда прежде не испытывали, увеличивала бѣдствія войны, но не поколебала храбрости Рускихъ, и наконецъ, послѣ четырехъ мѣсяцевъ осады, 6 Декабря — Очаковъ палъ передъ ними. Суворовъ, къ величайшему сожалѣнію своему, не участвовалъ въ славѣ этого дня: за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, онъ получилъ тяжелую рану, которая едва было не лишила Россію одного изъ знаменитѣйшихъ сыновъ ея. Лежа больной въ Кинбурнѣ, онъ слышалъ страшную пальбу приступа, и доктора, окружавшіе его, едва могли успокоивать сильное волненіе пылкой крови его: онъ по огорчался своимъ бездѣйствіемъ;

то слишкомъ сильно радовался новой славѣ безпредѣльно-любимаго опечеспва-

Со взятіемъ Очакова, военныя дѣйствія остановились, какъ и всегда бываетъ въ продолженіе зимы. Въ это время, знаменитые побѣдители Турокъ: Князь Потемкинъ и выздоровѣвшій отъ ранъ Суворовъ, были призваны Государынею въ Петербургъ, и при этомъ случаѣ послѣдній получилъ бриліантовое перо на каску, съ литтерою *К.*, т. е. *Кинбургъ*. Кроме того, не задолго передъ тѣмъ, получилъ онъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго. Но чѣмъ болѣе награждала его благодарная Царица, тѣмъ болѣе старался онъ показать Ей свое усердіе, и какъ скоро весна наступила, отправился въ армію. На сей разъ, ему назначено было помогать Австрійскому генералу, принцу Саксенъ-Кобургскому. Надобно сказать вамъ, милые читатели мои, что Австрійцы, въ то время, были вѣрнѣйшіе союзники Русскихъ, и съ первымъ извѣстіемъ о войнѣ, объявленной Турками, Импера-

торъ Іосифъ ІІ писалъ къ ЕКАТЕРИНѢ слѣдующее: „Получа извѣстіе, что одинъ изъ слугъ Вашихъ въ Константинополѣ посаженъ въ Семибашенный замокъ, я, — другой слуга Вашъ, посылаю прошивъ Мусульманъ въ походъ мои войска.,,

Но Австрійцевъ всегда упрекали въ холодности характера, и чрезвычайной медленности поступковъ. Сколько разъ проигрывали они сраженія, по тому только, что въ военномъ Совѣтѣ ихъ не могли скоро рѣшиться на то, или другія мѣры! Сколько разъ генералы ихъ ждали по цѣлымъ недѣлямъ эписхъ рѣшеній, и отъ того теряли и время и случаи къ побѣдѣ. Турки пользовались такою выгодною для нихъ нерѣшительностію, и, нападавая быстро на Австрійцевъ, всегда увѣрены были въ побѣдѣ; часто случалось даже, что они опмщали имъ за то, что сами терпѣли отъ Рускихъ.

Такъ было и въ 1789 году. Много потерявъ въ недавней борьбѣ съ Россіей, Турки рѣшились поправить обстоя-

пелъства свои въ Австріи, и для того, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, обратили на нее всѣ главныя силы свои. Распоряженія ихъ шли тѣмъ живѣе, что на пресполѣ Константинопольскомъ, съ Апрѣля 1789 года, былъ новый Султанъ, молодой и пылкій *Селимъ III*. По приказанію его 50 - тысячный корпусъ пошелъ на принца Кобургскаго, стоявшаго въ Валахіи, въ окрестностяхъ мѣстечка *Фокшанъ*. Подъ начальствомъ принца было только 18,000 человекъ. Узнавъ о неожиданной опасности, угрожавшей ему, и никакъ не надѣясь получить скорую помощь отъ Австрійцевъ, онъ послалъ просить о ней Суворова, котораго корпусъ расположенъ былъ въ 84 - хъ верстахъ отъ *Фокшанъ*. Въ тридцать шесть часовъ, эти 84 версты были пройдены Суворовымъ и семи - тысячнымъ, отборнымъ отрядомъ его войска. Такая скорость перехода была неслышанна въ запискахъ новѣйшихъ войнъ, и принцъ Кобургскій едва вѣрилъ гла-

замъ своимъ, увидѣвъ передъ собою Русскихъ въ шу самую минушу, когда приходъ ихъ спасалъ его отъ величайшей опасности. Но здѣсь въ первый разъ узнали другъ друга два славные полководца, и это знакомство совершилось при такихъ любопытныхъ подробностяхъ, что рассказомъ о нихъ, я думаю угодишь моимъ читателямъ.

Какъ скоро Суворовъ дошелъ до лагеря принца, сей послѣдній, и отъ безпокойства, въ которое повергало его безпрестанное ожиданіе нападенія Турокъ, и отъ нетерпѣнія видѣть знаменитаго героя Рускаго, спѣшилъ въ его палатку. Люди Суворова отвѣчали, что генераль молился, и что въ это время никто не смѣетъ входить къ нему съ докладомъ. Огорченный принцъ удалился, и чрезъ нѣсколько времени явился во второй разъ. Суворовъ ужиналъ, и также не могъ принять его. Между тѣмъ вдали уже показывались легкіе отряды Турецкихъ войскъ. Принцъ, доведенный до крайности, по-

кушается въ третій разъ видѣть Суворова, но ему говорятъ, что онъ спитъ. Наконецъ въ 11 часовъ вечера, Австрійскій генераль, не выдавшись съ Рускимъ, не сказавъ съ нимъ ни слова ни о положеніи своемъ и непріятельскомъ, ни о какихъ либо распоряженіяхъ, получаетъ отъ него приказъ, начинать сраженіе, Этотъ приказъ, написанный Суворовымъ по французски, былъ предметомъ удивленія всѣхъ военныхъ людей того времени: его перечитывали и переводили на разные языки. Какъ же послѣ этого пропустишь его въ рассказахъ нашихъ? Прочтите его въ подлинникѣ, милыя дѣпи:

Comme l'armée est assez reposée (т. е. съ 5 часовъ вечера, когда она достигла Австрійскаго лагеря), elle se mettra „en mouvement á deux heures du matin. „Elle marchera sur trois colonnes. Les troupes imperiales auront la droite et la gauche; je serai au centre. On attaquera les „postes de l'ennemi, avec toutes les forces,

„sans s'amuser à le chasser des brossailles
„et des bois, qui sont sur la droite, afin
„d'arriver à la pointe du jour, à la Putna
„qu'on passera pour continuer l'attaque.
„On dit, qu'il n'y a que cinquante mille
„Turcs, et que cinquante mille autres sont
„à quelques marches en arrière. Il vau-
„drait mieux qu'ils fussent ensemble: ils
„seraient battus dans le même jour, et tout
„serait fini. Mais puisqu'il en est autre-
„ment, nous commencerons par ceux-ci et
„avec la bravoure des troupes et la grâce de
„Dieu, nous remporterons la victoire.“ *)

*) Такъ какъ войско уже довольно отдохнуло, то оно двинется съ мѣста въ два часа утра. Оно пойдетъ тремя колоннами. Императорскія войска будутъ составлять правое и лѣвое крыло, я — буду въ срединѣ. Мы нападёмъ всѣми силами на посты непріятельскіе, не теряя времени на то, чтобы выгонять его изъ кустарниковъ и лѣса, находящихся на правой сторонѣ, чтобы съ разсвѣтомъ прійти къ Путивъ, и перейти се для продолженія нападенія. Говорятъ, что здѣсь только пятьдесятъ тысячъ Турокъ и, что пятьдесятъ тысячъ другихъ еще остались на нѣсколько маршей назадъ. Лучше было бы, еслибъ они были уже вмѣстѣ: въ одинъ день побили бы ихъ, и дѣло кончено. Но если уже случилось не такъ, то начнемъ съ этихъ, и съ храбростію войскъ и милостію Божіею побѣдимъ ихъ!

Принцъ Кобургскій въ почности исполнилъ полученныя предписанія, не смотря на то, что былъ старшимъ генераломъ, и по праву, долженъ бы быть главнымъ начальникомъ соединеннаго войска. Но онъ не раскаивался въ своей уступчивости: предположенія Суворова сбылись, и 25,000 Австрійцевъ и Рускихъ, разбили 50,000 Турокъ. Сія славная побѣда положила начало тому дружеству, которое, въ послѣдствіи, всегда соединяло обоихъ полководцевъ. Дѣйствуя во всемъ съ совершеннымъ согласіемъ, они, чрезъ два мѣсяца послѣ Фокшанской побѣды, одержали другую, еще болѣе знаменитую, на берегахъ рѣки *Рымника*. Здѣсь, тѣ-же 25,000 воиновъ разбили 100,000 армію Турецкую, подъ начальствомъ самаго Великаго Визиря. Имя Суворова было первое и здѣсь, какъ при Фокшаняхъ, и награды одна за другою посылались къ нему отъ обоихъ Дворовъ Императорскихъ. Необыкновенная щедрость, сопровождавшая всегда дары Екате-

рины, была и на сей разъ не менѣе удивительна: Суворовъ получилъ ошъ Ней бриліантовые знаки ордена Св. Андрея Первозваннаго, и бриліантовую шпагу съ лавровымъ вѣнкомъ и надписью: *побѣдителю Визиря*; обѣ вещи стоили 60,000 руб. Но тѣмъ не ограничались еще милости Императрицы къ знаменишному полководцу: спустя нѣсколько времени онъ получилъ *Графское* достоинство съ именемъ *Рымникскаго*, и орденъ Св. Великомученика Георгія I-го класса. Императоръ Іосифъ пожаловалъ ему также *Графское* достоинство Римской имперіи. Суворовъ восхищался до чрезвычайности этими милостями. Онъ любилъ чины и почести, когда они были въ полной мѣрѣ заслужены. Любопышно письмо его къ дочери, которая воспитывалась въ это время въ Смольномъ монастырѣ. Я увѣрена, что оно столько же понравится читательницамъ моимъ, сколько вѣроятно понравится читателямъ

приказъ, отданный принцу Кобургскому.
Читайте:

„Въ октябрь 1789 года.

„Comtesse de deux empires! *) Любезная Наташа Суворочка! Ай-да! надобно шебѣ всегда только благочестіе, благоправіе, добродѣшель. Скажи Софьи Ивановнѣ и сесприцамъ, у меня горячка въ мозгу; да кто и выдержитъ! слышала ли, сесприца, душа моя? Еще de та magnanіте mère **), рескриптъ на полулистѣ, будто Александру Македонскому; знаки Св. Андрея тысячъ въ пятьдесятъ, да выше всего, голубушка, первой классъ св. Георгіа. Вотъ каковъ швой папенька за доброе сердце, чупъ право опъ радости не умеръ. Божіе благословеніе съ тобою.

Онець швой *Графъ Александръ Суворовъ-Рыльскій.*

Новый графъ, исполненный невыразимой благодарности, желалъ изъ

*) Графиня двухъ имперій.

***) *Отъ моей великодушной матушки* — такъ называлъ онъ Государыню.

лвить ее Государынь, новыми чудесами храброси, но къ сожалѣнію его, война съ Турками въ 1790 году приняла другой оборотъ: Императоръ Австрійскій, Іосифъ II, скончался, а братъ и наслѣдникъ его, Леопольдъ II, не любя войны опъ природы, долженъ былъ избѣгать ее въ это время и по разнымъ другимъ причинамъ, важнымъ для государства его. И такъ, въ Австріи начали спараться о миръ съ Турками, а Суворовъ былъ посланъ на помощь къ Австрійцамъ. Скучая бездѣйствіемъ своимъ, онъ, наконецъ, осенью 1790 года, обрадованъ былъ важнымъ порученіемъ Пошемкина : взять неприступную крѣпость *Измаилъ*, построенную при устьѣ Дуная, и справедливо называвшуюся *кютевлъ* ко входу въ Турецкую Имперію. Уже болѣе семи мѣсяцевъ, Измаилъ осаждаемъ были Русскими войсками, и продолжительныя неудачи этой осады принудили наконецъ Пошемкина поручить ее тому, кто никогда не зналъ неудачь. Трудно было это порученіе: Измаиль-

ская крѣпость имѣла все, чтобы заслуживать названіе *неприсутной*: и сильныя укрѣпленія и многочисленный гарнизонъ, увеличенный войсками, выведенными изъ городовъ и крѣпостей, покоренныхъ Рускими и Австрійцами, и безчисленные запасы во всѣхъ родахъ потребностей военныхъ. Кромѣ того, Измаиль защищенъ былъ общимъ мнѣніемъ Турокъ, что онъ послѣдній оплотъ ихъ государства, и грознымъ повелѣніемъ Султана, каждому изъ правовѣрныхъ, не сдаваться никакимъ образомъ. Все это было страшно — но не для Суворова. Пришедши къ Измаилу, онъ на другой же день послалъ къ тамошнему Пашѣ требование сдать крѣпость. Паша гордо отвѣчалъ, что скорѣе воды Дуная остановятся въ своемъ теченіи, и небо падетъ на землю, нежели Измаиль сдастся Рускимъ.

Графъ, видя такую непреклонность, приготовилъ войско свое къ самому упорному сопротивленію со стороны Турокъ; воспламенилъ сердца воиновъ,

представленіемъ славы и выгодъ, копорыя ожидающъ побѣдителей въ богатомъ Измаилѣ; напомнилъ имъ всѣ прежнія побѣды ихъ, и когда они уже горѣли нетерпѣніемъ сразиться и побѣдиль, искусный полководецъ повелъ ихъ на приступъ въ 5 часовъ утра, 11-го декабря 1790 года. Ничто не могло сравниться съ ужасомъ сего приступа пылкая неуспрашимость Рускихъ была въ этотъ день безпримѣрна, но и сопротивление Турокъ было опчаянно, и только послѣ осьми часовъ жесточайшей битвы Рускіе одержали чудесную побѣду, и гордый Измаиль покорился Суворову. Съ восторгомъ отправилъ онъ пошчасъ два донесенія. Въ первомъ, къ Императрицѣ, писалъ онъ: *Измаилъ у ногъ Вашихъ; — во второмъ — къ Князю Пошемкину: Россійскій флагъ на стѣнахъ Измаильскихъ.*

Но теперь, когда эта новая побѣда героя нашего, распространивъ ужасъ до самаго Константинополя, ручается намъ за безопасность южныхъ обла-

стей нашихъ, взглянемъ на сѣверъ ,
давно осипавленный нами: шамъ проис-
ходятъ дѣла, вовсе неожиданныя для
насъ.

В О Й Н А и М И Р Ъ

С Ъ

Ш В Е Ц І Е Ю.

1790 годъ.

Швеція, со времянь Карла XII лишилась большей части своего блеска: и сестра его, Ульрика-Элеонора, и супругъ ее, и наконецъ, избранный наслѣдникъ ихъ, Герцогъ Голштинскій, Адольфъ-Фридерикъ, не только не могли поддержать славу знаменишаго героя Шведскаго, но даже не могли сохранить собспвен-

наго достоинства своего и при послѣднемъ изъ нихъ, Адольфъ-Фридрихъ, самодержавное правленіе Швеціи превратилось почти въ аристократическое, т. е. шакое, гдѣ вельможи имѣли болѣе власти, нежели самъ король. Но съ смертію его все перемѣнилось: старшій сынъ и наследникъ его, Густавъ III, былъ принцъ, одаренный отъ природы высокими достоинствами. Съ самаго вступленія своего на престоль, онъ дѣйствовалъ съ такимъ искусствомъ и рѣшительностію, что въ короткое время поправилъ ошибки своихъ предшественниковъ, и возвратилъ коронѣ Шведской, все прежнее достоинство ея: переворотъ, быстро и безъ малѣйшаго пролитія крови сдѣланный имъ въ правленіи, заставилъ недоброжелателей его—которыми были знатнѣйшія лица въ государствѣ—покориться ему и уважать его. Опличаясь образованностію, силою характера и истинно-отеческою любовію къ подданнымъ, Густавъ III составилъ бы счастье ихъ,

если бы прекрасныя качества его не помрачались чрезвычайною гордостію, еще болѣе увеличившеюся послѣ счастливаго успѣха, съ которымъ произвелъ онъ перемѣну въ правленіи. Считая себя съ тѣхъ поръ на ряду съ величайшими государями, онъ воображалъ, что назначенъ судьбою для совершенія дѣлъ самыхъ необыкновенныхъ, самыхъ важныхъ для Швеціи. Безпрестанно занятый этою гордою мыслью, онъ забывалъ, что счастье народа было всегда знаменитѣйшимъ, важнѣйшимъ дѣломъ Государя, и искалъ знаменитости своей въ славѣ и подвигахъ военныхъ. Такое расположеніе духа, естесвенно внушило ему желаніе къ распространенію предѣловъ государства его, а при этомъ случаѣ, онъ прежде всего обратилъ взоръ на Россію: она владѣла землями, нѣкогда принадлежавшими Швеціи, — и возвращеніе этихъ земель сдѣлалось любимомою мыслию Густава. Но это дѣло было очень трудное, во *первыхъ* потому, что и Лифляндія, и даже не такъ давно-за-

воеванная Петромъ Великимъ, часть Финляндіи, уже привыкли къ новымъ владѣтелямъ, и не искали освобожденія своего отъ нихъ; во вторыхъ, могущество этихъ владѣтелей, въ сравненіи съ Швеціей, было такъ велико, что нападеніе на нихъ, можно было назвать безразсудною смѣлостію. Все это сначала представлялось Густаву, но потомъ, мало по малу опасенія его совершенно исчезли; ослѣпленному гордостью, ему казалось, что геній его побѣдитъ силу, — и походъ на Россію былъ рѣшенъ. Обстоятельства благопріятствовали его намѣренію: всѣ войска Русскія были заняты войною съ Турками, и сѣверныя границы наши были почти беззащитны, шѣмъ болѣе, что Екатерина, не нарушая ничѣмъ дружескихъ отношеній своихъ къ Шведамъ, вовсе не ожидала нападеній со стороны ихъ. Пользуясь такимъ положеніемъ дѣлъ, Густавъ спѣшилъ начать военныя дѣйствія, но для этого нужна

была причина. Тотъ не долго ищешь, кто хочетъ найти ее: въ Балтійскихъ портахъ Россіи, пригопавлились корабли къ походу въ Архипелагъ, прошивъ Турокъ, и Густавъ, какъ будто не зная, куда назначались сіи корабли, объявилъ народу своему, что Россія готовится напасть на Швецію, и что непременно должно предупредить это нападеніе. Напрасно посланникъ нашъ въ Стокгольмъ, Графъ Разумовскій, старался увѣрять въ несправедливости такого объявленія, напрасно объяснялъ, что корабли Русскіе идутъ въ Турцію. Король, искавшій только предлога къ ссорѣ, нашель объясненія Графа дерзкими, и, радуясь новой причинѣ къ неудовольствію, объявилъ войну въ такихъ грозныхъ, такихъ высококомѣрныхъ выраженіяхъ, что многіе изъ читавшихъ ноту, присланную имъ по этому случаю въ Петербургъ, сомнѣвались, въ полномъ ли разсудкѣ находился Король, писавшій ее. Онъ пребоваель въ этой нотѣ, не только примѣрнаго на-

казанія графу Разумовскому за дерзкія выраженія его, не только уступки всей части Финляндіи, Кареліи и губерніи Кексгольмской, присоединенныхъ къ Россіи миромъ Нейштадскимъ, но требовалъ даже, чтобы Русскіе уступили весь Крымъ—союзникамъ его, Туркамъ, *) требовалъ, чтобы они очистили отъ войскъ, всѣ пограничныя мѣста свои съ Швеціей, обезоружили всѣ корабли свои на Балтійскомъ морѣ и спокойно смотрѣли бы какъ Король Шведскій, въ полномъ вооруженіи и арміи и флота своего, будешь ожидать заключенія мира Екатерины съ Турціей. Прочитавъ все это, и слышавъ, что Король Шведскій приглашаетъ уже придворныхъ дамъ своихъ на торжественное молебство въ нашъ Петропавловскій соборъ, и на балъ—въ нашъ Пешергофъ—современники не могли не

*) За годъ передъ тѣмъ, Густавъ III убѣждаемый внушеніями Англии и Пруссіи, и собственнымъ желаніемъ своимъ вредить Россіи, заключилъ союзъ съ Турціей.

усумнишься въ его благоразуміи. Нельзя не подивиться при этомъ случаѣ, до чего доводитъ людей гордость! Но обыкновенный конецъ высокоумныхъ замысловъ бываетъ неудача! Такъ случилось и съ Густавомъ III. Полки Русскіе, скоро собранные подъ начальство самаго Наслѣдника престола, Великаго Князя Павла Петровича и генераловъ Пушкина и Михельсона—смирили гордость его на самыхъ первыхъ шагахъ его въ Финляндіи.

Въ то же время и на морѣ одержана побѣда адмираломъ *Грейгольбъ*, надъ Шведскимъ флотомъ, который былъ подъ начальствомъ брата королевскаго, герцога *Зюдерманландскаго*. Неудачи Густава вскорѣ еще увеличились: войски его, удосповѣрясь, что Рускіе не думали нападать на нихъ, начали роптать на напрасное пролитіе крови, и офицеры, вспомнивъ о прежнемъ правленіи, уничтоженномъ Густавомъ, осмѣлились явно прошивиться волю его

въ лагерьъ подъ Фридрихсгамомъ, и, вмѣсто нападенія на эпотъ городъ, ушли съ полками своими за 25 верстъ оттуда. Крайность такого положенія, уничтоживъ на сей разъ величайшій порокъ Густава, — надмѣнность — явила въ полномъ блескѣ его хорошія качества: онъ съ пвердостію переносилъ свое несчастіе, какъ заслуженное наказаніе за свою гордость, и не смотря на всѣ препятствія и неудачи поддерживалъ войну въ теченіе двухъ лѣтъ. Много побѣд одержали Рускіе въ это время, но и Шведы показали не менѣе храбрости, и особенно примѣчательно было сраженіе 24 Мая 1790 года, у Красной - Горки, въ 30 верстахъ отъ Кронштадта.

Оно происходило съ величайшимъ упорствомъ съ обѣихъ сторонъ, и пушечные выстрѣлы его были такъ сильны и такъ часты, что въ Петербургѣ окна дрожали. Всѣ жители столицы были въ большемъ страхѣ, кромѣ Императрицы, сохранившей величайшее присуш-

ствіе духа, и какъ будто увѣренной въ побѣдѣ. Увѣренность Ея въ полной мѣрѣ оправдалась: Вице - Адмиралъ *Крузъ*, и подспѣвшій къ нему на помощь, начальникъ Ревельской эскадры, Адмиралъ *Читаговъ*, принудили Шведскій флотъ удалиться въ Выборгскій заливъ, гдѣ находился и самъ Король съ своимъ галернымъ флотомъ. Здѣсь-то, снова доведенный до крайности, Гуспавъ показалъ геройскій духъ свой. Окруженный со всѣхъ сторонъ кораблями Рускими, онъ былъ въ такомъ положеніи, что начальникъ флота нашего, извѣстный Адмиралъ, прославившійся на Черномъ морѣ, принцъ *Нассау-Зигенъ*, уже предлагалъ ему сдаться; уже всѣ думали, что судьба Швеціи рѣшена, какъ вдругъ опчаянная мысль спасаетъ Гуспава: онъ рѣшается прорваться съ флотомъ своимъ сквозь всѣ корабли Рускіе, и успѣваетъ въ этомъ смѣломъ намѣреніи! Правда, что онъ потерялъ много при этомъ случаѣ: восемь кораблей,

пять фрегатовъ, множество другихъ судовъ и около 5000 человекъ войска, но за нѣ спасъ честь свою.

Послѣ такой важной потери, Гуспавъ началъ желать искренно мира, не смотря на довольно значительную побѣду, одержанную имъ при Свенкезундской гавани, гдѣ излишняя пылкость Принца Нассау и окружавшихъ его офицеровъ вовлекла ихъ въ большую опасность и стоила пяти-десяти судовъ, оплывшихъ у насъ Шведамъ. Это было уже послѣднее, важное сраженіе на морѣ; на сухомъ же пупи, Рускіе еще не одинъ разъ побѣждали Шведовъ, подъ начальствомъ генерала Игельстрома, и наконецъ, 9-го августа 1790 года, заключили миръ въ деревнѣ *Верелакъ*. Границы обоихъ государствъ остались тѣ же, какъ были и до начала войны; слѣдовательно, всѣ великіе планы Гуспава не имѣли ни малѣйшаго успѣха, и послужили только горькимъ урокомъ для его гордости. Для Екатерины же, всегда чувствовавшей свое достоинство, но

никогда не гордившейся имъ, эта неожиданная война была новою славою и новымъ случаемъ, при которомъ въ блескъ явились высокія качества души Ея: во время опасности Петербурга, когда флотъ Шведскій былъ такъ близко отъ него, Она одна оставалась спокойною, Она одна не измѣнила ни въ чемъ ежедневный порядокъ Свой, и принимая, какъ всегда, Свое вечернее общество, была, по прежнему, со всѣми милостива и говорила. Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ, Она спросила въ шутку графа Сегюра: что говорятъ о Ней въ городѣ? и когда тотъ отвѣчалъ, что по причинѣ приближенія Шведовъ, всѣ ожидаютъ отъѣзда Ея въ Москву— Великая Государыня сказала: „Я не поѣду— будьте увѣрены. Знаю, что товарищи ваши, иностранные министры ломаютъ теперь голову надъ тѣмъ, что имъ думать, о чемъ молчать, и что писать домой. Я выведу васъ изъ этого затрудненія: напишите Двору

„вашему, что Я остаюсь въ столицѣ
„Моей, а если и выѣду—то развѣ поль-
„но, на встрѣчу къ Королю Шведскому.“

Послѣдствія доказали справедли-
вость словъ Императрицы: Она вы-
держала съ совершеннымъ спокойстві-
емъ опасность, грозившую Ей, и заклю-
чила миръ съ Швеціей, безъ всякой по-
тери для Россіи. Вскорѣ потомъ и жи-
тели южныхъ областей нашихъ нас-
ладились тишиною: миръ съ Турціей
также заключился. Но прежде нежели
мы порадуемся этому, раздѣлимъ пог-
дашнюю печаль Россіи: она лишилась од-
ного изъ знаменитѣйшихъ сыновъ сво-
ихъ.

СМЕРТЬ ПОТЕМКИНА

И

МИРЪ съ ТУРЦІЕЙ.

Опшъ 1790 до 1792 года.

(Пер. 2 лѣтъ.)

То былъ Свѣплѣйшій Князь Таврическій. Впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ его кончиною, было разительное: въ то самое время, какъ блестящая слава, продолжительное могущество и счастливые успѣхи во всемъ, болѣе прежняго возвышали его въ глазахъ прочихъ людей, вдругъ разнеслась вѣсть объ

его смерти! Но остановимся на минутку, и пока эта печальная картина, въ порядкѣ рассказовъ нашихъ не явилась еще предъ нами, взглянемъ въ послѣдній разъ на знаменитаго полководца и вельможу Екатерины.

Съ 1790 года, всѣ замѣчали въ немъ какую-то необыкновенную мрачность и задумчивость. Такое расположеніе духа было шѣмъ удивительнѣе, что оно было продолжительно и постоянно: ни военныя распоряженія, ни побѣды Русскихъ надъ Турками, прежде доставлявшія ему столько радости, ни переговоры о мирѣ съ Турціей, ничто не могло развлечь его: онъ не принималъ участія въ происшествіяхъ, которыя имѣли самую близкую связь съ его любимыми намѣреніями. Такое равнодушіе и такое явное уныніе того, предъ чьимъ могуществомъ все преклонялось, не могло не имѣть важной причины, и—всѣ окружавшіе его, всѣ друзья и всѣ враги его, начали съ жаднымъ лю-

болышествомъ доискиваться этой причины. Долго всѣ старанія были напрасны: ничто, по наружности, не показывало никакой переменны въ судьбѣ князя Таврическаго, особливо въ тѣ дни, когда онъ думалъ о томъ, чтобы скрывать расположеніе души своей, и великолѣпными праздниками веселилъ жителей Молдавскаго города, *Яссѣ*, назначеннаго мѣстомъ мирныхъ переговоровъ съ Турціей. Милости Императрицы къ знаменитому Фельдмаршалу были все также велики; награды за успѣхи войскъ въ эту послѣднюю, еще неконченную войну также пышны, какъ были и прежде, и въ томъ же самомъ 1790 году, Григорій Александровичъ получилъ сто тысячъ рублей, лавровый вѣнокъ, украшенный изумрудами и бриліантами, въ сто-пятьдесятъ тысячъ, и золотую медаль, выбитую въ честь его. Однимъ словомъ, для многихъ все казалось по прежнему, но другіе были проницательнѣе: они видѣли,

что самолюбіе князя спрадало, и вскорѣ нашли тому причину.

Уже прошло болѣе шестнадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Григорій Александровичъ, достигнувъ высочайшихъ отличій, и оправдывая ихъ своими заслугами, не зналъ никого себѣ равнаго въ Россіи. Знаменистый Фельд-маршалъ Румянцевъ, уже оставилъ свое славное поприще и жилъ въ деревнѣ. Совершенно успокоясь съ того времени въ своихъ честолюбивыхъ планахъ, князь Таврической увѣренъ былъ, что уже никто, при жизни его, не возвысится на равнѣ съ нимъ. Равнодушно смотрѣлъ онъ на всѣхъ, болѣе и менѣе извѣстныхъ изъ приближенныхъ къ Государынь: никто изъ нихъ, не казался опаснымъ для самолюбія его. Но изъ числа ихъ, въ 1790 году, началъ обращать на себя болѣе вниманія, генераль-маіоръ кавалергардскаго корпуса, Графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ, и—гордый Пошешкинъ, началъ беспокоиться, не смотря на всю свою преж-

ною увѣренность. И эту безпокойство было причиною той мучительной тоски, которую онъ чувствовалъ даже и тогда, когда въ Февраль 1791 года пріѣхалъ въ Петербургъ, и лично удостоверялся въ прежнемъ благоволеніи къ нему Императрицы. Въ шумъ удовольствій старался онъ заглушить эту тоску, и потому охотно посѣщалъ всѣ обѣды и балы, которые давались по случаю его пріѣзда, и наконецъ самъ далъ въ честь Екатерины праздникъ, столь блистательный, столь необыкновенный, что долго не могли наговориться о немъ и тѣ, которые видѣли его собственными глазами, и тѣ, которые только слышали чудесные рассказы. Последнее удовольствіе вы, милыя дѣти можете имѣть и теперь: первый поэтъ того времени, Гавріиль Романовичъ Державинъ, довольно подробно описалъ этотъ праздникъ стихами и прозой. И такъ, если вы хотите читать описаніе, котораго искусство совершенно перенесетъ васъ въ давно-минувшіе

часы великолѣпнаго праздника, то возьмите сочиненіе Державина. Для того же, чтобы удовлетворить сколько нибудь любопытству вашему въ эту настоящую минушу, и доставить вамъ хотя небольшое понятіе объ этомъ праздникѣ, который, можно сказать, былъ послѣднимъ радостнымъ днемъ Потемкина — я скажу вамъ нѣсколько словъ о немъ:

Таврическій дворець, котораго прекрасный садъ вѣрно извѣстенъ многимъ изъ васъ, былъ мѣстомъ, гдѣ происходило это пышное торжество. Онъ получилъ свое названіе въ память покоренія Тавриды, и былъ подаренъ Потемкину за нѣсколько недѣль до праздника, даннаго 28 апрѣля 1791 года. Надобно сказать вамъ, друзья мои, что онъ данъ былъ по случаю торжества побѣды надъ Турціей, но главною цѣлію Потемкина, было кажеися желаніе показать Государынѣ, всю безпредѣльную преданность его къ Ней. Достоинство оцѣнивая это усердіе подданнаго, столь

знаменитаго заслугами — Сами высокіе члены Августѣйшаго Семейства приняли участіе въ необыкновенномъ праздникѣ, и Великіе Князья: Александръ и Константинъ Павловичи были въ числѣ двадцати-четырехъ паръ кадрили или балета, копорымъ открылся балъ, и копорый отличался такимъ великолепіемъ, что однихъ брилліантовъ на бѣлыхъ платьяхъ дѣйствовавшихъ въ немъ лицъ, считалось болѣе нежели на *десять* милліоновъ рублей! Предскажете же себѣ, читатели мои, что двадцать-четыре пары, составленныя изъ молодыхъ, прелестнѣйшихъ особъ Двора, танцовали въ огромномъ залѣ, окруженномъ въ два ряда колосальными столбами, украшенномъ богатыми ложками, раздѣлявшими эти столбы, освѣщенномъ, вмѣсто люстръ, большими хрустальными, гранеными шарами, отражавшими и собственнй свой огонь, и милліоны огней, висѣвшихъ вокругъ нихъ. Это отраженіе, повторясь еще разъ въ безчисленныхъ зеркалахъ пре-

вращало залъ, въ какой-то храмъ очарованія, особливо когда восхищенные зрители пересступали за огромные столбы, окружавшіе залъ танцевальный. Какъ вы думаете, милыя дѣти, что было за этими столбами? Прелестный, зимній садъ изъ лавровыхъ, померанцевыхъ и мирповыхъ деревьевъ, съ песчаными дорожками, съ зелеными возвышенностями, съ прозрачными фонтанами, съ зеркальнымъ гропомъ, съ прекрасною мраморною спатуею Императрицы съ высокою золотою пирамидою въ честь Ея, даже съ пшичками, лепавшими тамъ, какъ будто на опрышомъ воздухѣ. По этому одному началу праздника, можно судить, до какой степени просширались удовольствія, пышность и блескъ его, и опъ того, я не буду входить въ подробности о немъ, не буду рассказывать вамъ какъ маскарадъ, балъ, спектакль, иллюминація и ужинъ смѣнялись какъ бы по знаку волшебному, и веселили разнообразіемъ своимъ госшей, которыхъ чи-

сло доходило до 3000 человекъ. Все это вы найдете въ прекрасномъ описаніи Державина, но мнѣ хотѣлось бы, что бы вы прочли здѣсь изъ него то мѣсто, гдѣ рассказываетъ онъ о необыкновенномъ ужинѣ. Эпозъ ужинъ, кроме чрезвычайнаго великолѣпія, замѣчательнъ былъ даже по одному устройству словъ, которые поставлены были такъ, что все безчисленное множество гостей, сидѣвшихъ за ними, обращено было къ лицу Императрицы. Это были самыя величественныя, и самыя роскошныя минуны торжества князя Таврическаго, и—поэтъ нашъ искусно описалъ ихъ. Прочитавъ это описаніе, вы познакомитесь, милыя дѣшн, со стихами Державина, а это также необходимо для васъ: гениальный поэтъ принадлежитъ исторіи народа своего, точно столько же какъ знаменитый министръ или полководецъ. Послушайте же:

Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами,
Разсыпала по нихъ и злато и сребро:

Часть V.

Восточный, западный, съдые океаны,
Тряся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы стени,
Украйна, Холмогоръ, несли тельцовъ и дичь;
Вънчанна классами хлѣбъ Волга подавала,
Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ;
Рифей, нагнувшись, въ топазны, зметисты
Лилъ кубки медь златой, дровъ искромсанный сокъ,
И съ Доиа сладкія и Крымски вкусны вина;
Прекрасная Нева, пріливъ отъ Бельта съ рукъ
Въ фарфоръ, кристалъ, чужія нитя, сивди,
Носила по гостямъ, какъ будто бы стыдась,
Что подчивать должна такъ прихоть по неволѣ.
Обилъе тучное всѣмъ простирало длань.
Картины по стѣнамъ, огнями освѣщенны
Казалось ожили, и рдяны лица ихъ
Изъ мрака выставя, на славный пиръ смотрѣли,
Лукуллы, Цезари, Тралиъ, Октавій, Гитъ,
Какъ будто изумясь, сойти со стѣнъ желали,
И спросить: кого такъ угощать свѣтъ?
Кто, кромѣ насъ, владѣть отважился вселенной?

И послѣ такого блеска, послѣ тако-
кого величія, что было съ княземъ
Таврическимъ чрезъ чепыре мѣсяца?
Больной и грустный, онъ снова жилъ
въ Яссахъ, занимаясь по наружно-

сти мирными переговорами съ Турками, но внутренно не переставая желать войны. Это тайное желаніе его часто обнаруживалось въ сильныхъ спорахъ съ полномочными, съѣхавшимися въ Яссахъ, но по мѣрѣ усиленія болѣзни—которая была злая эпидемическая лихорадка, свирѣпствовавшая въ Молдавіи, и особенно въ Яссахъ, въ 1791 году—эпа пылкость его начала ослабѣвать, и наконецъ въ началѣ Октября, убійственная тоска, почти ни на минуту не покидавшая его, превратилась въ настоящее предчувствіе смерти. Вѣря этому предчувствію, онъ спѣшилъ оставить вредный въ то время воздухъ Яссъ, и ѣхать въ Очаковскую обласпъ, куда привлекало его новое, любимое имъ мѣсто: городъ *Николаевъ*, основанный имъ не болѣе двухъ лѣтъ назадъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Ингуль впадаетъ въ Бугъ. Это соединеніе двухъ рѣкъ представляло большія удобства для порта, и подало Пошемкину первую мысль объ

основаніи здѣсь корабельной верьфи. Построенный вскорѣ послѣ побѣды Очаковской, и на землѣ, принадлежавшей Очакову, новый портъ обязанъ былъ ему и своимъ именемъ: Пошемкинь назвалъ его въ честь Св. чудотворца Николая, въ день котораго взятъ былъ Очаковъ. Николаевъ, въ первый годъ существованія своего, уже приносилъ много пользы Черноморскому флоту, и пошому былъ особенно любимъ основателемъ его: не смотря на множество занятой, Пошемкинь часто думалъ о постройкѣ его зданій и судовъ, посылалъ туда иностранныхъ архитекторовъ и плѣнныхъ Турокъ для работы. Какъ восхищался онъ, когда получалъ извѣстія, что на Черное море отправлялись уже корабли, построенные въ Николаевъ! Наконецъ къ Николаеву стремился онъ въ послѣдніе часы своей жизни. „Шокрайней мѣрѣ, умру въ Николаевъ!“ говорилъ онъ 5 Октября 1791 года, и непременно хотѣлъ въ тотъ же день выѣхать изъ Яссы. Напрасно любимая

племянница его, Графиня Браницкая-жившая въ домъ его и не оплучавшаяся ошъ него во все время болъзни, умоляла его подождать, если не выздоровленія, шо покрайней мъръ, облегченія спраданій его. Упрямый, можепъ бытъ по причинъ болъзни, осшался непреклонень, и—поѣхалъ. Графиня ѣхала въ одной карешъ съ нимъ. Сначала свѣжій воздухъ, казалось, оживилъ попухающія силы больнаго, но едва проѣхали тридцать верспъ, какъ обыкновенная тоска его начала увеличиваться, и наконецъ на 38-й верспъ дошла до такой мучительной спепени, что несчастный Князь не могъ продолжать ѣзды: вышелъ изъ экипажа, и легъ у дороги, на разостланномъ плащъ. Здѣсь-то, вдали отъ всякой пышности міра и людей, такъ усердно поклоняющихся ей, въ пустынной спепени, безъ пособій, облегчающихъ спраданія, кончилась жизнь споль полная славы и счаспія! Можно было сказать, что кончина Таврическаго была также необыкновенна какъ и

жизнь его. Державинъ, пораженный, какъ и всѣ, неожиданнымъ извѣстіемъ о смерти Пoшeмкина, прекрасно описалъ ее въ своемъ стихотвореніи: *Водопадъ*:

„Чей одръ — земля; кровь — воздухъ синь,

, Чертоги — вокругъ пустыньны виды?

„Не ты ли счастья, славы сынъ,

„Великолѣпный Князь Тавриды!

„Не ты ли съ высоты честей,

„Незапно палъ средя степей?“ и проч.

Тѣло его привезено было въ Херсонъ и тамъ погребено. Величайшее сожалѣніе Екатерины сопровождало Пoшeмкина въ его раннюю могилу *). Высоко цѣня важныя заслуги его отечеству, она оказала памяти его справедливую почесть: къ дню торжества славнаго мира съ Турціей, въ заключеніи

*) Князь Таврическій скончался на 52 году своей жизни. Здоровье и крѣпкое сложеніе, казалось, обѣщало ему дни, гораздо продолжительнѣйшіе.

котораго такъ велико было участіе Потемкина, Она повелѣла заготовить въ память Потемкина грамоту съ прописаніемъ въ оной завоеванныхъ или крѣпостей и разныхъ сухопутныхъ и морскихъ побѣдъ, войсками его одержанныхъ; грамоту сію хранить въ соборной церкви града Херсона, гдѣ соорудить мраморный памятникъ Таврическому, а въ арсеналѣ погожъ града помѣстить его изображеніе, и въ честь ему выбить медаль.“

И такъ, въ торжественный день празднованія мира, заключеннаго, чрезъ три мѣсяца потомъ, Графомъ Безбородко въ Яссахъ, имя Потемкина, уже умершаго, озарилось новымъ блескомъ, и онъ, какъ бы еще живой, участвовалъ въ славномъ торжествѣ.

Выгоды новаго мира были очень велики: Турція, начавшая войну съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы возвратить Крымъ—кончила тѣмъ, что не только подтвердила права Россіи на Крымъ,

но уступила ей большую часть береговъ Чернаго моря, и. е. Очаковъ и всѣ земли, лежащія между Днѣпромъ и Днѣстромъ; обязалась защищать Рускіе корабли отъ Африканскихъ разбойниковъ, и еще сверхъ того заплатишь Россіи, за нанесенные убытки 15,000,000 піаспровъ. Говоря о семъ послѣднемъ условіи мирнаго Яскаго договора, нельзя не рассказать новой прекрасной черты Великой Екатерины. Зная, что Турки съ неудовольствіемъ принуждены были согласиться на невыгодный для нихъ миръ, и что гнѣвъ Султана ожидалъ въ Константинополѣ старшаго изъ Турецкихъ полномочныхъ, присланныхъ въ Яссы, Юсуфа-Пашу, за согласіе его на платежъ 15,000,000 піаспровъ, согласіе, вынужденное у него стѣсненными обстоятельствами Турціи и швердostíю воли Попемкина—Екатерина приказалась отъ нихъ! Турки, придающіе много цѣны золоту, удивлены были такимъ

великодушіемъ, и бѣдный Юсуфъ-Паша, обзанный спасеніемъ головы своей этому великодушію, благословлялъ во всю жизнь свою безпримѣрную Царицу съвера.

П О Л Ъ Ш А.

Отъ 1792 до 1795 года.

(Пер. 3 лѣтъ).

Въ то время, когда Россія, процвѣтающая подъ спасительною защитою самодержавнаго правленія, наслаждалась всѣмъ счастіемъ и всею славою, какіи могла доставить ей знаменитая Государыня ея,—почти всѣ другія царства Европы далеки были отъ счастія и славы! Тамъ происходили ужасные безпорядки, и—общимъ началомъ ихъ бы-

ла—Франція. Жители этой несчастной страны, всегда извѣстные своимъ легкомысліемъ и непоспоянствомъ, вовлекли въ то время свое отечество въ неслыханныя бѣдствія. Со временъ войны, происходившей въ Америкѣ, между Англією и Сѣверо-Американскими колоніями, многіе Французы, участвовавшіе въ ней, возвратились въ Европу съ легкомысленными мечтами о независимости и съ безразсуднымъ желаніемъ переменъ въ правленіи своемъ. Такое желаніе, ни на чемъ не основанное и противное нѣмъ правиламъ, которыя составляли счастіе отечества ихъ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, довело Французовъ до величайшихъ безпорядковъ. Почти съ каждымъ днемъ, безпорядки увеличивались, и менѣе нежели въ три года достигли до ужасной степени. Слѣдующему, своевольному образу мыслей они перешли считатьъ священной властью Государя, эту власть, установленную закономъ Божіимъ, а послѣ того удивительно ли, что они мало по

малу переспали бояться и самаго Бога! А человекъ, дошедшій до такого жалкаго состоянія, человекъ, дошедшій до несчастія позабышь милосердаго Творца своего—чего не сдѣлаетъ, на какіи злодѣянія не рѣшится? Это доказали въ полной мѣрѣ тогдашніе Французы. Какъ скоро необузданное своеволие довело ихъ до забвенія Бога, всѣ преступленія казались имъ позволенными, и—всѣ несчастія были посланы правосудіемъ небеснымъ на безбожниковъ. Добродѣтельный Король ихъ, Людовикъ XVI, былъ первою жертвою ужаснаго переворота, происшедшаго тогда во Франціи: безумцы, проповѣдая свободу, начали тѣмъ, что опияли ее у законнаго повелителя своего. Этого еще мало: они лишили его жизни! Вы ужасаетесь, милые чиншатели мои? Они подвергли той же участи и все семейство его и всѣхъ тѣхъ, кто показывалъ малѣйшую привязанность къ нему или къ прежнему порядку правленія. Страшно описывать, и невозможно описать всѣхъ

ужасовъ, какіе происходили тогда во Франціи: довольно сказано, что не одинъ годъ кровь лилась тамъ рѣкою; что неслыханныя злодѣйства, подъ названіемъ справедливыхъ дѣлъ, совершались тамъ ежедневно. Но Богъ наказалъ злодѣевъ: одни изъ нихъ какъ будто нарочно старались объ истребленіи другихъ. Всѣ государства Европы съ негодованіемъ смотрѣли на жалкое состояніе Франціи. Многія изъ нихъ прервали всѣ сношенія свои съ нею, и въ эпозъ числѣ, не могла не быть Россія, управляемая мудрою Государынею. Россія сдѣлала еще болѣе: она была спасительнымъ убѣжищемъ для нѣкоторыхъ изъ Французскихъ Принцевъ, несчастныхъ родственниковъ Людовика XVI. Екатерина имѣла даже великодушное намѣреніе отправить войско для усмиренія страшнаго безначалія Франціи, но прежде нежели эта благодѣтельная мысль приведена была въ исполненіе, которое, по тогдашнему положенію Европы, было

очень трудно—безуміе Французовъ произвело новое зло: во многихъ государствахъ нашлись послѣдователи безбожныхъ правилъ ихъ, и можно представить, какихъ новыхъ ужасовъ надобно было ожидать отъ сего!

Одно изъ такихъ государствъ, ближайшее къ Россіи, и по сношеніямъ, и по самому положенію своему—было Польское. Тамъ явилось нѣсколько ревностныхъ приверженцевъ нововведенній Французовъ, и они то подъ предводительствомъ главнаго изъ нихъ—*Игнатія Потоцкаго*, вздумали сдѣлать важныя перемѣны въ правленіи своемъ. вмѣсто Короля Станислава, они назначили принца Саксонскаго, которому отдавали престолю Польскій въ наследственное владѣніе; вмѣсто законовъ, одобренныхъ Екатериною, написали новую конституцію. Государыня Русская не могла остановить ихъ своевольствъ при самомъ началѣ ихъ: войска Ея были въ одно и тоже время заняты на границахъ Турціи и Шве-

ціи, но съ заключеніемъ мира въ той и другой сторонѣ — Она почла обязанностію Своею уничтожитьъ зло, котораго слѣдствія были такъ гибельны, и которое распространилось въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ царствомъ Ея. Король Прусскій, рассуждая одинаково съ Екатериною въ семъ отношеніи, и уже испытавъ опасность сосѣдства съ государствами, зараженными безумными правилами Французовъ, вступилъ въ дружественный союзъ съ Русскою Императрицею для усмиренія Польскихъ мятежниковъ, и войска ихъ въ короткое время принудили Поляковъ ошмѣнить новую конституцію и привести все государство въ прежній порядокъ. Слѣдствіемъ побѣдъ Прусаковъ и Рускихъ было второе раздѣленіе Польши между сими двумя государствами. Россія, при этомъ случаѣ возвратила области, за нѣсколько вѣковъ предъ тѣмъ принадлежавшія ей, и ошнныя Князьями Липовскими. Это были области: Минская, Подольская,

часть Волыни и часть Литвы, всего до 4000 квадратных миль. Пруссія получила Данцигъ, Торунь, Плоцкъ, Познань, Кялишь, и. е. часть сѣверо-западной Польши, пространствомъ на 1000 квадратных миль. Это происходило въ Сентябрѣ 1793 года.

И такъ, спокойствіе возстановилось въ Польшѣ, и она, простираясь еще на 4000 кв. миль и имѣя 3,600,000 жителей, могла бы еще существовать въ ряду государствъ Европейскихъ, и узнавъ изъ опытовъ, сколько вреда причиняетъ народу непокорный духъ его, научившись наконецъ цѣнить покровительство могущественной Государыни Руской. Подъ эшимъ сильнымъ покровительствомъ, Поляки еще могли бы составить особенное государство, но Провидѣніе предназначало имъ соединиться съ ихъ единоплеменниками; они должны были возвратиться къ тѣмъ, съ коими первоначально составляли одинъ народъ, должны были слиться съ судьбою

и славою сего народа, свою собственную судьбу и древнюю славу. Но прежде нежели совершилось это соединеніе, оба народа должны были еще разъ испытать печальныя слѣдствія ссоръ своихъ. Прошло неболѣе шести мѣсяцевъ послѣ усмиренія ихъ, и усмиренія, вѣроятно несовершеннаго — потому что войска Рускія еще оставались для сохраненія тишины въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ—какъ уже въ Краковѣ вспыхнула новая революція *), сопровождаемая ужасами, походившими на ужасы революціи Французской. Главные участники и распорядители ея уговорились сдѣлать въ одинъ день и въ одинъ часъ нечаянное нападеніе на Рускихъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только находились войска наши. Ужасный заговоръ имѣлъ полный успѣхъ и почти всѣ Рускіе, находившіеся въ Польшѣ,

*.) Такъ Французы называли ужасный переворотъ, сдѣланный ими въ своемъ правленіи, и такъ съ тѣхъ поръ часто называютъ возмущенія народныя.

погибли неожиданною смертію! Екатерина ужаснулась, получивъ это извѣстіе, и видя необходимость усмирить мятежниковъ Польскихъ съ бѣльшею твердостью нежели прежде, отправила къ нимъ Графа Суворова. Одноимя знаменитѣйшаго полководца уже ручалось за успѣхъ дѣла, и наполняло страхомъ сердца главныхъ участниковъ заговора противъ Рускихъ.

Графъ, какъ главнокомандующій войскамъ, расположенныхъ въ губерніяхъ Екатеринославской и Таврической и въ новопріобрѣтенной области Очаковской, жилъ въ это время въ Херсонѣ, и занимался укрѣпленіемъ мѣстъ пограничныхъ съ Турціей. Такое занятіе—Суворовъ, спраспно любившій военную дѣятельность, называлъ бѣздѣйствіемъ, и потому чрезвычайно обрадовался важному порученію, сдѣланному ему Императрицею. Уже давно онъ съ отвращеніемъ и ужасомъ слушалъ страшные рассказы о Французской революціи, и потомъ, о пагубномъ дѣй-

ствіи ея на другія государства; уже давно хотѣлось ему перевѣдаться за то съ Французами. Нерѣдко даже, какъ будто предчувствуя все зло, какого можно было ожидать отъ безпорядковъ Франціи, онъ говорилъ съ какимъ то нетерпѣливымъ безпокойствомъ Государынѣ: „Мапушка! пошли меня на Французовъ!“ — И прежде нежели это пламенное желаніе Графа исполнилось, революція Польская и вѣроломное умерщвленіе — при этомъ случаѣ, — Рускаго гарнизона совершились. Императрица избрала Суворова быти мстителемъ за невинно-пролитую кровь сопечесивенниковъ. Австрія и Король Прусскій приняли сторону Россіи и послѣдній даже началъ уже осаду Варшавы вмѣстѣ съ генераломъ Ферзеномъ. Быстро приближался туда же Суворовъ съ двѣнадцати - тысячнымъ корпусомъ войска, какъ вдругъ, на границахъ Польши узналъ, что король Прусскій принужденъ былъ сняти осаду, чтобъ поспѣшишь для усмиренія мя-

тежниковъ въ областяхъ своихъ, присоединенныхъ опъ Польши, а генераль Ферзенъ, не имѣя войска, доспашочно-го для продолженія осады, послѣдовалъ примѣру его и также отступилъ.

Такая неожиданная переменна обстоятельство оспановила бы всякаго другаго полководца — но не Суворова! Съ небольшимъ опрядомъ своимъ, чрезвычайно уменьшеннымъ опъ встрѣчь съ непріятелемъ и побѣдъ надъ нимъ, онъ рѣшился на приступъ къ столицѣ мяшежниковъ, въ одномъ предмѣспіи которой было 30,000 войска! съ первою мыслию о приступѣ, Суворонъ приказалъ всѣмъ Рускимъ войскамъ, разсѣяннымъ въ Польшѣ, обратясь къ одному мѣсту—къ собственному опряду его. И все это соединенное войско могло составить не болѣе 22,000 человекъ! Это число Суворовъ считалъ доспашочнымъ для покоренія Варшавы съ ея сильно-укрѣпленнымъ предмѣспіемъ *Прагою*.

Однимъ изъ лучшихъ помощниковъ его въ этомъ знаменитомъ дѣлѣ, былъ генераль Ферзенъ. Спѣша соединить корпусъ свой съ корпусомъ графа, онъ встрѣченъ былъ на дорогѣ главнымъ генераломъ Поляковъ — славнымъ Коспюшкою, желавшимъ воспренятствовати этому соединенію. Зная весь вредъ, какой бы понерпѣли Русскіе, въ случаѣ, если бы Коспюшкѣ удалось исполнить свое желаніе, Ферзенъ, не только приготовился мужественно отразить нападеніе его, но даже рѣшился напасъ первый. Смѣлость его вполнѣ вознаградилась: Коспюшко былъ совершенно разбитъ; понернулъ убитыми 6000, плѣнными 1,600 человекъ, всю артиллерію, и наконецъ—самъ попался въ плѣнъ.

Послѣ этой славной битвы, повергшей въ глубокое уныніе Поляковъ, особенно по причинѣ плѣна важнѣйшаго изъ военачальниковъ, дѣйствовавшихъ въ релюціи ихъ—Ферзенъ спѣшилъ соединиться съ Суворовымъ; другой, изъ

главныхъ генераловъ Русскихъ, находившихся въ Польшѣ, *Дерфельденъ*, сдѣлалъ поже съ своимъ отрядомъ, и такимъ образомъ къ 22-му Октябрю двадцати-двухъ тысячный корпусъ собрался уже подъ начальство Суворова.

Не любя откладывать того, что уже могло бытъ сдѣлано, графъ, послѣ двухъ-дневнаго отдыха собравшагося войска, подошелъ къ стѣнамъ Праги, и на другой же день, 25 октября, въ 5 часовъ утра, началъ приступъ къ обширному предмѣстью, представлявшему отдельный городъ. Отчаяніе съ одной стороны, и неутомимое, можно сказать, безпримѣрное мужество съ другой — были равно удивительны, но первое должно было наконецъ уступить могущественнымъ усиліямъ втораго, и чрезъ четыре часа бишны, Прага, не смотря на многочисленность войска, на силу укрѣпленій своихъ, на всю видимую невозможность бытъ побѣжденною, пала предъ несравненнымъ героемъ Россіи Лучшіе испорки,

описывавшіе это удивительное происшествіе, говорятъ, что въ лѣтописяхъ военныхъ рѣдко случается вспрѣтись предпріятіе, которое было бы такъ смѣло по плану, такъ искусно по исполненію, и такъ важно — по своимъ слѣдствіямъ! Последнее было особенно справедливо: взятіе Праги потушило въ одинъ день все ужасное пламя революціи Польской, и цѣною пролипой крови, восстановило общесивенное спокойствіе. Дорога была эта цѣна для Поляковъ: у нихъ погибло 13,000 человекъ на полѣ сраженія, 2000 человекъ пошло въ Вислѣ, и болѣе 14,000 взято въ плѣнъ!

Такое совершенное пораженіе привело въ ужасъ главныхъ мятежниковъ. Съ горестію смотрѣли они со снѣнъ столицы своей на блистательную побѣду Суворова и тогда же признали необходимость покориться той непреодолимой силѣ. Однакожь еще при дни продолжались переговоры объ условіяхъ,

на которыхъ хотѣли сдать Варшаву войску Рускому, и наконецъ графъ, съ угрозою долженъ былъ предписать слѣдующія условія: 1. „Всѣмъ Полякамъ положить оружіе. 2. Оставишь только 600 человекъ пѣхопы и 400 конницы для Короля. 3. Отдавать Королю всѣ должныя почести, которыхъ лишило его безумство мятежниковъ. 4. Прислать всѣ оружія, всю артиллерію, и вообще всѣ военные снаряды въ Прагу. 5. Немедленно освободить всѣхъ Рускихъ, взятыхъ въ плѣнъ и наконецъ 6-е, къ 8-му числу Ноября, для торжественнаго вшествія побѣдителей въ Варшаву, навести разрушенный черезъ Вислу мостъ.

Поляки принуждены были согласиться на всѣ предложенныя условія, и въ точности исполнили ихъ. Ужасы революціи научили ихъ цѣнить въ полной мѣрѣ наславшую тишину, и 8-е Ноября, казалось, было и для нихъ днемъ радости: они встрѣтили Рускихъ со

всѣми знаками покорности и даже усердія. Мирные граждане, обыкновенно болѣе всѣхъ страдающіе въ дни мятежа, бросались къ ногамъ графа, называли его избавителемъ своимъ, кричали: „да здравствуетъ Екатерина! да здравствуетъ Суворовъ!“ Но торжественнѣе всего была та минута, когда при самомъ входѣ въ Варшаву, Суворовъ встрѣченъ былъ начальникомъ ея, поднесшимъ ему ключи города. Благочестивый герой, съ какимъ-то благоговѣйнымъ и сладостнымъ чувствомъ, принялъ ихъ, поцѣловалъ и поднявъ къ небу, сказалъ распроганнымъ голосомъ: „Всемогущій Боже! благодарю Тебя, что эти ключи не споятъ мнѣ такъ дорого, какъ...“ Слезы помѣшали ему продолжать, и только взоры его показывали на несчастную Прагу,

Мѣры, принятыя имъ для усмирения остальныхъ мятежниковъ, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ Польши, были такъ хорошо придуманы, такъ искусно исполнены, что никакія безо-

койства не нарушали болѣе возстановленной пишины, и Поляки съ покорностію согласились на новое и послѣднее раздѣленіе государства ихъ. Они пѣмъ скорѣе могли согласиться, что самъ Король ихъ, наскучивъ бѣдствіями, тѣсно-соединенными въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ съ престоломъ Польскимъ, отказался отъ обладанія имъ. Екатерина, не пользуясь правомъ побѣдительницы, правомъ, по которому Она могла бы сдѣлаться нераздѣльною обладательницею страны, покоренной Ею, безъ помощи союзниковъ, и напрошивъ того, желая сколько возможно согласить выгоды Польши съ необходимостію уничтожить ея отдѣльное существованіе въ ряду государствъ Европейскихъ, предложила Королю и союзникамъ собрать сеймъ въ городъ Гродно. Здѣсь, на этомъ сеймѣ, рѣшена была въ послѣдній разъ судьба Поляковъ, и царство ихъ окончательно раздѣлилось между Россіею, Австріею и Пруссіею. Первая получила Вильну,

Гродно, остальную часть Волыни, Самогитіи, Троки, Брестъ и Хельмъ, всего пространствомъ на 2030 квадр. миль, а жителей 1,176,590 человекъ.

Австрія получила Краковъ, Сендомирское воеводство, Люблинь, части Хельма, Подлякии, Мазовіи, всего на 834 квадр. миль съ 1,037,732 чел. жителей.

Пруссіи достались: Варшава, Бѣлый-Спокъ, воеводство Августовское, части Мазовіи, Разы, Плоцка, Троковъ, всего на 997 кв. миль съ 939,297 чел. жителей.

Спаниславу - Августу, отказавшемуся отъ престола, назначено было на годовое содержаніе 200,000 червонцевъ отъ Россіи и Пруссіи. Издавна пользуясь покровительствомъ Екатерины, онъ надѣялся окончить дни свои въ Ея владѣніяхъ, спокойнѣе нежели гдѣ нибудь и пошому вскорѣ, послѣ окончанія сейма, отправился въ Гродно, а потомъ въ Петербургъ, гдѣ въ послѣдствіи и скончался.

Такъ уничтожилось мятежное королевство Польское, такъ безпокойные Поляки были сами виною этого уничтоженія. Герой, смирившій ихъ, еще около года оставался въ Варшавѣ и новыхъ обласняхъ Рускихъ, и наконецъ, устроивъ все, что нужно было для безопасности и спокойствія ихъ, поѣхалъ также въ Пешербургъ. Тамъ ожидали его новыя почести и награды щедрой Государыни; но онъ получилъ уже самую лестную для него еще за годъ предъ тѣмъ, за славное взятіе Праги: чинъ Фельдмаршала. Подробности этого пожалованія очень любопытны. Графъ, одержавъ безпримѣрную побѣду, сохранилъ свою обыкновенную скромность, и въ донесеніи его Императрицѣ, было на сей разъ еще болѣе краткости, нежели когда нибудь. Онъ написалъ только: „Ура, Прага!“—Государыня, еще болѣе остроумная и чрезвычайно восхищенная знаменитою побѣдою, отвѣчала также двумя словами: „Ура, Фельдмаршалъ!“

Прежде нежели мы окончимъ настоящій рассказъ нашъ, читатели мои должны узнать, что вмѣстѣ съ ново-пріобрѣтенными областями Польскими, Россія получила еще одно новое владѣніе: Курляндія, со времени своего Кеплера зависѣвшая отъ Польши, не захотѣла болѣе признавать надъ собою власнѣ государства разрушающагося, и прежде нежели судьба его рѣшилась на Гродненскомъ сеймѣ, предложила себя въ вѣчное подданство Императрицѣ Руской.

Такимъ образомъ, Россія, величественная со всѣхъ сторонъ, вознесенная на высочайшую степень славы наслаждалась совершеннымъ, счастіемъ, какъ вдругъ ужасный ударъ судьбы, неожиданно поразилъ ее.

КОНЧИНА ЕКАТЕРИНЫ.

1796 годъ.

Постоянная дѣятельность, съ кою рою великая Государыня проводила каждый день Своей жизни, неутомимые труды Ея по дѣламъ государственнымъ, безпрестанная и всегда одинаковая заботливость о счастіи подданныхъ, внушали Рускимъ столько надежды на благость Провидѣнія, столько довѣренности къ судьбѣ своей, что безпечно наслаждаясь своимъ счастіемъ, они считали его безконечнымъ, а несравненную Государыню свою

безсмертною. Совершенное здоровье Императрицы, и чистыя радости, которыя украшали жизнь Ея въ кругу Августѣйшаго семейства, подтверждали надежды Рускихъ. Они шѣмъ охотнѣе предавались имъ, что происшествія, случившіяся въ Россіи въ послѣдніе пять или шесть лѣтъ царствованія Екатерины, особенно располагали всѣхъ къ радости.

Кромѣ славы, которою въ это время покрылось имя Рускихъ въ Турціи, Швеціи и Польшѣ, много пріятнаго случилось въ семействѣ Царскомъ, а это всегда бывало для народа Рускаго, особенною, священою радостью. Сначала это было умноженіе Дома Императорскаго, рожденіемъ Дочерей у Наслѣдника престола, Великихъ Княженъ Маріи, Екатерины и Ольги Павловнъ, попомъ въ 1793 году, обрученіе старшаго Сына Его, Великаго Князя, Александра Павловича. Это былъ любимый внукъ Императрицы: невозможно описать, какъ велика бы-

ла Ея привязанность къ Нему. Всѣ попеченія, какія только можешь придумать любовь нѣжнѣйшей матери, лелѣяли счастливое дѣшство Его: Августѣйшая Бабушка заботилась и объ ученіи, и о самыхъ забавахъ Его. Нерѣдко Она Сама присутствовала при урокахъ, а въ краткія минуты отдыха находила иногда время заниматься сочиненіемъ нравоучительныхъ дѣшскихъ повѣстей. Все это было для любимца сердца Ея, для Ея Александра.—* Съ восхищеніемъ смотрѣла Она на цвѣтущую юность Его и на прекрасныя способности Его ума и сердца.

Съ наступленіемъ для Великаго Князя, пятнадцати-лѣтняго возраста, Государыня уже заботилась о томъ, чтобы при жизни Своей соединить Его съ подругою, столь же прелестною, столь же крошкою, какъ Онъ: избранная

* *Мой Александръ!* Такъ всегда называла ЕКАТЕРИНА молодаго Князя.

невѣста, *Луиза Марія Августа*, дочь Марьграфа Баденскаго, названная при муропомазаніи Елисаветою Алексіевною была ангель и видомъ и душею. Въ маѣ 1793 года совершилось обрученіе Ея съ Великимъ Княземъ, а 28 сентября того же года, бракосочетаніе. Радость, съ которою Императрица праздновала этошъ драгоцѣнный для Нея день, соединясь съ торжествомъ мира, заключеннаго въ тоже самое время съ Турціей, распространилась по всей Россіи, была радостію для всѣхъ подданныхъ Екатерины. Надобно было видѣть съ какимъ восторгомъ слушали они рассказы о малѣйшихъ подробностяхъ, касавшихся до молодаго Великаго Князя и Великой Княгини! Какъ веселились они этою постоянною заботливостію Государыни о счастлиихъ прекрасныхъ Супруговъ. Она безпрестанно готовила для нихъ какое нибудь новое удовольствіе. Однимъ изъ прекрасныхъ доказательствъ этого, служишъ пышный дворецъ Александровскій, въ Цар-

скомъ-Селѣ. Какъ ни чудесно великолѣпное устройство его и въ цѣломъ, и въ частяхъ опдѣльныхъ, Императрица все еще не находила его жилищемъ въ полной мѣрѣ достойнымъ обожаемаго внука Ея, и безпрестанно придумывала новыя для него украшенія.

Но эта исключительная привязанность къ Великому Князю Александру, не проспиралась въ великой душѣ Екатерины до того, чтобы вредить любви Ея къ младшимъ Внукамъ. Нѣпть, нѣжность души Ея была такъ велика, что каждый изъ Дѣтей Ея, находилъ въ материнскомъ сердцѣ Ея, всю полноту любви, все совершенство попеченій.

Такъ среди семейственнаго счастья и громкой славы государственной, встрѣпила Императрица и послѣдній годъ своей жизни — 1796. Радостное начало его, казалось, вовсе не предвѣщало горестнаго окончанія: 2 февраля было обрученіе, и потомъ 15-го, брако-

сочетаніе втораго внука Ея, Великаго Князя Константина Павловича съ принцессою Кобургскою, Юлією, названною при мвропомазаніи Великою Княжною Анною Феодоровною. Вскорѣ послѣ веселыхъ, продолжительныхъ и великолѣпныхъ праздниковъ, обыкновенно сопровождающихъ такой случай, новая радость восхитила весь домъ Царскій: 25 іюня, у Наслѣдника престола, къ особенной радости всего Августѣйшаго Семейства, послѣ нѣсколькихъ Великихъ Княженъ, родился претій сынъ — царствующій Императоръ нашъ, Николай Павловичъ. Эта семейственная радость была послѣднею для Екатерины: чрезъ четыре мѣсяца потомъ, 6 ноябрю, насталь страшный день для Россіи. Поутру этого дня, Государыня проснулась въ совершенномъ здоровьѣ, провела по обыкновенію время Свое до завтрака, была весела, и вскорѣ потомъ незамѣпно для всѣхъ окружавшихъ Ея почувствовала дурноту и упала въ обморокъ. Представьте себѣ, милые чи-

шапели мои, испугъ шой изъ приближенныхъ дамъ Императрицы, кошорая вошедши въ комнату увидѣла Государыню, лежавшею безъ чувствъ! Надобно знать всю мѣру привязанности, какую внушала Екатерина, чтобы понять и особенную горестъ каждого, и общую печаль и смященіе всѣхъ тѣхъ, кто былъ въ это время во дворцѣ.

Всѣ усилія любимаго Лейбъ-Медика Императрицы, Рожерсона, были бесполезны: ударъ паралича былъ такъ силенъ, что никакими средствами нельзя было возвратить Умирающей, ни памяти, ни языка. Нѣсколько часовъ сохранялось въ Ней только дыханіе, и въ ночь того же дня, оно прекратилось на вѣки, и — Екатерины, могущественной, несравненной въ ряду Царей земныхъ, Екатерины, генія - хранишеля не только Россіи, но и всей Европы, не спало! Сколько вліянія — эта знаменитая Государыня имѣла на спокойствіе Европы въ то сиушное время повсемѣстныхъ волненій, произве-

денныхъ ужасами Французской революціи, и сколько печали и страха распространило вездѣ извѣстіе о Ея кончинѣ, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ одного иностраннаго писателя:

„La Russie, invincible au dedans, crainte et considérée au dehors, dominant par les armes et par la politique, était la puissance prépondérante de l'Europe, la préservatrice de trônes ébranlés, et l'étoile polaire, que cherchaient les peuples, menacés de naufrage, lorsque Catherine, qui l'avait élevée à cette situation honorable et brillante, termina sa glorieuse carrière. Est-il donc étonnant, que sa mort ait causé tant de douleur et d'effroi, puisqu, à sa vie était attachée pour un si grand nombre, la sécurité, ce premier des biens de l'homme? *

* Россія, непобѣдимая внутри, уважаемая до страха за предѣлами своими, превышавшая другія государства и оружіемъ и политикою, была первымъ царствомъ Европы, хранительницею потрясенныхъ троповъ и полярною звздою народовъ, боявшихся кораблекрушенія, когда Екатерина, возвысившая ее на эту

Если кончина Екатерины опечалила государства иностранные; что же она должна была произвѣсть въ странѣ, которой Екатерина посвятила жизнь Свою, въ странѣ, которую она любила, какъ Свое отечество? О! горѣшь, поразившая ее, была неописанна, и очевидцы, бывшіе въ Петербургѣ въ несчастный день 6 ноября, рассказываютъ, что во все время неизвѣсности, т. е. пока доктора напрасно употребляли всѣ возможные старанія привести въ чувство Государыню, жители Петербурга были въ какомъ - то мрачномъ оцѣпенѣніи: встрѣчавшіеся смотрѣли съ безпокойствомъ другъ на друга, не смѣли ни о чемъ спрашивать, какъ будто боясь услышать страшный отвѣтъ о томъ, что уже нѣтъ ихъ Благодѣтель-

почетную и блестящую степень, окончила Свое славное - поприще. После этого удивительно ли, что кончина Ея причинила столько горести и ужаса? Съ жизнью Ея соединялась, для многихъ народовъ, безопасность— это первое благо чловѣка.

ницы, ихъ незабвенной Матери. Когда же разнеслась страшная вѣсть по городу, не было мѣры слезамъ, не было утѣшенія печали огорченныхъ! Единственною отрадою оставалось для нихъ воспоминаніе о тѣхъ безчисленныхъ благодѣянїяхъ, которыя такъ убѣдительно доказывали Ея материнскую любовь къ нимъ. Проливая слезы, они исчисляли Ея благошворенія, и такимъ образомъ находили облегченіе печали своей въ мысли о Ея вѣчномъ существованіи въ мірѣ небесномъ, и о Ея нескончаемой славѣ въ мірѣ земномъ.

Такая мысль есть лучшее утѣшеніе для осиротѣвшихъ, а воспоминаніе о дѣлахъ, совершенныхъ душею, покинувшею насъ—есть лучшая дань, приносимая ея памяти. Послѣдуемъ же примѣру соотечественниковъ нашихъ того времени, и усладимъ горестный рассказъ нашъ о кончинѣ Незабвенной нѣсколькими словами о тѣхъ дѣлахъ

Ея, которыя еще неизвѣстны вамъ, милыя дѣли.

Главное мѣсто занимаетъ здѣсь дѣло, чрезвычайно-важное для высшаго класса народа нашего—*грамота, пожалованная дворянству Россійскому, 21 апрѣля 1785 года.* Это былъ актъ, которымъ не только подтверждались права и преимущества, данныя дворянамъ Рускимъ, Императоромъ Петромъ III, но и предоставлялись новыя, дополъ неизвѣстныя имъ. Грамота, пожалованная дворянству, устраивая состояніе дворянъ во всѣхъ отношеніяхъ, исполняла сердца ихъ вѣчною благодарностію къ Государынь и новымъ усердіемъ къ престолу и опечесству. Въ то же время, т. е. 21-го же апрѣля 1785 года, и среднее состояніе, или купечество и мѣщане получили подобный же актъ объ устройствѣ ихъ сословія. Этомъ актъ извѣстенъ подъ названіемъ *Городоваго Положенія.* Великая Государыня не забыла при этомъ случаѣ и низшій классъ Своихъ подданныхъ,—

крещьянъ и крѣпостныхъ людей: всѣмъ владѣльцамъ ихъ, строго запрещалось жестоко обращаться съ ними. Припомъ Она обнародовала особенный указъ, въ которомъ навсегда запрещалось упоминать слово *рабъ* въ прошеніяхъ, подаваемыхъ на Высочайшее имя, и предписывалось замѣнить его простымъ словомъ: *вѣрный подданный*.

Мудрая Законодательница, такъ прекрасно устроившая судьбу всѣхъ сословій государства Своего, и такъ много заботившаяся о просвѣщеніи ихъ, не могла не обратить особеннаго вниманія на ближайшее средство къ просвѣщенію и снѣгченію нравовъ—на воспитаніе женщинъ. Кипо болѣе всѣхъ имѣеть вліянія на первое образованіе ума и сердца ребенка? конечно, мать. Чьи наставленія скорѣе всего напечатлѣваются въ его памяти? конечно, матери! Какое же несчастіе, если эта первая руководительница, данная чело-вѣку самою природою, не имѣеть возможности исполнить какъ должно,

своей священной обязанности! Екатерина видѣла недоспашокъ въ этомъ отношеніи у Рускихъ, и положила основаніе къ исправленію его: Она учредила въ Петербургѣ, при извѣстномъ чипапелямъ моимъ, основанномъ Императрицею Елисаветшою, монастырѣ Воскресенскомъ (или нынѣшнемъ Смольномъ) училище для воспитанія благородныхъ и также мѣщанскихъ дѣвицъ.

Вскорѣ послѣ этого важнаго событія въ дѣлѣ просвѣщенія, совершилось другое, не менѣе важное: улучшеніе учебныхъ заведеній для дѣшей мужескаго пола. Корпуса: первый кадетскій, морской и артиллерійскій, были почти совсѣмъ преобразованы и во всѣхъ частяхъ усовершенствованы. Кромѣ того, учреждены три новыя училища: *Горное, Лекарское и Судоходное*, а чрезъ нѣсколько лѣтъ потомъ, просвѣщенная Государыня увеличила быстрые успѣхи образованности въ царствѣ Своемъ учрежденіемъ *народныхъ училищъ* по

всей имперіи. Съ того времени средства къ просвѣщенію, сосредоточенныя прежде въ однѣхъ столицахъ, сдѣлались доступными и для самыхъ отдаленныхъ обитателей обширныхъ странъ нашего отечества.

Но желая исчислить все, что сдѣлала Екатерина въ печеніе Своего царствованія, мы никогда не кончили бы, милые читатели мои, потому что не въ однихъ важныхъ событіяхъ видны черты Ея геніяльнаго, великаго, духа: и въ малѣйшихъ дѣлахъ, совершенныхъ Ею, проявляются эти высокія качества, стало быть, и малѣйшія дѣла Ея любопытны и достойны описанія. Не имѣя возможности совершить дѣло столь широкое, мы заключимъ настоящій рассказъ нашъ еще одною прекрасною чертою Екатерины.

Въ 1787 году, *приваніе ости* уже употреблялось во многихъ мѣстахъ Европы, но въ Россіи еще не вѣрили благодушному дѣйствию этого изобрѣтенія, и даже боялись его. Какъ вра-

зумишь предубѣжденныхъ и спасти отъ гибели безчисленное множество дѣшей, умиравшихъ отъ страшной заразы оспы естественной? Екатерина никогда не колебалась тамъ, гдѣ дѣло шло о спасеніи жизни человѣческой. Не смотря на сорока-лѣтній возрастъ Своей въ то время — Она не имѣла еще оспы и вмѣсто того, чтобы опасаться этой ужасной болѣзни Великая благодарила Бога, что Онъ избиралъ Ее орудіемъ спасенія милліоновъ людей, и съ совершеннымъ спокойствіемъ духа привила Себѣ оспу, чтобы примѣромъ Своимъ, убѣдишь подданныхъ въ пользу прививанія. Эшаго еще недовольно: счастливо перенеся весь ходъ болѣзни, Она приказала привить ее и единственному Сыну и Наслѣднику Своему, Великому Князю Павлу Петровичу! Могъ ли такой высокій примѣръ самоотверженія, не подѣйствовать на подданныхъ, умѣвшихъ цѣнить знаменитую Государыню свою? При первомъ извѣстіи о немъ, они убѣждены были

въ спасительныхъ дѣйствіяхъ прививанія, и съ тѣхъ поръ, уже съ полною довѣренностію къ Августѣйшей Матери народа, приносили младенцевъ своихъ подъ ланцетъ прививателей.

Теперь, милые читатели мои, послѣ этого прекраснаго доказательства безпредѣльной любви ЕКАТЕРИНЫ къ подданнымъ Ея, можно судить о великости удара, поразившаго ихъ 6 ноября 1796 года, и о невыразимой горести ихъ!

Конецъ пятой части.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

П я т о й ч а с т и.

	Стран.
Правительница Анна Леопольдовна	1.
Императрица Елисавета	12.
Непостоянство счастья	24.
Наслѣдникъ престола и Его супруга	45.
Состояніе Европы во время царствованія Императрицы Елисаветы	61.
Война съ Пруссіей и кончина Императрицы	74.
Императоръ Петръ III	115.
Первыя пять лѣтъ царствованія Екатерины II	123.
Екатерина и враги Ея	143.
Моровая язва Пугачевъ	164.
Торжество мира съ Турціей и учрежденіе губерній	197.
Вооруженный нейтралитетъ или новая слава Екатерины	221.
Князь Потемкинъ Тавричскій	247.
Полуостровъ Крымъ и путешествіе Императрицы	286.
Война съ Турціею и Суворовъ	347.
Война и миръ съ Швеціею	389.
Смерть Потемкина и миръ съ Турціей	401.
Польша	418.
Кончина Екатерины	438.
